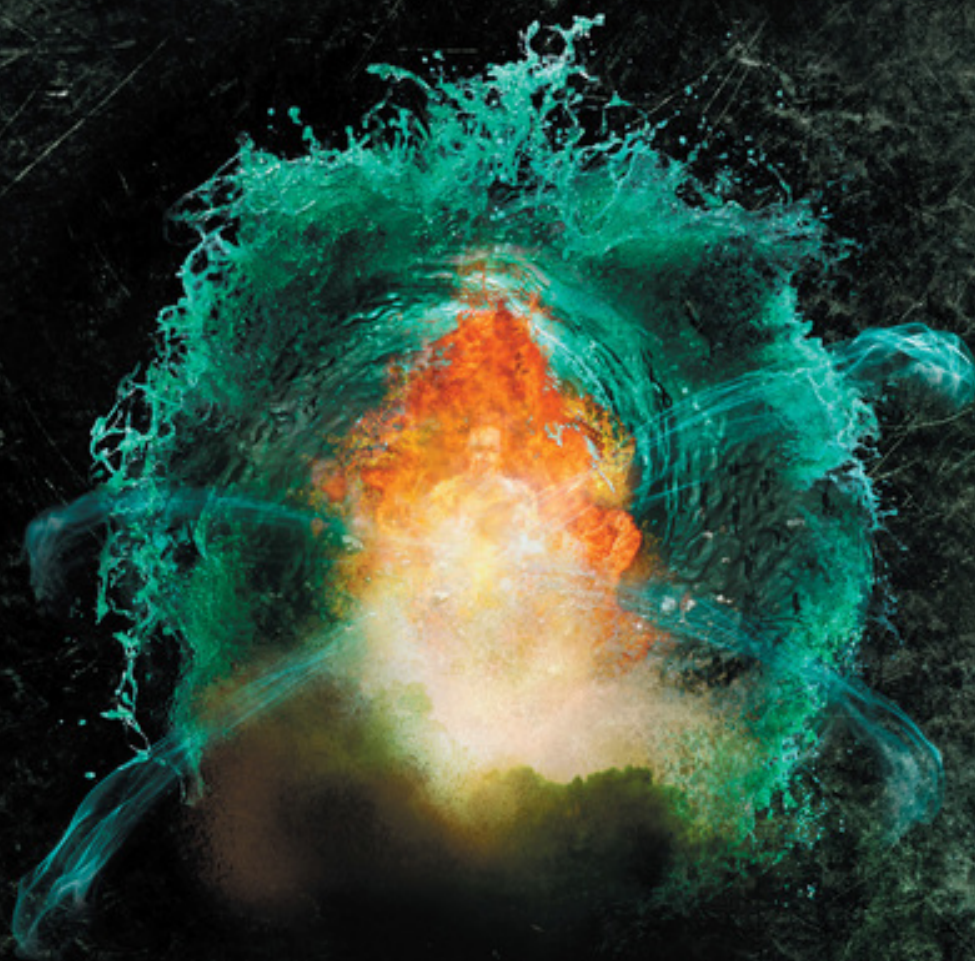

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ,
ПРЕМИЯ ЯНУША ЗАЙДЕЛЯ, ПРЕМИЯ SFINKS И ДРУГИЕ

ЯЦЕК ДУКАЙ
ИНЫЕ
ПЕСНИ

МИР ПЯТИ ЭЛЕМЕНТОВ ПОД ВЛАСТЬЮ ФОРМЫ
В СКАЗАНИИ О СИЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА
И О ТОМ, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ОПИСАТЬ

Сны разума

Яцек Дукай

Иные песни

«Издательство АСТ»

2003

УДК 821.162.1-3
ББК 84(4Пол)-44

Дукай Я.

Иные песни / Я. Дукай — «Издательство АСТ», 2003 — (Сны разума)

ISBN 978-5-17-116633-5

Это Земля, но она совершенно не похожа на нашу планету. Это мир с иными законами биологии, астрономии, физики и истории. Это мир беспрекословного торжества духа над материей, разума над телом. И теперь он может быть разрушен до основания. Иероним Бербелек некогда слыл великим полководцем. Однако, проиграв лишь одну битву, он был сломлен и едва не лишился собственной личности и воли к жизни. Но теперь опозоренный военачальник снова понадобился властителям этого мира, ведь они столкнулись с чем-то, что не поддается описанию и усмирению. Встретившись со своими взрослеющими детьми, которых он не видел многие годы, Иероним получает шанс обрести себя прежнего – и отправляется в Африку, страну золотых городов и бесформенных тварей, в сердце тьмы, где по воле чуждого людям сознания рождаются отвратительные чудеса и ужасающая красота...

УДК 821.162.1-3

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-116633-5

© Дукай Я., 2003

© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Часть I	10
А. Ноктюрн	10
В. Купеческий Дом	13
Г. Отцперодство	21
Д. Бог в цирке	32
Е. Слово, жест, взгляд	41
е. Как Чернокнижник	49
Часть II	54
Z. Аэреус	54
Н. Под солнцем Навуходоносора	66
Θ. Кинжал	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Яцек Дукай
Иные песни

Это Земля, но она совершенно не похожа на нашу планету. Это мир с иными законами биологии, астрономии, физики и истории. Это мир

беспрекословного торжества духа над материей, разума над телом. И теперь он может быть разрушен до основания. Иероним Бербелек некогда слыл великим полководцем. Однако, проиграв лишь одну битву, он был сломлен и едва не лишился собственной личности и воли к жизни. Но теперь опозоренный военачальник снова понадобился властителям этого мира, ведь они столкнулись с чем-то, что не поддается описанию и усмирению. Встретившись со своими взрослеющими детьми, которых он не видел многие годы, Иероним получает шанс обрести себя прежнего – и отправляется в Африку, страну золотых городов и бесформенных тварей, в сердце тьмы, где по воле чуждого людям сознания рождаются отвратительные чудеса и ужасающая красота...

Jacek Dukaj
INNE PIEŚN

ЯЦЕК ДУКАЙ ИНЫЕ ПЕСНИ

Перевод с польского
Сергея Легезы

Москва
Издательство АСТ

© Copyright by Jacek Dukaj
© Сергей Легеза, перевод, 2020
Copyright © Tomasz Bagiński, illustration. All rights reserved.
© ООО «Издательство АСТ», 2020

За свою жизнь, выработав в себе особенную впечатлительность перед Формой, я действительно боюсь того, что у меня пять пальцев на руке. Почему – пять? Почему не 328584598208854? А почему не все количества сразу? И почему вообще палец? Нет для меня ничего более фантастического, чем то, что здесь и сейчас я таков, каков есть, определенный, конкретный, именно такой, а не какой-то другой. И я боюсь ее, Формы, словно дикого зверя! Разделяют ли другие мое беспокойство? И насколько? Не ощущают Форму как я, ее автономность, ее произвольность, ее создающую ярость,

капризы, извращения, нагромождения и распады, несдержанность и безграничность, непрерывное спутывание и распутывание.

Витольд Гомбрович

*Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас – от единой матери,
Но сила нам отпущена разная.*

Пиндар. Немейские песни. Вассиды

Часть I

А. НоктюРН

Туман вился вокруг дрожек, в мягких очертаниях бело-серой завесы господин Бербелек силился прочесть свое предназначение. Туман, вода, дым, листья на ветру, сыпучий песок и человеческие толпы – в них видно лучше всего.

Голову клонило к кожаной обивке. Глубоко вдохнув влажный воздух, он защитился от морфы ночи, маленький человек в дорогом пальто, со слишком гладким лицом и слишком большими глазами. Взял с сиденья газету, оставленную предыдущим пассажиром. В грязном свете проплывающих пирокийных фонарей с трудом вчитывался в гердонские литеры: буквы – как руны, как останки неких бóльших знаков, справа жирные и толстые, к левой стороне блекнущие. Твердая бумага мялась и ломалась в перчатках. ЛУННАЯ ВЕДЬМА ВЛЮБЛЕНА. КТО ИЗБРАННИК? Колонка рядом – гравюра с морским чудищем и заголовок: ПЕРВЫЙ НИМРОД АФРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ ПОГИБ НА МОРЕ. Политический комментарий риттера Дреуга-из-Кёле: *«Действительно ли столь сложно было предвидеть союз Иоанна Чернобородого с кратистосом Семипалым? Риму, Готланду, Франконии и Неургии теперь придется прогнуться под сном Чернокнижника. Спасибо нашим дипломатам за их прекрасную работу!»* Текст едва не сочился сарказмом. В лужах на черной мостовой отражалась Луна в третьей четверти, ее безоблачное небо открывало розовые моря, кратиста Иллея воистину должна пребывать в хорошем настроении (может, и вправду влюблена?), или же сознательно столь широко распростерла свою корону. Антос господина Бербелека редко растягивался дальше, чем на вытянутую руку, и лишь в тумане, в дыму удавалось отгадать хоть что-то по его очертаниям – может именно будущее, предсказание кismetа, как того хочет популярное суеверие. Но разве нынче вечером господин Бербелек не сгибал волю как министра Брюге, так и Шулимы? И потому поглядывал, задумчив, во вьющийся туман.

Ктлап, ктлап, ктлапп, извозчик не погонял лошадку, ночь была тихой и теплой, момент навязывал спокойствие и задумчивость. Господин Бербелек вспоминал жар отдающего вином дыхания Шулимы и запах ее египетских духов. Нынешней весной подошло к концу владычество аскетической моды Гердона (малая победа над кратистосом Анаксегиром, по крайней мере, на этом поле), и в салоны вернулись традиционные европейские гиматии, лондонские кафтаны, рубахи без пуговиц, открывающие торс, а для женщин – кафторские платья, софоры и митани, арабские шальвары, поднимающие грудь корсеты, крикливая бижутерия для сосков. Предплечья Шулимы охватывали длинные спиральные браслеты из бронзы в виде змей, и, когда эстле Амитаче подала Бербелеку руку для поцелуя (прикосновение ее кожи почти обжигало), он заглянул гаду прямо в изумрудные глаза. – Эстле. – Эстлос. – Она уже улыбалась, хороший знак, он с первого взгляда навязал форму дружелюбия и доверительности. После она шептала ему из-за синего веера ироничные комментарии по поводу проходящих мимо гостей. Как и по поводу своего дядюшки. Эстлос А. Р. Брюге, министр торговли княжества Неургия, недавно впутался в сложный роман с готской кавалеристкой, сотницей Хоррора, которая наверняка была сильным демиургосом, – после каждой встречи с ней Брюге возвращался чуть более милым и чуть более глупым, как смеялась Шулима. Может, и правда, министр оказался уже обработан раньше? Ведь он согласился на предложение Бербелека совершенно без сопротивления, взмахов рук и гримас, не желая даже задумываться, – вот так Торговый Дом «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» и получил фактическую монополию на импорт мехов из Северного Гердона. Господин Бербелек торжествовал. Между одним тостом и следующим, не задумываясь,

он пригласил Шулиму в свое летнее имение в Иберии. Она приподняла бровь, шелкнула веером, змея блеснула зеленым глазом. – Охотно.

Вот только теперь, считая в лужах горящие Луны и удары копыт по мостовой города во влажной тиши, господин Бербелек думает так: а если все было наоборот, если это ее антос коварно пожрал меня, и это ее упрямство вытолкнуло из моего рта оное приглашение? И, рассказывая историю о готской сотнице-демиургосе, не пыталась ли она дать мне некий намек?..

Туман поредел, сделались видны угловатые силуэты домов, склоняющиеся над открытой коляской дрожек. Классическая воденбургская архитектура никогда не обладала для Бербелека большим очарованием, все эти массивные жилища, втиснутые в извилистые ряды, улицы как каньоны каменного лабиринта, крыши, нахохлившиеся горгульями и звериными пастями, окна словно бойницы, порталы как врата гробниц, темные дворы за скрытыми в тени подворотнями, вечно мокрая брусчатка, по которой вниз, к порту и морю, стекают ручьи городской грязи... Центр и большинство жилых кварталов столицы выстроены во времена кратистоса Григория Мрачного, когда тот властвовал в княжеском дворце. Керос Воденбурга в ту пору гнулся и плыл в огне короны кратистоса воистину будто воск, сам дворец после ухода Григория застыл в форме призрачных садов из камня и стали. Бербелека пригласили туда сразу после переезда в Воденбург, его собственный дом на контрасте казался после дворца вполне солнечным и радостным. И все же люди меняются быстрее, чем неживая материя. Спустя три поколения после Григория Мрачного воденбургцы научились смеяться и развлекаться, и Бербелек даже услышал от них за шесть лет пару шуток. Какое счастье, что Шулима родом не отсюда. Он раскрыл «Всадника сумерек» на предпоследней странице. Сегодняшняя карикатура – он напряг зрение – представляла канцлера Лёка на четвереньках, с блаженным выражением лица выливающего ночной горшок Чернокнижника. Что ж, Рим не сразу строился, а чувство юмора не родится из камня.

Они проехали через храмовую площадь. На ступенях Дома Иштар он увидел нескольких проституток из послушниц, бедра белели в газовом свете. Дрожки свернули, ускоряясь на идущей под уклон улице, ктлапкхлап. Он полез во внутренний карман кафтана, вытащил махронку и спички. Да-а-а. Затянулся дымом, откинул голову на кожаную обивку и загляделся на небо. Несмотря на послеобеденный дождь, было оно безоблачным, игриво мерцали звезды, Луна почти ослепляла. Лишь внизу, над портом, где на железных цепях висели воздушные свиньи, их мощные туши заслоняли звездосклон. Махорник тлел красным, господин Бербелекдохнул, блески искр полетели в ночь. Скажем, Кристофф удержит обороты на уровне прошлого года. Но после принятия государственных заказов... Сто двадцать, сто сорок тысяч грошей чистого дохода. Пятнадцать процентов от этого... Скажем: двадцать тысяч. Я оплатил бы, наконец, долги отца и покрыл бы содержание Орланды, Марии и детей. Стоило бы также выкупить услуги какого-нибудь хорошего текнитеса тела. Признай, Иероним Бербелек-из-Острога: стареешь, как и всякий.

Монотонное движение дрожек и ритмичный цокот копыт действовали усыпляюще, почти гипнотически – когда остановились, Иероним встрепенулся, как бы пробудившись от утреннего сна.

– Приехали, эстлос, – пробормотал возница.

Господин Бербелек, высаживаясь, неспешно копался в кармане в поисках мелочи.

Ворота во двор, конечно же, оказались заперты, но пирокийный свет горел над меньшими дверями, рядом. Он трижды стукнул в них серебряным набалдашником трости. Дрожки отта-рахтели неторопливо вверх по пустой улице, к храмовой площади. Еще одна затяжка черным махорником в холодном предрассветном полумраке, в тот самый долгий час, когда боги расправляют свои кости, а керос Вселенной становится на крупницу мягче и на крупницу ближе Материи...

– Ах, наконец-то! Я уже думал, что сегодня ночью не вернетесь! Как там бал, а? Ну, прошу ваше пальто! И перчатки. Разве дождь не пошел снова?

Господин Бербелек проигнорировал ворчливое словоизвержение старого слуги и, даже не сняв кафтана, зашел во фронтальную библиотеку. Здесь, у пустого пюпитра, он начертил на маленьком листе телячьего пергамента короткую записку об успехах переговоров с министерством торговли. Дважды, по еврейской моде, сложив листок, растопил над свечой зеленый шлак и запечатал письмо. Еще перстень с гербом Острога и:

– Портэ! Пусть Антон доставит это в контору эстлоса Ньютэ. Сейчас же!

Однако сам он от пюпитра не отвернулся. Этот дым над свечкой – он поднял руку – а ведь сквозняка нет – сабля или меч? – в листьях на ветру, в человеческой толпе, в тумане, воде и дыму, в этом темном дыму – он даже наклонился, моргая, – кривой клинок, да.

В. Купеческий Дом

В тот день господин Бербелек не выспался. Воденбургскими ночами господин Бербелек спал плохо, но нынче, к тому же, еще и мало: едва пробил девятый час, как в спальню, отталкивая замерших у порога Портэ и Терезу, ступил эстлос Кристофф Ньютэ, и сразу вся сонливость принялась испаряться из Бербелекова тела, кошмары – из сознания.

– Ах, ах, ах! Иероним, чудотворец, кратистос ты мой салонный, к стопам припадаю, к стопам!

– Чума на тебя... Не открывай штор!

– Как ты это устроил, вникать не стану, скажу только, что ты достоин последнего грошика, следующий корабль у Сытина назовем твоим именем, да покажи же морду, дай тебя обниму!

– Прочь, прочь! Ты бы и сам справился, Брюге согласился бы на все, видать, ошалел от любви, голова, по крайней мере, – в небесах... Тереза! Кахвы!

Благородный Кристофф Ньютэ, риттер иерусалимский и меховой магнат – и тоже не воденбуржец (он был гердонцем во втором поколении, рожденным в Нойе Реезе Германа, сына Густава), что частично объясняло его словоохотливость. Однако жил он здесь уже дольше Бербелека, и для того представляло величайшую загадку, как Кристоффу удается оставаться все таким же порывистым холериком, в то время как даже истинные демиургосы оптимизма и бесцеремонности после нескольких месяцев жизни под морфой Григория впадали в «воденбургскую депрессию». Но Ньютэ и вообще был – само отрицание заурядности: шесть с половиной пусов роста, два литоса живого веса, архитектурные плечи, волосы, как язык пламени – рыжая борода, рыжая грива, – и этот пещерный глас, рев пьяного медведя, даже когда он шептал – звенели рюмки.

– Я сразу составил новые заказы и курьерским отослал комиссионерам более высокие ставки на закупку, выпрем Кройцека не только из Неургии, но и из балтийских княжеств, живо себе это представляю, – продолжал господин Ньютэ. – Год-другой, не смогут же они вечно держаться на цыганских кредитах, а когда пробьемся на север —

– У Мушахина поддержка королевского казначея, – встрял Иероним, отпивая горячей кахвы с корицей.

– Ха! А разве не для этого я взял тебя в товарищество? У тебя знакомцы в восточных дворах, твоя первая родом из Москвы, верно?

– Кристофф...

– Ну, уж извини, что я вспомнил, Господин Мученик! Кристе, как же ты умеешь получать удовольствие от скорби! Помнишь, как мне пришлось вытаскивать тебя из псарни Лёка? Уж думал —

– Пошел прочь.

– Да ладно, ладно. О чем это я... Кройцек, Мушахин, братья Розарские. Ну а дальше – только сибирское ханство.

– Их не пересилить, стоимость транспортировки —

Кристофф вмазал ладонью по подушке.

– Да я туда и не полезу! Наоборот! Соболя в Северный Гердон, например. Раз – и через пролив. А уж как Дедушка Мороз выморфирует тот ледяной мост из Азии в Новую Лапландию!..

– Ну-ну. Морфирует его с семисотого. Слабый антос, ему бы перебраться из Уббы к самому проливу Ибн Кады.

– И что ты так хмуро со мной, эстлос? Три прекрасные новости за утро, а он – как из могилы поднятый!

– В том-то и дело... Если человек просыпается более измученным, чем когда засыпал...

– И что же тебе снова приснилось?

– Не помню, не уверен, да и не знаю, как о таком рассказать. Представь, Кристофф, что-то такое: я заперт, но в бесконечном пространстве, бегу к месту, где уже стою, а они рубят меня до кости, и, сколько бы я ни оборачивался – оборачиваюсь не я —

– Хватит, хватит! Надо бы тебя расшевелить, а то ржавеешь тут. На тот бал я тебя тоже чуть ли не силой вытолкал – и что? Плохо сделал?

– Что за новости?

– Ах, так ты не знаешь! Тор идет на войну! Снова будут сражаться за Уук. Вообрази себе этот заказ, только зимний контингент, а еще и цены скакнут!..

– Паразит.

– Ха. А через три часа прибывает «Филипп Апостол», на рассвете прилетела птица. Раньше срока и – никаких потерь. И скажи теперь мне, что нет нужды инвестировать в собственный флот!

– Никаких потерь, потому что ты завлек на последний рейс этого перса-гекатомба. Читал вчерашний «Всадник»? Что-то сожрало клипер Компании вместе с их лучшим нимродом, и где? – в Средиземном море! А ты говоришь об океаносе!

– Именно поэтому ты тотчас воздвигнешься с ложа сего и отправишься со мной в порт. Нужно поймать Ихмета еще на трапе, пока он не подписал контракты с другими. Уж ты-то его сумеешь убедить, чувствую, вы придетесь друг другу по вкусу. В письмах он отзывался о тебе с немалым почтением – вы и вправду никогда не встречались? В любом случае, теперь у вас есть возможность, обменяетесь своими кровавыми историями, возьмешь его в баню, все за счет фирмы, да не скупись, пусть у него в голове зашумит, это только —

– Не хочется мне, – отрезал Иероним.

Кристофф с размаха хлопнул его по спине, да так, что чашка с остатками кахвы выпала из рук господина Бербелека на кровать, а с нее – на ковер.

– Верю в тебя!

– Фанатик.

Господин Бербелек поплелся в санитарииум, где Тереза уже приготовила кипяток для купели. Пар сгустился на цветном витраже, розетте, выходящей во двор дома. Лишь в эту пору дня солнечный свет изгонял со двора мокрую тень, через час там воцарятся каменные сумерки – тогда газовые пирокийные язычки, переливчато отразившись от небесно-зеленой мозаики, придадут ванной комнате облик морского аквариума. Здесь Иероним часто дремал в купели, и сны, здесь рожденные, укачивали его ласковой всего.

Господин Бербелек вообще легко и часто впадал в дрему – кроме ночи, когда, собственно, сон приходил с трудом. И так с детства, сколько себя помнил, ибо задолго до Коленицы преследовали его черные кошмары, которые он, пробудившись, никак не мог ни пересказать, ни даже толком припомнить; оставалось лишь ощущение абсолютной потерянности и дезориентации, да тревоги настолько глубокой, что о ней и говорить-то невозможно. Зато дни его в Воденбурге текли в бесконечной сонной ленности, зачастую он даже не поднимался с постели, не одевался, было незачем и не для чего. Слуги качали головами и ворчали вполголоса, но он не обращал внимания. Голоса, люди, свет и тьма, шум и тишина, пища со вкусом таким и эдаким, смена поры года за окнами – все это сливалось в одну теплую, клейкую массу, затапливавшую его медленными приливами, плотно залеплявшую сознание. Побороться с этим могла лишь сильная рука эстлоса Ньютэ, она вытаскивала Иеронима на поверхность. Ньютэ всегда знал, зачем и для чего.

Деньги, деньги, деньги. Казалось, что после прибытия в столицу Неургии господин Бербелек ни о чем другом и не думает, по крайней мере, не было иного стержня в его поступках. Ведь если он и вырывался из этой сети, то – не к иным желаниям, а лишь в темную неподвижность и безволие, в тот тартар стариков и самоубийц, куда из Воденбурга отворялись врата

широчайшие. Впрочем, следовало признать, что богатство – хоть какая-то цель, какая-то причина для жизни, может низкая, но настоящая, а из него рождались иные причины, и началось возрождение человечности. Например, гордость, личное достоинство – из эстетики одежд и форм этикета. Белизна рубахи и тяжесть колец на пальцах определяют значимость мгновения. Так мертвые предметы умудряются морфировать самоощущение человека – так не наиболее подлейшая ли мы субстанция?

Потому, когда Бербелек присоединился, наконец, к Кристоффу, одетый в выходное платье, с умощенными волосами, с зеленой леей, повязанной под подбородком, в черном, плотно застегнутом британском кафтане и в юграх с отполированными домашним невольником голенищами, – он был на крупницу иным эстлосом Бербелеком, нежели тот, кого Кристофф застал в теплой духоте спальни; чуточку иначе мыслящим и совершенно иначе себя ведущим. В коляску эстлоса Ньютэ Иероним вскочил столь же энергично, как и сам Ньютэ. Весеннее солнце грело вовсю, он бросил на поручень хумиевое пальто. Кристофф, напротив, остался в своей широкой шубе с бобровым воротником – и теперь, когда гердонец громоздился на широком сиденье, господин Бербелек выглядел подле него еще более щуплым и невзрачным.

Перед выходом он взглянул на термометр: семнадцать рисков по александрийской шкале – хотя с моря тянуло сильным холодным ветром, а по лазоревому небу мчались клочковатые облака песчаного цвета. Дымы металлургического завода Вёрнера обычно затягивали северный горизонт, но нынче ветер совладал и с ними, небо сделалось будто глазурь. Они ехали в противоположном направлении, вниз, к порту, и Иероним ни на миг не терял из виду воздушных свиней, чьи вытянутые тулова подергивались вверх-вниз и в стороны. Посчитал: семь. Прибыла одна, в цветах султаната Мальты, корзины как раз двигались. Он взглянул в сторону флагштока порта. И вправду, сообщение о прибытии «Филиппа Апостола» уже вывешено. Самого порта он пока не видел, улицы Воденбурга были исключительно извилисты: проектировали их с мыслью об обороне от британских пиратов, еще до 850 года ПУР наведывавшихся в эту часть Европы. Северные города, что покорились и выплачивали британам дань, избежали разрушений, следы коих все еще примечались в Воденбурге: например, выщербленная прибрежная стена. Ее темно-серый массив нависал над портовым кварталом города, теперь там располагались казармы текнитесов моря и якорни свиней. Из черных глазниц башен торчали овальные рыла столетних пироксидер.

Прежде чем выехать на портовый бульвар, коляске пришлось пробираться еще более сужающимися улочками старого купеческого квартала – и здесь она увязла на долгие минуты. Их окружила толпа, в уши ворвалась взвесь криков, смеха и громких разговоров на четырех языках, в ноздри – запахи: от обыкновенных до самых экзотических, тех, из персидских и индусских магазинчиков, открытых «прилавков дураков», эти запахи все были острыми. Как всегда в такой толпе и суматохе, всякая вещь казалась чуть менее собой и чуть более чем-то другим, то есть ничем, вещь, слово, воспоминание, мысль, господин Бербелек рассеянно постукивал набалдашником трости по подбородку.

– А этот Ихмет...

– Да?

– У него есть семья? Где он обитает?

– Связать его землей? Хм... У этого города много преимуществ, но чарующим его называют немногие.

– Я скорее думал о домике под Картахеной, имение подле моей виллы в будущем месяце пойдет на продажу, получил письмо, можно бы...

– Они сильно ценят подобные связи. М-м...

Не стоило забывать, что рыцарь Ньютэ – се в глубине души ксенофоб. Господин Бербелек прекрасно об этом помнил, он сам оставался для Кристоффа чужаком; разве что здесь, в Неургии, чужаками были они оба. Ксенофобия Кристоффа была столь специфической, что

не плодоносила ни ненавистью, ни неприязнью, ни хотя бы страхом. Просто Кристофф к каждому, кто не был гердонцем и христианином, относился будто к дикому варвару, ожидая всего наихудшего и не удивляясь ничему, а любое проявление человечности приветствовал как огромную победу своей морфы. За этим крылись глубочайшие пласты непреднамеренного презрения, но внешне оно проявлялось только в словоохотливой сердечности. «Говоришь по-гречески! Как же я рад! Придешь к нам на ужин? Если, конечно, ешь мясо и пьешь алкоголь». И при том Кристоффа воистину невозможно было не любить.

Господин Бербелек вынул янтарную махронку и угостил риттера. Закурили оба, возница подал огня.

– Ты ведь знаешь эстле Шулиму Амитаче.

– Конечно. – Господин Ньютэ неторопливо выпустил вязкий дым. – Что за смесь?

– Наша.

– Правда? Ты подумай. Так что с той Амитаче?

Господин Бербелек захихикал, глубоко затянувшись.

– Я, пожалуй, поймался в ее корону. Ну, или она – в мою. И поэтому думаю...

– Все женщины – демиургосы вожеления.

– Да-а-а...

– Тогда чего переживаешь? Все правильно, породнись с ними, с Брюге, с его родственниками, об том и речь, об том и речь. Для вящей силы НИБ!

– Она приехала из Византиона – не знаешь ли кого-то, кто знал бы ее там?

– Поспрашиваю. А зачем? Верить этим сплетням?

– Каким сплетням?

– Что молодая не потому, что молода, а красивая не потому, что красива...

– Ах, как обычно, рассказывают безумные сказки из зависти.

– Точно. Раз уж родственница Брюге —

– Глиняный министр.

Возница щелкнул кнутом, кони рванули, экипаж вырвался из толчеи. Они выехали из тени улицы на солнечные бульвары, широкие портовые террасы, где керос, освобожденный от натиска толпы, тотчас затвердел, а господин Бербелек согнал свои мысли в стройную шеренгу, обрывочный разговор завершился.

Склады Дома «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» находились в длинном деревянном пакгаузе, чьи высокие ворота раскрывались прямо на набережную. Воденбург обладал глубоким портом и закрытым, безопасным заливом (творением некоего позабытого кратистоса), и обычно корабли швартовались здесь борт в борт, плотно заслоня морской горизонт; как и нынче. Шла выгрузка и погрузка, у самого причала НИБ суежилась сотня невольников и наемных рабочих.

Кристофф и Иероним подъехали к складам сзади. Эстлос Ньютэ, сойдя, вынул из кармана часы.

– Полчаса еще.

Внешней лестницей поднялись в контору – та размещалась в надстройке, на третьем этаже. В дверях разминулись с Н'Йумой.

– Подгони же людей с «Кароля», на весла, на весла, мне поскорее нужно освободить место для «Филиппа».

Одноглазый негр кивнул. В прошлом году Н'Йума выкупился у риттера, но ментальность невольника никуда не делась, такая морфа впечатывается глубже всего.

У господина Бербелека имелось здесь свое бюро, ему выделили угловую комнату, но за все эти годы он заглядывал туда лишь пару раз. Не видел необходимости поддерживать фикцию, купец из него был – как из Кристоффа дипломат. Если и навещался на склады, то все заканчивалось визитом в кабинет Ньютэ, откуда, впрочем, открывался наилучший вид; широкое, трехстворчатое окно выходило прямо на порт и залив, господин Бербелек мог с высоты

мачт оглядывать все здешние муравьиные хлопоты. Если не было дождя и не стоял слишком сильный мороз, Ньютэ оставлял окна открытыми, и внутрь тогда свободно врвался морской ветер, соленый воздух многократно пропитал здесь всякую вещь, насытил своим запахом стены и ковер.

Докуривая махорник, господин Бербелек поглядывал на птичьи движения портового подъемника, что загружал океаносовый клипер чужой компании обитыми железом ящиками, следил за медленно отплывающим от побережья «Каролем Пятой», глядел на ритмичную работу гребцов в буксирных лодках, на обнаженные бицепсы Н'Йумы, покрытые каким-то племенным морфингом, – негр, стоя на куче старого такелажа, орал ругательства и поощрения носильщикам, что убирали набережную, для них – владыка и господин, вбивающий в землю одним взглядом дикого глаза. . . Меланхолично вскрикивали чайки. Невольница принесла горячий чи: господин Бербелек поблагодарил, не отворачиваясь от окна. За его спиной Кристофф ругался из-за какого-то просроченного налога с персидским чиновником, в ругательствах и божбе они переходили с окского на греческий и пахлави и обратно. Иероним швырнул окуроч в окно. Опершись предплечьями о высокую фрамугу, он хлебал чи, соль щипала язык.

Эстлос Бербелек мысленно возвращался к началу своей купеческой карьеры. Лютеция Паризиорум, лето после карпатского наступления Чернокнижника, Иероним Бербелек, принимаемый в салонах. Измельчал тогда так сильно, что даже думал о себе в третьем лице. «Иероним кланяется». «Иероним развлекает общество». «Теперь Иероним производит впечатление». «Теперь Иероним будет отдыхать». «А теперь Иероним перережет себе горло». Антос Чернокнижника обволакивал его, как горячий смрад. Он забывал есть. Острые предметы, пропасти, бегущие лошади, под которых мог броситься, – как огонь для мотылька. И, конечно, он почти непрерывно спал. А если пробуждался, то в странное время, со странными желаниями. Что хорошо: у него оставались хоть какие-то желания. Таким его и закогтил эстлос Кристофф Ньютэ. Большой крест на груди, буйная борода, ноль осведомленности и салонного такта: импортер меха из Гердона с далеко идущими планами и с рынком сбыта под неформальной персидской монополией. «Если бы только ты мог до них добраться, а ты ведь всех их знаешь, а кого не знаешь – те в любом случае знают тебя. Подумай только, эстлос, как мы сможем обогатиться!» Золото! Богатство! В тот вечер, за бокалом сладкого вина, в разноцветном сверкании чжунгосских огней на безлунном небе, в облаке морф франконской аристократии, в сердце антоса Лео Виаля, Кратистоса Высокомерия и Самолюбия – господин Бербелек решил жаждать богатств. Решил захотеть хотеть, решил решить – Юпитер, как-то же нужно выпинывать из себя волю! О, междометие – уже начало. После изменяется строй разговора. «Господин Бербелек решил сделаться богачом». «Господин Бербелек будет богачом». Уменьшился ли смрад Чернокнижника? На всякий случай Иероним с тех пор держался поближе к риттеру, уверенный, что импульсивный гердонец заставит его участвовать в каждом приеме, на какой придет приглашение, – и не позволит спать слишком долго. Со временем начали рождаться и другие желания. Самым свежим помыслом оказалась эстле Амитаче – разве она не была достойна вожделения? Все изменялось к лучшему: нынче господин Бербелек не обладал уверенностью – он лишь хочет ее вожделеть или уже и вправду вожделеет. Сложнее всего морфировать себя самого, и проще всего пропустить момент изменения собственного кероса.

– Прибывает, Кристофф.

«Филипп Апостол» спустил паруса на второй мачте и двигался к берегу, теряя скорость, экипаж ожидал с баграми и швартовыми.

Ньютэ подошел к окну, высунулся и крикнул:

– Н'Йума! Капитана, пилота и нимрода – ко мне!

Иеронима же дернул за плечо к дверям гостиной.

– Я заказал обед у Скелли.

Если не брать во внимание кабинет Бербелека, гостиная была, пожалуй, наименее часто используемым помещением в представительстве НИБ. Площадь пакгауза, шесть тысяч квадратных пусов, позволяла риттеру осуществлять разнообразнейшие капризы: кроме прочего, он разместил в надстройке две спальни (официально «для гостей компании») и шахматную комнату. Гостиная была длинным узким помещением с окнами на портовую стену и якорни воздушных свиней. Обставили ее в кельтском стиле, стены забраны в темное дерево, массивная мебель из дуба, гиекса и проснины, с прямыми углами и острыми гранями, громоздилась по углам комнаты – кроме вставшего в центре высокого стола, вокруг которого нынче крутились трое дулосов из «Дома Скелли». Накрыто на пятерых.

Господин Бербелек присел к столу, поправил разложенные столовые приборы, налил себе вина, и сразу же пришлось вставать, чтобы поприветствовать гостей. Двое из них были сильными текнитесами моря и, вероятно, не могли контролировать свои ауры, что Бербелек сразу заметил по волнению вина в своем бокале и по теплу на щеках, когда кровь ударила ему в голову, а на лице выступил румянец. Покраснел и Кристофф, и рабы Скелли – но, конечно же, не сами гости.

Быстрое пожатие предплечий, искренние улыбки – дулосы поспешили с водой для омоложения рук, а Ньютэ, не дожидаясь, произнес тост за благополучное возвращение из Гердона. Потом сел во главе стола, господин Бербелек слева, справа – Отто Прюнц, капитан «Филиппа», за ним – Хайнемерль Трепт, молодая океаносовая женщина-пилот; а Ихмета Зайдара, первого нимрода «Ньютэ, Икита тэ Бербелек», конечно же, посадили около Иеронима. Они обменялись любезностями над исходящими паром супами. Оба текнитеса сидели по одну сторону стола, и жидкость опасно подползала к краю тарелок.

Именно Ихмет был здесь единственным, кого Иероним не знал вовсе. Отто, христианин и земляк Ньютэ, плывал для НИБ с самого начала, сперва на собственном клипере, теперь же – как капитан «Апостола», первого океаникоса компании. Хайнемерль наняли сразу по принятии ее в имперскую гильдию навигаторов. Поскольку она была женщиной, занимала более слабую позицию в экипаже и при этом ставила под угрозу исполнение остальными их обязанностей во время длинного рейса, – контракт ее был более скромным; но умения Трепт говорили сами за себя, да и со старым Прюнцем она сработалась очень неплохо.

А вот смуглолицый Зайдар... его с фирмой почти ничего не связывало. В последние годы, когда морские гады сделались агрессивней, цены на услуги нимродов, опытных в охране кораблей, значительно возросли, да ведь их и было-то не слишком много. Эстлос Ньютэ выкручивался, как мог: контракт на рейс в одну сторону, контракты совместные, присоединение к конвоям... Именно так он заполучил и Зайдара. Перс завершил многолетнее сотрудничество с Кастыгой и в последнее время принимал лишь единичные задания, что подходило далеко не всем; но Кристофф пользовался его услугами, когда только мог, и именно его нанял для охраны первого океаникоса, что состоял в стопроцентной собственности «Ньютэ, Икита тэ Бербелек». Даже начал именовать Зайдара «первым нимродом компании», отчасти надеясь зачаровать реальность словами. Ихмет всегда отвечал вежливыми, ни к чему не обязывающими письмами.

– Вчера я прочитал о смерти первого нимрода Африканской, – начал господин Бербелек на пахлави. – Ваше путешествие, полагаю, проходило без досадных инцидентов?

– Если не считать сирен на Локолоидах. И обошлись без убийств.

– Ах, мы никогда в тебе не сомневались. Особенно эстлос Ньютэ – он о тебе весьма высокого мнения.

Ихмет Зайдар в ответ на такие слова склонил голову. Неопытные текнитесы, лишённые самоконтроля, как и те, кто слишком опытен и чрезвычайно долго практикует свое искусство, те, чья работа требует многонедельного непрерывного расширения антосов, как, например, текнитесы моря, месяцами ведущие корабли в тесных объятиях своих аур, или текнитесы войны, стратегосы, аресы – все они часто не в состоянии контролировать собственные ауры,

не в силах уже свертывать их, пленять, и оттискиваются в керосе тяжелой печатью независимо от обстоятельств, днем и ночью, наяву и во сне, в одиночестве и в сердце толпы. Побочным эффектом длительного пребывания такого нимрода на борту бывали смерти среди экипажа. Ссоры, драки, дружеские соперничества, что в других случаях закончились бы лишь выбитыми зубами, – в короне нимрода превращались в разбитые головы, перерезанные горла и утопленников за бортом. Впрочем, Зайдар пользовался прекрасной репутацией.

– Я это заметил, – сказал он, густо присыпав суп приправами. – И все же, боюсь, мне придется его разочаровать.

– Но ведь ты даже не знаешь еще предложения.

– Но ведь предложение это я получу, верно? – Ихмет вопросительно взглянул на разрумянившегося Иеронима.

Господин Бербелек вернул ему взгляд. Глаза перса были голубыми, будто чистая синева весеннего неба, в сети глубоких морщинок сильно загоревшей кожи – морщинок от солнца и ветра; при этом Зайдар не выглядел старше тридцати с небольшим. На самом деле ему давно миновало шестьдесят, а то и все семьдесят, но морфа крепко удерживала Материю. Тело – всего лишь одежда разума, как писали философы. Одежды его тела также вводили в заблуждение, Ихмет одевался по гердонской моде, простой покроем, белое, черное и серое, узкие штанины и рукава, рубаха, зашнурованная под горло. Лишь черную бороду стриг по моде измаилитской.

– Ты уже подписал контракт с кем-то другим?

Перс покачал головой, глотая горячий суп.

Иероним лишь вздохнул, склоняясь над своей тарелкой.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к громкой беседе эстлоса Ньютэ, капитана Прюнца и Трепт. Хайнемерль взволнованно рассказывала о чудесах южно-гердонских портов и о дикарях с экваториальных островов, о звериных наркотиках и экзотических морфозоонах. На перемене блюд риттеру принесли сверенный манифест «Филиппа», и Кристофф заново начал обсчитывать ожидаемые выгоды.

– На севере – тоже, в тех бескрайних пущах, – говорила между тем Хайнемерль, – они тянутся от Океаноса до Океаноса, по крайней мере, до Мегоросов, до шестого листа, а Анаксегирос еще не врос там настолько глубоко, чтобы выдавить кратистосов диких, на крайнем севере или, например, в Гердон-Арагонии, когда мы ожидали товар, я говорила с поселенцами, мифы или правда – сказать трудно, может, они уже плавают в короне Анаксегироса, те города живого камня, реки света, кристаллические рыбы, тысячетные змеи, что мудрее людей, и цветы любви и ненависти, деревья, из которых рождаются даймоны леса, – расскажи, Ихмет, ведь ты видел собственными глазами.

– Не сумею рассказать.

– А на корабле, когда погружался в меланхолию, мог сплести длинные байки...

– Потому что это были чужие рассказы, – усмехнулся Зайдар в усы.

– Не понимаю, – рассердилась Трепт. – Это значит – что? что – ложь? Значит, лгать ты можешь?

– Не в этом дело, – тихо отозвался господин Бербелек, кроша хлеб. – Истории, повторяемые за кем-то, могут оказаться ложными, и это нас освобождает. В то время, как говоря о собственном опыте —

– Что? – перебила она его. – О чем это ты пытаешься здесь сказать? Что искренним можно быть лишь в обмане? Такие зеноновки хороши для детей.

Господин Бербелек пожал плечами.

– А я люблю делиться историями, – пробормотала Хайнемерль. – Какой смысл познавать мир, если никому не можешь рассказать, что видел?

Перед десертом Ньютэ подписал банковские листы с личными премиальными, не зависящими от гарантированного договором четырех процентов прибыли для капитана и двух – для пилота. Трепт многословно поблагодарила, Зайдар даже не взглянул на свой лист.

Иероним дотронулся до его руки.

– Спокойная старость?

Ихмет сделал охранительный жест против Аль-Уззы.

– Надеюсь, что нет. Но да, ты прав, эстлос, – уже начинаю подсчитывать утерянное время. Недели на море... капли крови в клеписидре жизни, чувствую каждую из них, они падают, будто камни, человек же вздрагивает.

– Жалеешь?

Перс задумчиво глянул на Иеронима.

– Пожалуй, что и нет. Нет.

– И что теперь? Семья?

– Они давно обо мне забыли.

– Что тогда?

Зайдар указал глазами на Трепт, что перешучивалась с Кристоффом.

– Пожирать мир, как она. Еще немного, еще чуть-чуть...

Господин Бербелек попробовал тошнотворно сладкий сироп.

– М-м-м... Пока хватает аппетита, верно?

Перс склонился к Иерониму.

– Это заразительно, эстлос.

– Думаю, что —

– Этим можно заразиться, действительно. Заведи молодую любовницу. Роди сына. Переберись под корону другого кратистоса. В южные земли. Больше солнца, больше ясного неба. В морфу молодости.

Господин Бербелек горганно рассмеялся.

– Я работаю над этим! – Он взял себе ореховой пасты; Зайдар поблагодарил жестом. – Что же до ясного неба... Вилла под Картахеной. Валь дю Плой, прекрасная околица, весьма гладкий керос. Ты заинтересовался бы?

– У меня уже есть немного земли в Лангведокии. Но о чем я, собственно, тебе говорил? Пока что я не намерен греть кости в саду.

– М-м-м... Не работает, не отдыхает. – Иероним задумчиво выпятил губы. – Тогда что, собственно, станет делать?

Ихмет вытер руки о протянутый рабом Скелли платок. Раскрыл банковский лист, глянул на сумму и засопел тихонько.

– Практиковать счастье.

Г. Отцерадство

Едва переступив порог дома и узрев заговорщицки усмехающегося Портэ, господин Бербелек утратил остатки надежды на спокойный вечер и на возвращение к сонному покою.

– Что опять? – пробормотал он, нахмурясь.

– Они наверху, я провел их в гостевые комнаты, – поймав брошенное пальто, Портэ указал большим пальцем в потолок.

– О, Шеол, кто?

Старик криво ухмыльнулся, после чего с подчеркнутым поклоном подал господину Бербелеку письмо.

Бресла, 1194—1—12

Мой дорогой Иероним!

Они – и твои дети, хотя, возможно, ты уже и не их отец. Помнишь ли собственное детство? Рассчитываю, что – да.

Они тебя не узнают, будь деликатен. Авель оставил здесь всех друзей, которые у него когда-либо были, и большую часть мечтаний, Алитэ в эту зиму сменила Форму, пройдет несколько лет, пока она достигнет энтелехии, уже не девочка, еще не женищина; будь деликатен.

Должна ли я просить у тебя прощения? Прошу. Не хотела, не хочу возлагать это на тебя, ты был последним в моем списке. В конце концов пришлось выбирать между тобой и дядюшкой Блотом. Неужто я выбрала неверно?

Должна ли я принести тебе клятву чистосердечия? Ты знал меня; теперь держишь в руках лишь бумагу. Прекрасно знаю, какая правда отпечатается в керосе, и все же напишу: обвинения, которые ты услышишь, фальшивы. Я не участвовала в заговоре, не похищала завещания урграфа, не знала о его болезни.

Быть может, Яхве позволит однажды нам встретиться. Быть может, я выживу. Нынче бегу в огонь божьих антосов; быть может, потом ты уже не узнаешь меня, мы не узнаем друг друга. Бывали такие минуты, такие дни, когда я любила тебя так, что и сердце болело, и пресекалось дыхание, и горела кожа. Это значит – знаешь, кого я любила. Знаешь, правда? Рассчитываю, что помнишь.

ε. Мария Лятек п. Бербелек.

Ох, уж писать она умела. Он перечел письмо трижды. Верно, работала над ним целый день, всегда была перфекционисткой. По крайней мере все время, пока он ее знал. Двадцать лет? Да, вот уже двадцать лет. Собственно, он мог предполагать, что Мария закончит именно так: сбегая темной ночью от правосудия, жертва собственной интриги, но абсолютно невиновная в своих глазах, с чарующим и чувственным текстом на устах избавляя свою жизнь от лишней тяжести, уверенная, что мир ей поможет. Исходя из всего, что она о нем сейчас знала, Иероним мог оказаться психопатическим какоморфом, разносящим меж людьми грязь Чернокнижника. И все же она отослала к нему детей.

Господин Бербелек взошел на второй этаж. И услышал их голоса уже из коридора. Алитэ смеялась. Он остановился за дверью гостиной. Она смеялась, а Авель на этом фоне говорил что-то, слишком тихо, чтобы разобрать, но, кажется, по-вистульски. На лестнице появилась Тереза; господин Бербелек жестом отослал ее прочь. Та посмотрела на него удивленно. Подслушивал ли он собственных детей? Да, именно это он и делал. Ждал, когда они скажут хоть что-то о нем: отец то, отец се. Но нет, ничего. Немногие слова, которые он разобрал, касались

города, как видно, Воденбург не соответствовал их представлениям о столице Неургии. Алитэ уже не смеялась. Иероним оглаживал ребром ладони лакированное дерево двери. Должен ли он постучать? Он прижал палец к артерии на шее. Успокой дыхание, успокой сердце – собственное, отчего ты переживаешь? Раз, два, три, четыре.

Вошел. Они были еще в дорожной одежде, мальчик стоял у окна, глядя на город под темным небом и закатным солнцем, девочка полулежала на постели, листая некую книгу. Оба обернулись к нему, и только в этом одновременном движении он заметил их семейное сходство – одна кровь, одна морфа. Эти глубоко посаженные слишком черные глаза, высокие скулы, твердый подбородок...

Они смотрели почти равнодушно, во взглядах – лишь легкий интерес.

– Иероним Бербелек, – сказал он.

Дети поняли не сразу.

– Так вы... это ты? – Авель подошел к нему. Ему еще не минуло пятнадцати, а он уже был выше Иеронима. – Это вы, – протянул руку. – Я – Авель.

– Да. – Господин Бербелек подобрался, энергично вцепился в поданную руку, но хватка сына все равно оказалась сильнее. – Я знаю.

После чего они оказались под властью Молчания. Сам он хотел открыть рот, но форма была сильнее; видел, что и Авель бессильно дергается. Мальчишка приглаживал волосы, чесал щеки, поправлял манжеты. Господин Бербелек, по крайней мере, контролировал руки. Он оглянулся на Алитэ. Та отложила книгу, но с кровати подниматься не стала. Смотрела на них обоих с серьезным выражением на лице.

Господин Бербелек отодвинул стул от секретера. Усевшись, склонился, уткнув локти в колени и сплетя пальцы. Теперь он находился на одном уровне с Алитэ. Оба поняли, что смотрят друг другу прямо в глаза; стало невозможно отвернуться, опустить взгляд. Она смешалась, румянец выполз на ее щеки, шею, декольте; Алитэ закусил нижнюю губку. Хм, может, именно таков выход?..

Господин Бербелек сильно укусил себя за язык. Боль помогла. Он начал моргать, чтобы отогнать слезы.

По выражению лица дочери он понял, что та приняла это за проявление сильного волнения. Этого уж он не вынес и взорвался громким смехом.

Дети обменялись смущенными взглядами. Авель на всякий случай снова отступил к окну, как можно дальше от отца.

– Да, – просипел Иероним, пробуя совладать с хохотом, – именно так я и представлял себе нашу встречу!

Конечно же, он вообще себе ее не представлял. Не то чтобы он не желал подобной встречи; уже одно это означало бы, что он о ней – о них – хоть сколько-то думал. Просто Авель и Алитэ совершенно не принадлежали его жизни, он утратил детей вместе со старой морфой, Марией и тамошней карьерой, тамошними мечтаниями, тамошним прошлым. Здесь, в Воденбурге, он был бездетным холостяком.

Впрочем, а каковы были его последние о них воспоминания: отъезд из Позена, Мария на санях, распаренные кони, Алитэ и Авель, прячущиеся под шкуру, – только головы торчат наружу, округлые, светлые мордашки немо удивляющихся детей, сколько им было, пять, шесть? Теперь они в любом случае не узнали бы его.

Он выдохнул, выпрямился, совладал с лицом.

– Не стану изображать блудного отца, – сказал он. – Я не знаю вас, вы не знаете меня. Не представляю, что ваша мать натворила в Бресле, чтоб ей так внезапно пришлось отсылать вас через половину Европы к бывшему мужу. Которому, как она говаривала, и пса бы не доверила. Но это неважно. Вы – мои дети. И я стану о вас заботиться настолько хорошо, насколько сумею.

Конечно, можете здесь поселиться. Возможно, даже подружиться... Хотя скорее нет, верно, Авель?

Авель уткнулся взглядом в пол.

– Э-э-э...

– Вот именно. – Господин Бербелек теперь повернулся к дочери, которая все еще глядела на него широко открытыми глазами. – Сколько вещей вы с собой привезли?

– Два дорожных кофра, остальное едет морем, – оттараторила она на одном дыхании, словно загипнотизированная.

– Какой корабль?

– «Окуста». Кажется.

– Проверю, когда он прибывает, а тем временем, полагаю, вам что-нибудь нужно будет купить. Насчет денег не волнуйтесь, тут ничего не изменится, я и так вас содержал. Но этого вам мать наверняка не говорила.

– Нет, – тут же рывкнул Авель, – говорила.

Господин Бербелек кивнул.

– Тогда это ей зачтется. Простите мне тот яд, которым я время от времени в нее плюю: просто накопилось. Очевидно, на самом деле это я свинья, а она права. Кажется, она была хорошей матерью, верно?

Алитэ отвернулась, падая на сермовое покрывало. Черные волосы заслонили лицо, но не скрыли звуков внезапного рыдания.

– Сказала, что вернется! Вернется! Она жива!

Авель встал между сестрой и отцом.

– Лучше будет, если вы уйдете.

Господин Бербелек ушел.

Сходя на кухню, он вновь приложил палец к артерии. Дыхание его было еще медленнее, чем мысли, он едва мог набрать воздух в грудь. Не о чем было переживать. А ра-зум всегда должен властвовать над сердцем, морфа – над гиле.

На кухне он велел Терезе и Агне накрыть ужин на троих в большой столовой на первом этаже. Сошел туда, выкупавшись и переодевшись, связав на затылке мокрые еще волосы; надел на палец старый перстень Саранчи. Поглядел в зеркало: господин Бербелек изысканный.

Ни Авель, ни Алитэ к ужину не спустились. Господин Бербелек ел в одиночестве. Пирокыйные огни отбрасывали на стены и мебель неподвижные медовые тени. Всякое соприкосновение столовых приборов рождало глухой стук. Он вслушивался, грызя мясо и жуя овощи, в звуки, доносившиеся из собственного рта. Они тоже казались оглушительными, некий влажный рокот пробегал по челюсти до ушей и виска – приходилось чуть ли не прикрывать глаза. Он не был голоден – после обильного-то обеда, сервированного Скелли; но ел, есть надлежало. Пока тело подчинялось ритуалу, мысли плыли свободно. Пора заняться делами. Ихмет все же согласился хотя бы найти для НИБ приличных нимродов на постоянные контракты. Эстлос Ньютэ, понятное дело, хотел отписать Зайдару комиссионные агента, но Иероним отговорил его; Кристофф и вправду не имел чутья ни на грош. Тем не менее, если перс не найдет этих заместителей быстро, в Воденбурге его ничто не удержит. А найти хорошего нимрода возможно только одним способом: перекупить его у конкурентов. А значит, Иерониму не следует спускать с Зайдара глаз – нужно двигаться, брать на себя обязательства, становиться перед необходимостью, делать, что надлежит, деньги, деньги – а потому завтра сразу с утра он отправится в Дом Скелли, где «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» оплачивают Ихмету комнату...

Господин Бербелек прошел в библиотеку. Зажег от свечи махорник, рухнул в угловое кресло. Тереза заглянула в приоткрытые двери, как всегда перед уходом на отдых, спросив, не желает ли чего эстлос, может, черного чи, – но нет, поблагодарил ее господин Бербелек.

Дом погрузился в тишину. Порой из-за окон доносился перестук копыт, когда темной улицей проезжали ночные дрожки; порой – человеческий голос.

– Могу войти?

Господин Бербелек чуть не выронил махорник.

– Прошу.

Авель мягко прикрыл за собой двери библиотеки. Иероним отложил махорник в пепельницу. Глядел на формы, которые принимал в полумраке дым. Авель воспользовался моментом и подошел ближе, остановившись перед полуприкрытой тяжелой занавесью статуей Каллиопы.

– Она хочет ехать в Толосу, к дядьям, – сказал сын.

Господин Бербелек провел рукой по воздуху, дым вился вокруг пальцев.

– Я оплачу вам дорогу.

– Я не уверен, что это лучшее решение.

– Слишком горд для такого, да? Есть у вас сбережения?

– Я о Толосе. Я не уверен. Но вы слишком жаждете от нас избавиться.

– Ты не уверен?

– Несколько поспешное решение, после одного только разговора. Вы так не думаете?

Господин Бербелек взглянул на сына. Авель лишь раз моргнул, но в остальном – удержал форму.

– Это будет уже второй разговор, – сказал эстлос. – Колеблешься?

– Вы хотите от нас избавиться.

Иероним раздавил остатки махорника, после чего указал сыну на стул у стеллажа. Авель уселся, смерил отца взглядом, встал, передвинул стул на пару шагов ближе и уселся снова.

Господин Бербелек постукивал перстнем Саранчи о поручень кресла. Глядел на мальчика из-под приспущенных век.

– Наверное, ты прав, – пробормотал он. – Наверное, я хотел бы так... Вынесешь ли ты частицу искренности не первой свежести?

– Прошу.

– Из меня – никакой отец, Авель. Из меня вообще никакой мужчина, я человек, разрубленный напополам и слепленный из кусков, вот и все что осталось. Сейчас я не жалею себя; говорю как есть. То, что уцелело от Иеронима Бербелека после Коленицы... Ты видишь здесь лишь руины и пепел. И немного гноя Черно книжника. Так что, верно, в этом есть доля эгоизма. И все же для вашего же блага тоже было бы правильной оторваться от моей морфы, хоть и слабой, но – кровь делает вас податливыми, потому надо бежать как можно скорее, пока глина тверда. Я так думаю. Не был уверен, но когда вас увидел... – Он медленно повел левой рукой, той, с перстнем, будто обводя в полумраке абрис мальчишки. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать. Почти.

– Верно. Алитэ исполнилось четырнадцать.

– В Децембере.

– Это опасный возраст, человек в нем наиболее податлив, нужно быть крайне осторожным, выбирая, под какой морфой жить, чем пропитываться. Не захотелось бы вам через двадцать лет увидеть на себе оттиск, – тут он сжал кулак и опустил на поручень, – оттиск моей руки.

Авель был явно смущен. Он поерзал на стуле, почесал голову; взгляд его каждый миг убегал от отца – к статуе, книгам, цветным пирокийным абажурам.

– Я не знаю, может, вы и правы. Но, – он осекся и начал снова: – но это всегда действует в обе стороны: если вы так изменились, если столь много утратили, то чья морфа вернет и отстроит более настоящего Иеронима Бербелека, как не морфа родных его детей?

Господин Бербелек явственно удивился.

– Не слишком понимаю, что ты себе воображаешь. Извини, но это не сказка: приезжаешь, спасаешь отца, счастливая семья, героические дети.

– Отчего же нет? – Авель даже склонился к Иерониму. – Отчего же нет? Разве псы не становятся подобны своим хозяевам, хозяйева – своим псам, супруги – друг другу, а женщины, живущие под одной крышей, не кровят ли в одну Луну? И насколько дитя является эйдолом родителя, настолько родитель является эйдолом ребенка.

– Долго над этим думал? – фыркнул эстлос. – Что это ты себе нафантазировал?

Авель выдохнул. Сгорбился, глядя теперь между своими стопами.

– Ничего.

Господин Бербелек также склонился. Сжал плечо сына. Мальчик не поднимал глаз.

– Что? – повторил Иероним куда тише, почти шепотом.

Авель покачал головой.

Господин Бербелек не настаивал. Ждал. Часы в холле медленно отзвонили одиннадцать. Через улицу пьяница распевал непристойную считалку, позже его забрала городская стража, это они тоже услышали в ночной тишине. Всякую минуту в погруженном во тьму доме что-то потрескивало и скрипело, дыхание старого здания. Господин Бербелек не убирал руки.

– В Бресле, в библиотеке Академии, – начал бормотать Авель, – когда я изучал историю полян... В конце концов, все ведет к новейшей истории, к миру вокруг. Учитель посоветовал мне «Четвертый сон Чернокнижника» Крещова. Ты есть, вы есть в индексе.

– Ах. Ну да.

– «Осада Коленицы, 1183», целая глава. Крещов называет вас «величайшим стратегосом наших времен». Я, конечно, слышал раньше, и от матери —

– О?

Авель зарумянился.

– Подумал: я зачат из его семени, из его Формы, что же может быть естественнее? Это благородная мечта, пойти по стопам своего отца. Стратегос Авель Лятек. Вы станете смеяться.

– Мой отец, твой дед, он был чиновником урграфа.

– Вы станете смеяться.

– Нет. Задатки у тебя есть, это ведь ты подговорил Марию, чтобы она послала вас ко мне, верно? Хотя она и не желала того. Ты, похоже, так ее вылепил, что она сама себя убедила, будто с самого начала это была ее идея.

Авель пожал плечами.

Господин Бербелек отпустил руку сына, выпрямился. В нем что-то бурлило, формировался конвективный поток эмоций, нечто, что он не осмелился бы назвать амбицией, – обещание огромного голода по удовлетворению, жажда гордости. Я мог бы еще сделаться великим! Я мог бы снова вырасти до небес! В теле Авеля. Ибо лишь Форма – бессмертна. Я мог бы! Могу!

– Не слишком понимаю, как ты это себе представляешь, – пробормотал он с равнодушным выражением лица. – Ты же видишь, кто я теперь. Потому скорее это я впаду рядом с тобой в детство, нежели ты – рядом со мной повзрослеешь.

– Не думаю.

– Не думаешь.

– Ты вошел в комнату – секунда, две, и мы не могли уже отвести от тебя взгляд. Так звезды и планеты обращаются вокруг Земли.

– Лучше ступай-ка ты спать, а то начинаешь воспарять в поэзию. Какие у вас планы на завтра?

– Хм, осмотреть город, конечно же.

* * *

Княжеский город Воденбург был заложен в 439 году Александрийской Эры как речной форт близ устья Мёза, для охраны безопасности континентального судоходства и сбора налогов для здешнего македонского наместника. Многочисленные набеги уничтожили рыбацкие деревеньки, стоявшие здесь ранее, – нынче ни от этих деревенок, ни от первоначального римского форта не осталось и следа.

В первые века После Упадка Рима, во времена Войн Кратистосов, когда устанавливалось политическое и гилеморфическое равновесие в Европе и в Александрийской Африке, значение Воденбурга выросло в результате яростного морфинга приречья Рейна. Там проходил в то время фронт, место наложения корон кратистосов. Многие годы после ни земля там не подходила для поселения, ни Рейн – для судоходства.

Но до седьмого века ПУР Воденбург оставался всего лишь столицей малой провинции королевства Франков. И только после 653 года, после изгнания кратисты Иллеи, когда давление кратистосов на керос Европы слегка ослабло, Неургия сумела добиться относительной независимости. Столица ее со временем получила известность как один из главнейших купеческих городов Европы. На несколько веков он даже стал резиденцией меньшего кратистоса, который сумел войти здесь в просвет меж антосами соседних Сил. Мощь Формы Григория Мрачного позволила Воденбургу окончательно затмить пограничные города над Рейном и города южные, франконские.

Колонизация Гердона и начало транскеаносовой торговли открыли, по большому счету, эпоху благосостояния. Создали в Воденбурге академию, запустили одну из первых на севере фактур воздушных свиней, слава и изделия здешних стекольных заводов добирались до отдаленнейших закутков мира. Верфи работали в полную силу, кварталы – персидские, еврейские, готские – непрерывно разрастались. Сюда тянулись со всего мира текнитесы высокого искусства и ремесел, математики и алхимики – это ведь именно в Воденбурге Ирэ Гаук изобрел пневматон. Воденбург был также третьим – после Александрии и Москвы – городом, где установили систему уличного пирокийного освещения...

Нынче князь форсирует проект высокого подушного налога, чтобы оплатить интенсивный морфинг кероса всей Неургии к калокагатической Форме, совершенству тела и духа, коим задаром утешались города-резиденции более альтруистичных кратистосов. Неургии же пришлось бы платить за сие огромную сумму, на годы нанимая для тяжелой работы целые отряды текнитесов. Проект увеличивал популярность князя среди простонародья, а вот аристократия – аристократия и богатые купцы, которые по большей мере управляли Воденбургом, – те и так пользовались услугами текнитесов тела и теперь опасались неминуемого наплыва под благодатную Форму эмигрантов со всей северо-западной Европы. Город, известный в Европе как Столица Бродяг, уже теперь трещал по швам.

Антон рассказывал об этом, ведя брата и сестру омытыми утренним сиянием улицами Воденбурга. Авель и Алитэ собирались пойти одни, однако господин Бербелек настоял; сперва хотел дать им экипаж, но в конце концов – поскольку должен был уже выезжать куда-то по делу – согласился, чтобы их сопровождал сын Портэ. Антон взял с собой длинную палку «извините» и свисток стражи.

Сперва они направились к порту – панорама и уклон земли вели всех нерешительных к морю. Но, поскольку сворачивали всякий раз, когда Авеля или Алитэ что-то заинтересовывало, вскоре они оказались в сердце нового персидского квартала, на широкой, прямой пальмовой аллее, среди вычурной архитектуры арабских домов, расписанных по белой известке цветными узорами; над плоскими крышами возносился закругленный гномон минарета.

Они впервые увидели живые пальмы, до сих пор знали их лишь по книжкам. Алитэ подошла, провела рукою по шершавому стволу.

– Они ведь не растут нигде больше в этом круге Земли, верно? – хмурил брови Авель. – Это какой-то сорт, морфированный для большей стойкости перед морозом?

– Нет, думаю, что нет, – отвечал Антон. – Тут полно измаилитских демиургосов и текнитесов, о, вот, например, дом Хайбы ибн Хассая, княжеского ювелира; они спокойно могут сажать пальмы, зербиго и апельсины.

И точно, самый воздух в этом квартале казался чуть теплее, по крайней мере, уж пах-то он точно по-иному. Авель пытался различить экзотические благовония: ладан? корица? бекшта? Конечно, их окружал еще и обычный запах города – то есть вонь, вонь огромной толпы и стиснутых на малом пространстве человечьих обиталищ. Вдоль аллеи тархтели телеги, быстрым шагом двигались куда-то десятки, сотни прохожих, большинство в традиционных измаилитских джувбабах, джибах, шальварах и тарбушах; женщины – в одеяниях ослепительно-ярких, украшенных столь же тяжелыми, сколь и дешевыми украшениями. По татуировкам и морфингу кожи узнавались музульмане.

– Вот бы его хоть раз увидеть.

– Что?

– Ту их страну. Пальмы, солнце, львы. Ну, знаешь. Пустыни, пирамиды.

– Скорпионы, мантикоры, ифриты, гиены, стервятники, джинны, вши, заржи, москиты и малярия.

Алитэ показала брату язык.

В последний миг он сумел удержаться, не соорил ответную рожу. Нужно с этим кончать, я уже не ребенок. Разве стратегос дурит на людях, разве препирается с сестрой? Стратегос сохраняет возвышенное молчание.

Конечно, это тоже было несколько инфантильно. Разве дети не играют именно в стратегосов и аресов, кратистосов и королей, разве не притворяются серьезными – и тем смешнее они в этом притворстве? А значит, стыда не избежать: хоть покорится инстинкту, хоть воспротивится ему. Он отвел взгляд, быстро смаргивая.

Тем не менее он помнил, что столь часто повторяла ему мать. Особенно когда он жаловался, что они всюду опаздывают из-за ее бесконечного сидения перед зеркалом – и это был ее любимый ответ, произносимый уже совершенно не задумываясь, но все же не менее истинный в своей банальности.

– Характер рождается из выработанных привычек. Кого бы ты ни изображал, лишь бы достаточно последовательно, тем, в конце концов, и станешь. Это отличает нас от зверей и существ низших, их Форма всегда происходит извне, сами по себе они не умеют изменяться. – Она улыбалась ему в отражении, в серебре, над своим плечом. – Не стони; прояви терпение. Красивую женщину всегда ждут.

Мать выработала в себе привычку к красоте. Не позволяла себе ни мига невнимательности. Даже когда не собиралась никуда с официальным визитом, ни на какой прием или бал, даже когда сама не принимала гостей – ни на волос не отступала от заранее запланированного помышления себя. И ее красота никогда ей не изменяла. Авель так и не переборол в себе оной набожной робости, с каковой входил в детстве в ее комнаты. Спальня, гардеробная, ванная, кабинет – здесь ее антос въедался глубже всего. Воздух всегда пронизывала характерная смесь запахов, дразнящих и тошнотворных, душная поволока ароматов экзотических парфюмов и цветов, наполнявших вазы на подоконниках. Сам свет здесь становился иным – более мягким и затемненным. Звуки сразу же умирали, заглушенные. Тут не существовало ни прямых углов, ни острых граней. Все предметы или оказывались на самом деле деликатными конструкциями из множества отдельных элементов, либо на множество мелких безделушек распались, по крайней мере, находились посредине этого процесса, растрепанные, расчлененные, потеряв-

шиеся в собственных орнаментах. Мать являлась меж ними в шелесте кружевных платьев, предшествуемая размытым отсветом от их ярких красок и одуряющим запахом своих парфюмов, черноволосая королева, кратиста его сердца. Что же он мог поделаться пред лицом такой Формы?

Авель не верил, что ему удалось склонить мать хоть к чему-то. Отец ошибается – она, должно быть, с самого начала носилась с мыслью отослать их в Воденбург. Правда, он с трудом читал ее замыслы, она никогда их с ним не обсуждала (может, делала это с Алитэ?), он привык к неожиданностям. Она распоряжалась их жизнями с бархатным деспотизмом. Точно так было и в последние дни перед отъездом – матери и их. Внезапно в доме начало появляться множество людей, никогда ранее Авелем не виденных, в странное время, в странных одеждах, под странными морфами – страха, гнева, ненависти, отчаяния. Авель видел их сквозь приоткрытые двери, в зеркальных отражениях из-за угла коридора, гости быстро прошмыгивали в комнаты и из комнат его матери, порой даже без сопровождения прислуги. Алитэ полагала, что они были гонцами, что мать поверяла им некие секретные послания. Но иной раз и что-то большее: ему удалось подсмотреть бедно одетую женщину и старого вавилонянина (распознал его происхождение по бороде и шести пальцам на руках), которые выходили из кабинета матери, сжимая тяжелые продолговатые свертки. На следующий день в гимназии до Авеля дошел слух, что на самом деле урграф убит, что все это – интрига иноземных аристократов. Когда он вернулся домой, мать уже укладывала вещи. Алитэ сидела на лестнице и грызла ногти.

– Говорит, что ее арестуют. Говорит, что должна бежать. Мы тоже. Но не вместе с ней. Она отошлет нас.

– Куда?

– Далеко отсюда.

И тогда Авель подумал об Иерониме Бербелеке в неургийском Воденбурге, это было точно откровение: случай! отец-стратегос! я ведь сын легенды! Мать выслушала его аргументы, стоны и крики, не переставая паковать вещи, корябая что-то там на секретере и подгоняя слуг. Потом пообещала, что они поговорят об этом завтра. Поцеловала его в лоб и выставила за двери. Утром же оказалось, что мать выехала ночью, взяв с собой всего две сумки, даже не экипажем, а верхом, с подменной лошадей. Багаж Авеля и Алитэ уже погрузили на речную барку. Детей ждало короткое письмо. *Поедете в Воденбург, отец вами займется.* Дом был уже продан, деньги – распределены. И они поехали.

На самом ли деле он подсказал матери мысль, к которой та иначе не пришла бы? Склонил ли он ее вообще хоть к чему-то своими многочасовыми lamentациями? Так или иначе, не было в этом никакой тонкости, которую Иероним приписывал поступкам Авеля. Лишь детское упрямство. Мальчик помнил, как сильно он старался не выдать своих истинных мотивов – и так был смешон в собственных глазах. В столкновении с ее Формой, в антосе матери он навсегда останется ребенком, больше никем. Как отец мог этого не знать?

Позволю ему думать, что сумел склонить мать к своей воле, – но это ложь, ложь.

– В восемьдесят седьмом здесь вспыхнул большой пожар, – продолжал Антон, – целый район сгорел дотла, строили тогда еще в основном из дерева. В Старом Городе уже ничего не изменить, но в новых кварталах князь ввел большие расстояния между домами, минимальную ширину улиц, запретил открытый огонь в домах бедноты, хотя, конечно, за этим-то никто не следит. Тогда случились волнения у заводов, пошел слух, будто это у кого-то из демиургосов Огня была здесь измаилитская женщина, и, понимаете, в ту ночь он слишком распалился, хе-хе-хе. Опять же, в восемьдесят девятом... Ну нет, очень прошу не давать им никаких денег, а не то беда!

За ними как раз увязался какоморфный нищий – третье ухо на лбу, кости, проткнувшие кожу, длинный хвост, истекающие слизью жабры – и, постанывая, начал молить Алитэ о грошике, полугрошике, милости ради. Антон отогнал его, ударяя палкой по лодыжкам.

Ничего странного в том, что тот обратился именно к Алитэ: даже в дорожном платье (поскольку «Окуста» с остальным их гардеробом еще не прибыла), именно она притягивала взгляды, сосредотачивала на себе внимание прохожих, достойная дочь Марии Лятек. Разве не такое бессмертие обещано людям? От отца к сыну, от матери к дочери – то, что не умирает, манера говорить, манера думать, манера двигаться, манера выказывать чувства и манера их скрывать, манера жизни, жизнь, человек. Морфа настолько же неповторима, как почерк, оттискивается, будто печать в воске – как мужчинами, так и женщинами. Провего верно поправлял Аристотеля: Форма превыше плоти, от Формы зависит сила семени, а не наоборот. Достаточно взглянуть нынче на Алитэ: волосы умело сплетены в восемь косичек, темно-гранатовые кружева вокруг шеи, из тех же кружев сделаны напальники, полурасшнурованная кафторская митани, египетский лен стекает по плечам волнами, те смешиваются друг с другом, белым по голубому и белому, широкие, черные шальвары высоко на талии перехватывает многократно обернутый пояс, каблуки кожаных сапожек высотой в четыре пальца. Авель готов поспорить, что духи, которыми она нынче пользовалась, еще недавно принадлежали матери, он узнает этот запах; и уж точно узнает этот взгляд, которым Алитэ отгоняет нищего, этот вздернутый подбородок при прямой спине и чуть отведенных назад плечах, эти нахмуренные брови – теперь она никому не покажет язык, теперь она некто другая.

Разве мать ее всему этому научила? Нет, точно нет; такому не учат. Хватило и того, что Алитэ рядом с ней пребывала, что жила в ее ауре.

Ведь и я не желаю от отца ничего, кроме этого.

– Вы здесь всегда бьете нищих? – холодно спросила она Антона.

Слуга осклабился.

– На самом деле, эстле, куда чаще нищие бьют прохожих.

На минутку они присели за оградой амидской таверны. Антон заказал кападокский гре-лак из дикого меда. Указал на покрывающие стену таверны рисунки и краски на вывеске у входа.

– «Под Четвертым Мечом». Такая страна, как Неургия, балансирующая на грани антосов Сил, не подавленная никакой морфой, притягивает изгнанников различнейших изводов, тех, кто лишен наследства, земли и государя, представителей несуществующих народов, потерянных диаспор, – слуга млел от собственного рассказа. Наверняка повторял слова кого-то из эстлосов, его выдавала чуждая манера повествования. – После бегства Григория такие хлынули на нас волной. Кажется, как раз в то время пал Пергам...

– Тысяча сто тридцать девятый, – вмещался Авель, отставив стакан. Это еще история или уже политика? Верно, именно здесь проходит водораздел меж ними. Вообще, как говаривал прецептор Янош, история – это политика, рассказанная в прошедшем времени. Авель был внимательным учеником. Раздел королевства Третьего Пергама довершил союз Нового Вавилона и Урала. И короны Семипалого и Чернокнижника, словно шестеренки железной махины, сцепились на землях Селевкидитов. В оное время в Амиде предводительствовала кратиста Иезавель Милосердная, храня древнюю Форму королевства Пергама; она сбежала первой. Королевство разодрали напополам, амидская провинция досталась Чернокнижнику, провинция пергамская – Семипалому. Селевкидитов вырезали под корень. Но среди пергамской диаспоры кружили легенды об уцелевшем потомке королевской крови, который когда-нибудь – как во всех подобных легендах – вновь воссядет на трон Амиды; ведь однажды Селевкидиты уже возвратились, положив конец владычеству Атталидов! Тем временем изгнанники пробовали удержать и передать своим детям морфу несуществующего народа – что нынче было возможно лишь вдали от родины, которую медленно, поколение за поколением, переваривали ауры захватчиков. Но даже здесь, даже в многокультурном Воденбурге беглецы не оставались в безопасности. Язык, одежда, кухня, святые цвета – только этим спасались. Но в конце и они утратят свою морфу,

когда очередное поколение, рожденное на чужбине, окажется, скорее, амидскими неургийцами, чем неургийскими амидцами. Так умирают народы.

Из пальмовой аллеи они сошли в лежащие ниже предместья. Здесь на тенистых улочках непрестанно длился один большой сук. Казалось, каждый житель этого района чем-то торгует, что-то продает – или, по крайней мере, готов продать, стоит выразить хотя бы минимальный интерес к его одежде, дому, имуществу, детям. Товары выкладывались на ступенях, в окнах, на балконах, прямо на земле или на импровизированных прилавках. Антон быстро объяснил, что здесь воистину верят в «прилавки дураков» – что только глупец подойдет и начнет торговаться. Достаточно начать с продавцом простую беседу, ему хватит лишь дотронуться до тебя, взять тебя за руку – не заметишь, как пройдет час, а ты окажешься с кучей ненужных тебе вещей, отдав все деньги, до последнего гроша. Как гласит неургийская народная мудрость, всякий второй измаилит – демиургос желания. А здесь, в Воденбурге, можно повстречать персов, индусов, арабов, негров и египтян, прибывших прямиком из-под Навуходоносорова солнца. Неургийцы все еще видят в них экзотических магои, которые легко сгибают простых, «глиняных» людей под свою морфу. Не было понятно, разделяет ли Антон подобную веру, раз уж так подробно рассказывает о воденбургских обычаях и объясняет здешние ритуалы. Покупать следует через посредника или, по крайней мере, сохраняя определенную дистанцию, не вступая в разговоры, показывая на конкретный товар длинной тростью. Авель и Алитэ свои заказы передавали Антону шепотом. Он же всякий раз начинал с того, что показывал на совершенно другой предмет. Сутолока, впрочем, в эти часы оставалась столь велика, что брат и сестра не единожды изменяли свои приказы, неуверенные в собственных желаниях под набухшим керосом.

И так с улочки на улочку, с площади на площадь, а за углом всегда что-то еще более захватывающее – все шло к тому, что они никогда отсюда не выйдут. Никто не может быть абсолютно устойчив к морфе сука, даже бедняк порой оказывается пойманным в паутину бессильных желаний; особенно бедняк. Антон, среди прочего, купил изящный готский канджар из черной пуринической стали, с рукоятью, выкованной в виде башки священной кобры (для Авеля) и деревянную пифагорейскую кость и комплект ножных браслетов, происходящих якобы из времен первого нашествия Народов Моря (для Алитэ).

И они наверняка блуждали бы так до самого заката, когда б не внезапное движение толпы, увлекшее их за собой, – человеческая река, выплескивающаяся между домами прямо к северному выгону. Не успев разобраться, о чем именно говорят окружающие, что восторженно выкрикивают дети, обгоняющие их целыми стайками, – они оказались в первых шеренгах зрителей, объятые общей морфой бескорыстного интереса, вглядываясь в медленное движение повозок и зверей.

В первом ряду с достоинством вышагивали элфантийные морфозооны: индийские берберы и вавилонские бегемоты, покрытые мехом с карминовыми полосами, свитыми в спиральные узоры. С гигантских бивней берберов свисали, едва не метя землю, желтые знамена со стилизованными надписями на пракрите. На спинах элфантов, на их затылках и за лопатками, сидели полуголые наездники, худощавые мужчины и женщины азиатской морфы, в которых Авель угадал укротителей, звериных демиургосов. Были они смуглы, с длинными черными волосами, подвязанными в большие узлы; ползали по ним десятки, сотни мух и прочих насекомых, тучи тех кружили над их головами, а то снова рассыпались вокруг тел зверей. На грубые головы вечно горящихся бегемотов надета сложная упряжь, заслонявшая им глаза, проходившая рядами крючьев и цепей сквозь сморщенную шкуру и твердую кость внутри пасти и в угловатые черепа. Бегемотов сперва выморфовали для войны, и в дальнейшем, во всех своих видах, они отличались склонностью к внезапным, неожиданным приступам ярости, в коих бросались вперед, разрушая, топча и круша все на своем пути; а поскольку морфировались они таким образом, чтобы убить их оказалось максимально трудно, лишь мгновенное

уничтожение мозга твари давало какую-то гарантию сдержать нападение. Теоретически, укротители должны контролировать бегемотов, но большинство цивилизованных стран не допускали тех в свои пределы без надетой «упряжи смерти». Теперь, с каждым шагом пары тварей – трумпл, трумпл, тряслась под ними земля, – из зрителей вырывались тревожные вскрики, а линия толпы колыхалась, полшага вперед, полшага назад, Авель и Алитэ вместе со всеми; Авель сжал сестру за плечо, оба следили за зверьми одинаковыми взглядами. Следом, за морфоозонами, ехали высокие фургоны, влекомые многочисленными упряжками ховолов. На их открытых платформах выставляли напоказ свои умения акробаты, жонглеры, демиургосы огня, воды, воздуха и металла, иллюзионисты и маги. Вдоль каравана, от самого его конца, теряющегося в клубах пыли над уходящей к северному взгорью дороге и до сворачивающей на выгон головы колонны, скакали на стройноногих зебрах всадники, кричащие на нескольких языках ломаные фразы и размахивающие чжунгосскими факелами, из которых выстреливали фонтаны разноцветных искр.

Авель не мог распознать выкрикиваемых слов, но ему этого и не нужно было. Он тихо засмеялся, склоняя голову к Алитэ, морфа детского упоения притянула их друг к другу.

– Цирк приехал!

Δ. Бог в цирке

Циркус Аберрато К'Ире, гордящийся традицией, что восходила еще к римским пандаймониям, и называемый величайшим передвижным зрелищем Европы, в ту весну начал свой вокругконтинентальный вояж, двигаясь по северному побережью Франконии, и Воденбург стоял на его пути пятым городом.

Цирк был воистину велик: две сотни человек, полтысячи зверей, несколько десятков массивных фургонов. Он раскинулся на воденбургских выгонах концентрическим созвездием пестрых шатров, оставив в центре пустой круг арены. Ночью там вкопали в землю три высоких столпа для акробатов. Клетки и ограды для животных сладили в закрытый зверинец в северной части лагеря; с ротозеев, желавших взглянуть на экзотическую фауну вблизи, брали полгроша платы. Аберрато зарабатывал и Аберрато тратил: платил немалые суммы воденбургскому текнитесу погоды, старому Ремигию из Плачущей Башни, чтобы тот хотя бы попытался обеспечить несколько сухих дней. В портовых городах такое никогда нельзя гарантировать, особенно в портах со столь серьезным движением, с кораблями, что непрестанно вплывали и выплывали из залива. И все же в первый день выступлений небо оставалось безоблачным, теплый ветер веял с востока, и господин Бербелек позволил вытянуть себя из дому даже особо не сопротивляясь; а может, и вправду хотел сделать приятное сыну и дочери? Благодаря его, Алитэ неуверенно улыбнулась – долгий взгляд из-под темных ресниц, ямочки на щеках, смущенная, бессознательно накручивающая локоны на палец – и холодный коготь разодрал сердце Иеронима.

Традиционно западную четверть зрительских рядов предназначали для богатых горожан, то есть для тех, кто в состоянии оплатить сидячее место. Здесь стояло несколько рядов стульев и кресел, довольно, впрочем, поистрепанных, а за ними еще и с дюжину лавок; остальным зрителям приходилось толпиться у высоких барьеров вокруг арены. Большая часть зрелища должна была происходить выше поверхности земли – или на столпах и натянутых меж ними канатах, или на наспех сооруженной цирковыми ремесленниками сцене высотой в пять-шесть пусов, где перед началом выступления Аберрато ставили свои вульгарные пантомимы местные актеры. Однако номера со зверями и некоторые выступления демиургосов стихий не могут пройти нигде, кроме как внизу, на земле арены, и те, что стояли подальше, их увидеть не могли. Господин Бербелек заплатил несколько дополнительных грошей и занял четыре места в первом ряду. Четыре – поскольку намеревался совместить приятное с полезным и пригласил Ихмета Зайдара. На подобные представления в Воденбурге обычно приходили чуть загодя, некоторым образом полагая их дружескими встречами. Иероним надеялся использовать это время, чтобы оговорить с нимродом дела союза, тем более что Авель и Алитэ сразу же куда-то умчались.

Но едва мужчины устроились, зажгли махорники и обменялись парой-другой слов, в спины им ударил трубный глас риттера Кристоффа Ньютэ.

– А-а! А-а-а! Значит, вы тоже пришли! А я как раз подумывал, как бы тебя вытянуть! И где твои дети? Погоди, мы пересядем. Эстеру, Павла и Луизу ты ведь знаешь. Но! Дорогие мои, познакомьтесь с нашим нимродом, Ихметом Зайдаром, Ихмет Зайдар, кто-нибудь, передвиньте же тот столик, ну, садитесь, садитесь, уф, ужасно душно, потеешь, будто в бане, с этим склеротичным Ремигием всегда так, помнишь, как мы заказали утишить те вихри в девяносто первом, готов поклясться, что сукин сын тогда сам их вызвал...

Кристофф пришел с женой Эстерой и с дочерью и зятем. Как и ожидалось – и что господин Бербелек хорошо помнил по своим визитам в дом Ньютэ – в его присутствии семья молчала, слово брал только риттер. Несколько бОльшие шансы на то, чтобы переломить Форму, имел Павел, как не кровный родственник Кристоффа и меньше остальных находящийся под его влиянием. И правда, время от времени ему удавалось вставить фразу-другую.

Господин Бербелек позволил Кристоффу болтать – а кто в своем уме попытается сдерживать водопад? – но при этом перестал следить за словами и не вникал в их смысл. Кристофф, впрочем, обращался к Зайдару, а перс вежливо улыбался в ответ и кивал. Иероним же блуждал взглядом по выгону, по фургонам, шатрам, над головами толпы и по толпе. Зрители стекались неторопливо, а вместе с ними – продавцы цветов, зонтиков, вееров, сладостей, вина, грубых табуретов, карманники, попрошайки и подозрительные с виду демиургосы тела, все – громко нахваливая свой товар и услуги. Шум человеческих голосов накрывал выгон толстым одеялом. Чем сильнее становилась толча, чем больше собиралось людей, тем явственней господин Бербелек ощущал нетерпение и возбуждение от близящегося зрелища. Понимал, что изрядная часть удовольствия, черпаемого из таких представлений, коренится не в самих чудесах и волшебстве, но в том, что глядишь на них вместе с другими, с десятками и сотнями прочих людей. Неудивительно, что актеры, выходя на сцену перед неприязненно настроенными зрителями, делаются немые и парализованы. Они должны быть высокими аристократами, чтобы переломить ситуацию, вывернуть форму, перетянуть публику на свою сторону...

Господин Бербелек вздрогнул, задержавши взгляд на линии боковых барьеров, рука с махорником замерла у самых губ. Се эстле Шулима Амитаче – заплатив стражнику и отослав своего невольника, как раз входит в огороженную четверть зрительских рядов. Перехватила взгляд Иеронима и ответила движением веера, легкой улыбкой. Господин Бербелек поднялся и поклонился ей над рядами пустых еще кресел и лавок. Ничего не могла поделать, пришлось ей к нему подойти. Ньютэ проследил за взглядом Иеронима и прервал свою речь; теперь уже все в молчании глядели на приближающуюся женщину. Но та и бровью не повела, ни на йоту не изменилась таинственная полуулыбка, не убыстрился шаг, движения не сделались резче, их взгляды никоим образом не могли ее изменить.

Господин Бербелек уронил и затоптал махорник; стоял, руки сцеплены за спиной, чуть наклонясь. Не отрывая взгляда от эстле, он считал удары своего сердца. Она красива, красива, красива. Вожделею, вожделею. Эти зеленые глаза, смотрящие только на меня, эти длинные пальцы, вцепляющиеся в мои плечи, эти светло-золотые волосы под моей ладонью, эту высокую грудь под моими губами, эти уста улыбающиеся – не улыбающиеся, выкрикивающие непристойности под морфой моего вожделения. Иди ко мне, сюда!

– Эстле.

– Эстлос.

Она подала ему руку. Он поцеловал внутреннюю сторону ее запястья, слегка склонившись (она была выше его). Горячая кожа обожгла ему губы, изумрудные зеницы змеи-браслета заглянули прямо в глаза. Он узнал и те духи из-за Нила, горячий, звериный аромат, приятный и дразнящий одновременно.

– Позволь, эстле, я представлю свою жену... – начал Кристофф, откашлявшись.

Сели. Меж рядами шел продавец сладких тюльпанов, и господин Бербелек с мыслью об Авеле и Алитэ купил с полдюжины. Шулима чуть выпятила губку. Он подал ей один из жареных цветков. Она откусила, быстро облизнувшись; одинокий засахаренный лепесток упал ей на грудь. Господин Бербелек протянул левую руку, неторопливо взял лепесток большим и указательным пальцем, поднял руку, положил лепесток себе на язык, раскусил, сладость пролилась в горло, и он ее проглотил. Эстле Амитаче все это время пребывала в неподвижности, внимательно за ним следя, – и только грудь слегка поднималась в спокойном дыхании, над темным соском остался влажный след от снятого лепестка.

– Я и не знал, что ты кристианка, – отозвался Ньютэ, чтобы разбить форму внезапной интимности эстлоса Бербелека и эстле Амитаче; остальных она погружала в неловкое молчание. Ритгер указал на ожерелье Шулимы с серебряным крестом.

– Ах, нет. – Та приподняла кулон, будто увидав его впервые. – Это ломаный крест. Уже за тысячи лет до Александра его использовали в магии и обрядах.

Как всегда, слыша ее голос, господин Бербелек пытался разобрать акцент Шулимы. Ее окский был мягок, с растянутыми гласными и появляющимся время от времени придыханием – точно она говорила сама с собой, и говорила скрытно, понизив голос, чтобы не услышали остальные. Человеку приходилось поневоле нагибаться к ней, клонить голову.

– Интересуешься, эстле, древними культами? – вмешался господин Бербелек, чтобы поддержать разговор.

Шулима глянула на него по-над веером.

– Это все еще опасное дело, – сказала она.

– Опасное?

– Старые боги так просто не уходят, – заметил Ихмет Зайдар. – Поэтому кажется, что они были более... истинными.

– Кровь козла и вой на Луну, – проворчал с презрением Кристофф.

Эстле Амитаче громко вздохнула.

– Нам и вправду нужно говорить об этом сейчас? Мы ведь пришли развлекаться, а не вести религиозные диспуты.

– Красота всегда притягивает взор, – усмехнулся господин Бербелек, кивнув на серебряный гаммадион в ложбинке меж грудей эстле.

– Жаль, – просопел эстлос Ньютэ. – Я на миг понадеялся, что встретил сестру по вере. Но ведь должна быть некая причина, отчего ты выбрала такой крест, эстле, раз уж знаешь о его происхождении.

– А разве вкус – причина для выбора религии? Без обид, но я не смогла бы так носиться с изображением орудия пытки, в этом скрыто некое извращение.

– Хо-хо-хо, я этого так не оставлю! – замахал руками риттер иерусалимский. – Такие суждения оглашают те, кто о самой религии знает мало и лишь повторяет, что услышал, се возникает, как возникают сплетни, из ничего, из совпадений случайных слов, неглубоких отсылок, из мутной формы. Что ты вообще знаешь о Кристосе, эстле?

– М-м-м... еврейский кратистос четвертого века александрийской, еще из диких кратистосов, одержимый местным еврейским культом, приговорен к распятию по политическому делу, сумел втянуть под свою Форму множество евреев. Будто бы не умер на кресте, удержал тело. Что еще? Кажется, приписывал себе какое-то родство с Богом.

– Сыном был и есть, Его сыном.

– Никогда не одаряла большим уважением тех богов, – произнесла с легкой иронической улыбкой Шулима, – у которых и тело, и амбиции, вожделение и комплексы, враги, друзья и любовницы, дюжины детей, всё человеческое. Стократ человеческое не равняется божественному.

– Это ведь, собственно, Аллах, Бог музульман, – вмешался господин Бербелек. – Верно? Кристофф схватился за голову.

– Кресте! Что вы рассказываете! Мухаммад ведь Его у нас украл, сбрендил под антосом Аль-Кабы, и так-то оно и получилось для измаилитов, все перекрученное.

– А-а, значит, это все же Бог Аристотеля? – допытывалась Шулима. – Ну, тогда я уже ничего не понимаю. Как Он мог бы иметь сына? Зачем? Каков смысл? Тут ничего не складывается. – Надувши губки, она схрупала остатки тюльпана.

Кристофф громко фыркнул. Сейчас примется рвать эти рыжие патлы у себя на голове, подумалось Иерониму.

– Мне всегда казалось, – вмешался Ихмет, шуря глаза и глядя в задумчивости над головами Бербелека и Амитаче на клонящееся к западу солнце, – с самого детства, собственно... это как с шарообразностью Земли или с приливами крови в теле, всякий человек раньше или позже додумывается до этого просто глядя на мир и делая выводы. Так и люди до Аристотеля. Вопросы – всегда одни и те же. Отчего мир таков, каков есть? Зачем он вообще – есть? Что

было до того, откуда он взялся, каковы Причины? Мог ли мир оказаться иным, и если да – то каким именно, а если нет – то почему нет? Мы видим, как из форм простых возникают формы сложные, как из пустоты рождается мысль, под рукой искусного демиурга из безобразного сырья возникает сложный артефакт. Значит, и для мира должна существовать Цель, совершенная Форма, окончательная причина, которая сама не имеет причины, поскольку тогда нам пришлось бы отступать в бесконечность. И если, следовательно, вселенная, бытие, время вообще имеют начало, это именно такое начало: беспричинное, совершенное, замкнутое в себе самом, абсолютное. Из него происходят все Формы, оно притягивает начальную безобразную Материю к образам все более и более ему близким: планеты, звезды, луны – откуда бы иначе им взяться в своей идеальной шарообразности, на идеально круговых орбитах, если не от наложенной морфы такого кратистоса кратистосов? – море и суша, грязь и камень, растения и звери, и люди, и люди мыслящие, а среди них – демиургосы, текнитесы, кратистосы, все более близкие Ему. Все мы живем в Его антосе, вся вселенная пребывает внутри Его ауры, и с каждым мигмом она становится все ближе к Форме окончательной, становится все более конкретной, сообразной, совершенной, божественной. В конце концов, будет существовать лишь одна-единственная субстанция: Он.

Перс говорил тихо, делая паузы в поисках подходящего слова, а когда закончил – усмехнулся извиняющейся улыбкой.

– О-о, а я и не знал, что вы такой софистес! – покачал головой Кристофф.

– Недели, месяцы посреди океаноса... – пожал плечами нимрод. – И что остается? Таращиться на горизонт? Человек либо сойдет с ума, либо достигнет определенной эвдемонии, спокойствия духа, хм, мудрости.

– Ну, ладно, – вздохнула Шулима, ломая застывающую морфу мгновения, – но что там с Богом христиан? Совершенство не вмешивается в дела смертных, ему достаточно и того, что оно существует.

– Ага! – воздел выпрямленный палец Ньютэ. – А может ли совершенство обладать чувствами? Например, сочувствием? Состраданием, милосердием, любовью?

Эстле Амитахе с сомнением скривилась.

– Ну вот, мы снова начинаем добавлять к абстракции человеческие свойства. Закончим Зевсом или Герой.

– Потому что ты, эстле, говоришь о Боге, который был бы сообразен логике, а я говорю о Боге, в которого верят.

Шулима неопределенно взмахнула веером.

– Но ведь это одно и то же. Кто поверит в квадратный круг? Впрочем, а о каком Боге только что говорил господин Зайдар?

– Признаюсь, что как дитю зороастризма, – сказал нимрод, – мне ближе Бог Мухаммада, нежели Крестоса. Вся эта история с посланием на Землю Его ребенка, притом – на смерть или, по крайней мере, на страдание, в опасность —

– Ох, но ведь именно в этом я и вижу жестокую правду! – издевательски засмеялась Шулима, скрыв лицо за синим веером. – Проблема в другом. Ведь сперва приходится принять Бога вочеловеченного, не абсолютную Форму Аристотеля, которая представляет собой наиболее очевидную идею – но что-то в духе тех древних сказок, Сурового Старца, Матерь Любви и Плодородия, Кровавого Воителя. И один человек обладает разумом более склонным к геометрическому совершенству, другой – к красивым рассказам, от которых по телу идет дрожь. Но ни один Бог не может быть тем и другим одновременно.

– И откуда же нам, смертным, знать, каким Бог может быть, а каким нет, а? – возмутился риттер.

– Мы вообще знаем немного, – призналась Шулима. – Но движемся от невежества к совершенству через принятие гипотез не иррациональных – но тех, которые в нашем незнании кажутся нам среди прочих простейшими и разумнейшими.

– Но я не принимал никаких гипотез, эстле, – сказал Кристофф: он уже отказался от тона легкого упрямства и дистанцирования, в коем до сего момента велся спор. – Я уверовал.

– Ты имел на это право, он сильно впечатался и многих забрал с собой, никто же не возражает, что был это сильный кратистос. Даже если на самом деле он и умер на том кресте. Но разве это причина, чтобы делать из одного креста символ религии? А приговори его к четвертованию – и умри он так? А? Топорами, пилами, ножами?

– Не понимаешь! – Ньютэ, раздраженный, поднялся и сел снова, дернул себя за бороду, за усы, снова поднялся, снова сел. – Это было искупление! Он умер за наши грехи!

– Ну, это-то уж совершеннейшая чушь! – Амитаچه также утратила спокойствие, в голосе ее звучало резкое негодование. – Представь себе подобного короля, владыку абсолютного: вассалы нарушают его законы, вассалы доставляют ему неприятности, но вместо них – он карает собственное дитя. Стоит ли кто-то над ним, навязывает ли законы, устанавливает ли квоту необходимого страдания? Нет, слово короля – всегда приговор окончательный. Тогда какова единственная причина страданий сына? Потому что король этого хотел. Как видно, сие было ему приятно.

Лицо Кристоффа, и так обильно окропленное потом, еще сильнее покраснело, когда он распахнул рот в медвежьем рыке:

– Что за дурное идиотство ты мне —

– Хватит! – прошипела Шулима, с треском сложив веер; рука описала горизонтальную дугу, жест распрямления кероса.

И – чудо – рыцарь иерусалимский смолк. Выпустил воздух, откинулся в кресле, моментально расслабленный, поводя рассеянным взглядом по противоположной части цирка. Семья Ньютэ глядела на это в молчании, смущенная.

Кристофф через миг вынул из рукава платок, отер лоб.

Когда он снова поднял взгляд на Шулиму, по его лицу уже ничего не удалось бы прочесть.

– Эстле, – склонил он голову.

Та ответила вежливым поворотом веера.

Что это было? – думал тем временем господин Бербелек. Он обменялся с Ихметом удивленными взглядами. Нимрода, ко всему, произошедшее, казалось, еще и позабавило. Может, текнитеся такие вещи и смешат – а может, эта веселость тоже лишь маска – господин Бербелек слишком хорошо помнил ломающий кости и разбивающий мысли мороз Чернокунижника. Кто она, проклятие, такая? С такой морфой она воистину может сгибать под свою волю министров и аристократов. Правда ли Брюге ее дядя, или она просто убедила его с этим соглашаться? И я сам – на самом ли деле тогда захотел пригласить ее на иберийскую виллу? И теперь – вожделею, вожделею, она прекрасна – отважился бы я теперь выступить против нее, сломать форму, задать, например, некий вопрос – крайне неуместный, крайне непосредственный, крайне невежливый – сумел бы или нет?

Не дано было ему узнать. Ибо появились Авель и Алитэ, вернулись, посетив зверинец Аберрато К'Ире, и господин Бербелек начал ритуал знакомства их с семьей Ньютэ, Зайдаром и Амитаچه – крайне спокойно, крайне вежливо: эстле Алитэ Лятек фигатера Бербелека, эстос Авель Лятек иос Бербелека.

Они уселись с противоположных сторон, Авель между Луизой и Павлом, Алитэ между Шулимой и Ихметом.

Алитэ в компании оказалась персоной удивительно разговорчивой, описания созданий красивых, странных и уродливых сразу же полились из нее щебечущим словотоком, странным

образом она одновременно оставалась и забавной, и изысканной, ребенком и взрослой не по годам.

Господин Бербелек мгновение глядел на нее, смешавшись. Никогда ее не узнаю. Это ли истинная морфа Алитэ-среди-людей? Они – мои дети, но я им – не отец.

Он склонился к Кристоффу.

– В будущем лучше воздержись от таких заскоков, – прошептал он. – Усложняешь мне работу. Брюге ведь может еще и изменить решение. А пока она живет при дворе нашего любимого министра... Думай немного, прежде чем раскрывать пасть, ладно?

– Она сама начала, поинтересовалась. Я только отвечал.

– Кристофф!

– Ну да, я знаю, что я хам и кретин. Но ты ведь тоже должен был меня остановить. Думаешь, она обиделась?

– Узнаем через неделю, когда Брюге огласит окончательные тарифы.

Схрупав второй тюльпан, Алитэ начала описывать очередные диковины циркового зверинца, крылатых змей и ледяных лягух. Луиза громко сказала, что и сама должна нанести туда визит, пойдут все, но после представления. Алитэ макиально угостила ее цветком, одним жестом втянув чужую женщину в форму доверительности.

– ...или еще огненные карпы, – продолжала она на одном дыхании, – или то не пойми что, выраставшее из камня, растение или зверь, откуда они вообще их берут, сами морфируют? Откуда берут таких безумных животноводов? Это же нездорово для всех!

– Если б ты знала, эстле, – пробормотал Ихмет, – что мы порой вылавливаем из моря. В последнее время уже и сказать непросто, из-под какой формы оно взялось, может, с Южного Гердона? Океаносовые течения несут их за десятки тысяч стадиев, обычно – трупы, реже – живых. Раньше мы знали все виды, места и времена их появления, у меня есть атлас прошлого века с ручными пометками, в котором поименованы даже отдельные виды кракенов и морских змеев: «Щербатый Буба, в двадцать втором раздавил „Суккуб VI“, обломок мачты воткнулся под левый плавник, не бросать в воду окурки», и всякое такое, просто волшебный. А теперь? Ни в чем нельзя быть уверенным, все изменяется.

Господин Бербелек сдержал улыбку, увидев, как неприкрыто зачарованно Алитэ и Авель слушают меланхоличные байки нимрода. Бресла все же не более чем затхлая провинция Европы, приезжал ли туда хоть раз циркус, подобный Абerratо К'Ире? Верно, они сильно переживали, когда Мария их покинула, потом внезапный отъезд – но теперь, несомненно, участвуют в самом увлекательном приключении своей жизни.

Эту зачарованность легко использовать, но она остается и мощной силой сама по себе. Благословенная наивность, лучистый интерес – может, Авель все же был прав? может, я уже пропитываюсь потихоньку их Формой?..

Улыбка вторично появилась на его лице, и на этот раз господин Бербелек не стал ее сдерживать.

– И не только на морях, – сказала эстле Амитаке, не прекращая ритмично обмахиваться веером, яркая синева трепетала перед ее грудью крылом райской птицы. – Только что я получила письмо от приятельницы из Александрии. Люди, возвращающиеся из второго круга, из-за Золотых Королевств, вот уже какое-то время привозят странные вести – о целых джунглях, до неузнаваемости деморфированных, о погубленных стадах элѐфантов, газелей, тапалоп – звери тысячами гибнут где-то, во время своих путешествий по саванне. Порой караван привозит трупы – но живые образцы привезти в Александрию невозможно, держатся вдали от короны Навуходносора. Но вот на юге, за границей его Формы, меж слабыми антосами диких кратистосов – оттуда приходят. И из сердца джунглей. Гипатия посылает разведчиков, целые экспедиции с королевскими софистесами. Аристократы даже устроили для себя охоту, новую моду вот уже несколько сезонов... И я прочла, что в этом году к ним присоединяются даже

купцы, финансируют собственные экспедиции. Я, наверное, задержусь там на пару месяцев, а после посету Иберию, – здесь она взглянула на Бербелека. – Так или иначе, а нужно покидать Воденбург, прежде чем придет лето, и город делается воистину невозможным для жизни.

– Ты охотишься, эстле? – спросил нимрод.

– Начала за компанию, теперь – для удовольствия, – засмеялась она. – И только на благородного зверя. Но в итоге – не сам ли ловчий придает любому зверю благородства, даря его почетом в ритуале схватки и погони?

– Лигайон, «Первая Река», – опознал цитату Авель и похвастался своими знаниями.

– Я давно уже хотел посетить Александрию... – неуверенно начал Павел. – Вот же, сколько поэтов славил калокагатию Навуходоносора? «Святые сады Паретены, кто ночью узрит их, под ярящимся глазом Циклопа с Фароса...»

– О, приглашаю, приглашаю, – поспешно затрепетала веером Шулима.

– Ты понадобишься мне здесь, – отрезал Кристофф Ньютэ. – Может, на будущий год.

– Может, – пожал плечами зять риттера.

– Нет, правда, – приподнялась эстле Амитаче. – Я буду безмерно рада! Или, если бы вы захотели... – Она кивнула на Алитэ. – Должна признаться, что большинство персон, с кем я здесь познакомилась, я не хотела бы увидеть своими попутчиками; их общества на первом и втором официальных банкетах мне совершенно хватило. В этом городе есть что-то такое... А вот под солнцем Александрии! Чем дольше об этом думаю, тем сильнее моя решимость.

Алитэ и Авель обменялись взглядами, а затем одновременно взглянули на Иеронима.

Господин Бербелек уже не усмехался. Нельзя поддаваться Форме безрассудно, ведь не в том же дело, чтобы вернуться в собственное детство.

Однако прежде, чем он отворил уста —

– Начинается! – указала на арену Луиза.

Актеры вот уже миг как сошли со сцены. Раздалась дробь невидимых барабанов, и в ритме этой дроби на доски вступил сам К'Ире, сопровождаемый с обеих сторон двумя красноглазыми сфинксами. Сфинксы рыкнули, барабаны умолкли, К'Ире воздел руку с золотым скипетром – и всё: не пришлось повышать голос, не было нужды даже что-то говорить, хватило одного его присутствия, позы, жеста. Моментально стихли разговоры, публика замерла, с ожиданием всматриваясь в высокого гота. Тот без единого слова захватил их внимание; но они хотели быть захвачены, за это и платили.

– Не мог бы я попросить тебя на пару слов? – прошептал перс, склонясь к Иерониму.

– Сейчас? А что случилось?

– Мне кажется, здесь один из нимродов Второй Гренадской. Я знаю его, по-моему, он без постоянного контракта и поддался бы искушению.

– Хм, ну ладно.

Извиняясь перед сидящими, они поспешно прошли к боковому барьеру.

– Который? – спросил господин Бербелек, осматривая ряды глядящих на сцену зрителей.

К'Ире объявлял первый номер, представление началось.

– Я соврал, – сказал Ихмет. – Я никого не видел. Как давно ты знаешь эту женщину?

– Что? Кого?

– Эстле Амитаче, да? Ее.

– А в чем дело?

– Сначала ответь. Как давно?

– Этой зимой она приехала в Воденбург из Византиона. К дяде. Племянница министра, которую никто раньше не видел. Нас представили на одном из ужинов у князя, в Децембрисе или Новембрисе.

Перс скривился, дернул себя за ус. Полез в карман, вынул янтарную махорку, угостил Бербелека. Иероним, подчиняясь форме Зайдара, в молчании вытащил махорник. Закурили.

Нимрод оперся плечом о деревянный барьер. Взглянул, не поворачивая тела, над плечом – на первый ряд, господин Бербелек проследил за его глазами. Они видели только верх спины Шулимы и ее затылок, светлую корону волос, как предвестие невидимой короны, ажурного антоса. Женщина глядела на представление какоморфных демиургосов вместе с остальными; поглощенная происходящим на арене, она не ощутила взглядов мужчин.

– В тысяча сто шестьдесят шестом, – неторопливо начал Зайдар, прерываясь всякий раз, когда толпа издавала крики удивления или громкие вздохи, – я перестал работать в охране караванов ладанного пути и принял первый контракт на средиземноморских трассах. Плавал, главным образом, на кафторских галерах: Эгипет, Рим, Кносос, Гренада, Черное море. Король Бурь снова двигался в небе, это был конец спокойного мореходства по Средиземному. Именно тогда, как ты наверняка помнишь, Чернокнижник в третий раз покинул уральские твердыни и двинулся на юг, хану пришлось бежать через Босфор. Византион готовился к войне, сзывал стратегосов, аресов, даже нимродов, султан нанял Хоррор. Я плавал туда и в Крым. Летом в Крым прибыл Чернокнижник. Князя Херсонеса принесли ему клятву. Это происходило публично, над портом, на террасах цитадели; срубили все деревья и разрушили стену – чтобы не закрывали вид. Ты, скорее всего, видел картины и гравюры. Я там был. Толпа – сколько глаз видит. В конце концов, разве часто смертным дано узреть лицо кратистоса?

Господин Бербелек оставил это без комментария.

Ихмет Зайдар прервался, чтобы выпустить круглое облачко дыма.

– Все стояли на коленях. И даже если удавалось подняться, спины было не разогнуть, в тот день мы все до единого были невольниками. Жара. Сколько-то там женщин родили до срока, ты наверняка слышал о тех «детях Чернокнижника». Все длилось от рассвета до сумерек. Картины показывают лишь сам момент принесения клятвы Гесарой; это произошло утром. Но и после продолжались бесконечные процессии, славословия, благословения, казни. Чернокнижник сидел на огромном троне из челюсти морского змея, это вполне совпадает с тем, что рисовали позже. У него также была своя свита: сенешали, гвардия аресов, двое наместников Юга и, конечно, Иван Карлик. А справа, в тени балдахина, сидела женщина в роскошном кафторском платье. Он несколько раз наклонялся к ней, они разговаривали, смеялись, я видел. Золотые волосы, александрийская грудь, брови как ласточкины крылья, спина прямая. Женщина исчезла пополудни. Я лишь знал, что она не из херсонесской аристократии.

Господин Бербелек оторвал взгляд от полускрытой ближайшими зрителями фигуры Амитаचे.

– Насколько далеко ты стоял? Сто, двести пусов?

– Я – нимрод, эстлос. Вижу, запоминаю, узнаю. В лесу, на море, в толпе – миг, лицо, зверь в пуще. Никогда не забываю.

– И что же ты хочешь мне сказать?

– Это же очевидно, – перс уронил и растоптал махорник. – Крыса Чернокнижника.

Крысы, мухи, псы – называли их по-разному, тех ближайших сподвижников кратистосов, их конфиденгов и приверженцев, живущих в самом огне кратистосовой короны, дни, месяцы, годы, керос не в силах выдержать напора столь сильной Формы, он поддается, быстрее или медленнее, сразу либо поэтапно – но поддается: сперва, конечно, поведение, язык, но вскоре также и самые глубинные чувства, а позже и тело, до самых костей – морфируясь к идеалу кратистоса, меняясь по образу и подобию, эйдолос Силы. Если только сам кратистос сознательно не сдержит процесс, очень скоро все слуги и чиновники дворца – обретают его лицо.

Крысы – едящие с его стола, спящие под его крышей, делящие его радости и печали – выказывают подобие, заходящее куда дальше. Ему даже не нужно ничего им приказывать, давать поручения или запреты; они знают и так, мысли в их головах движутся параллельными путями, морфа – симметрична, будто крылья бабочки, отражение в зеркале, возвращающееся эхо, гордыня и покорность.

Тем не менее ничего не стоят эмиссары, шпионы и агенты, которых всяк может опознать с первого взгляда. Оттого кратистосы нанимают текнитесов тела – или сами придают им необходимую морфу, если она не противоречит их антосу, – и дают своим крысам безопасный, неповторимый вид.

Долговечность – это всего лишь побочный эффект. Ибо если в тысяча сто шестьдесят шестом Зайдар видел ее зрелой женщиной, значит, теперь Шулиме за пятьдесят. А выглядит на двадцать. И как долго она «эстле Шулима Амитаचे»? Год? Полгода?

И, конечно, говорит ли Ихмет правду, ошибается ли, врет или всего лишь чуть-чуть меняет то, что случилось на самом деле, – этого никак не проверить.

– То могла быть ее мать, – пробормотал господин Бербелек. – Или вообще кто-то другой: может, она попросту переняла красивую Форму от чужой аристократки.

– Если переняла настолько совершенно... значит, ею она и стала, верно?

На арене нагой мужчина хлопнул в ладони, и сей же миг его охватил огонь, публика вскрикнула единогласно.

Господин Бербелек в молчании докурив махорник.

– Не чувствую в ней Чернокнижника.

– Хорошая крыса, умелая крыса.

– Я пригласил ее к себе на лето.

– Он всегда добивает побежденных врагов.

– Но она говорит, что сперва отправится в Александрию, под морфу Навуходносора, а он – ненавидит Чернокнижника...

– Значит, там ее и убьешь, – твердо сказал ему нимрод, текнитес дикой охоты, и господин Бербелек ему не возразил.

Е. Слово, жест, взгляд

Мария им запретила, но они все равно писали друзьям в Бреслу.

Алитэ:

Наверное, он нас боится. И что ж это вообще за город! Комната у меня маленькая, солнце туда не заглядывает. Здесь холодно. Но если б ты знала, что тут творится на улицах! Сама не знаю, что это за люди, откуда они сюда приезжают. Приплывают. Порт – большой. И это море! Вчера я пошла на стены, час там стояла и смотрела. Волны! Есть ли собственная морфа у моря? Думала, что усну. Мы были в цирке!!! Ты в жизни не слышала о таких созданиях. И что они делали! Папа знает всяких важных людей, князя, министров и такую эстле-чужеземку тоже, какая она красивая! Может, он снова хочет жениться. Но не стану спрашивать. Иногда он так смотрит на меня, что прямо ух! Наверное, я его боюсь.

Авель:

Он богат, я и не знал, что настолько. Немного рассказывал мне о фирме. Уже знаю, что ты думаешь, но не представляю, каковы его планы, к тому же у него есть и другие родственники, да и здоровье у него чудесное, а о завещании он ничего не упоминал. Он не слишком откровенный человек. Потому и не надейся, что сумеешь прямо сейчас вытянуть из меня какие-то новые ссуды (знаю я тебя!).

О первой жене, конечно, ни слова. Не представляю, какое из тех ужасных семейных преданий – правда. Он не выглядит таким уж извергом (когда ты наконец выберешься в Острог, расскажешь мне все). По крайней мере здесь он никаких собак в доме не держит.

Живем, впрочем, на удивление скромно. Однако это может быстро измениться. Завершится сезон, на весну-лето аристократы покидают Воденбург. Мы собираемся переехать в Иберию. А может, он позволит себя убедить, и мы поедem в Александрию, на охоту вглубь Африки. Не бойся, привезу тебе подарок (только не откуси себе язык от зависти).

Что там ни говори, но Воденбург – большой купеческий город, пол-Европы сквозь него проезжает, здесь можно встретить кого угодно. В первую же неделю я узнал больше аристократов, чем за всю свою жизнь в Бресле. Видел людей из-под самых разных морф. (Кстати, я проверил: дикие гердонцы НА САМОМ ДЕЛЕ с хвостами – сколько там ты уже мне должен?)

В паре десятков стадий к северу от города стоит лагерем Хоррор, три сотни. Попытаюсь пробраться туда на более длительную поездку, прежде чем мы покинем Воденбург.

Господин Бербелек прочел письма, осторожно отклеив над свечой шлаковые печати. Антон собирался отослать письма Авеля и Алитэ утром, вместе с почтой Иеронима. Господин Бербелек заметил их, лежащие на подносе во фронтоновой библиотеке. Остановился, поднял, повертел в пальцах. Открыть, не открыть? Как обычно, он не мог уснуть, потому шел среди ночи поработать над просроченной корреспонденцией. Идя в кабинет, зацепился взглядом за орнаментную каллиграфию, украшавшую верхнее письмо, это Алитэ выписала так зелеными чернилами. Открыть, не открывать? Знал, что откроет.

Зажег в кабинете пироклейные лампы и задернул плотнее тяжелые шторы – первый этаж был невысок, окна, выходившие на улицу, были под потолок, но при этом невысокими, на ночь их закрывали изнутри железными ставнями, однако те никогда не смыкались до конца. Он затворил еще и дверь, зажег острое благовоние и сел за секретер.

Писем было семь: пять Алитэ, два – Авеля. Он прочел все. Поймал себя на том, что при чтении усмехается и хихикает. Его так удивило собственное поведение, что он принялся комментировать его вслух:

– Ну-ну, забавный ты субъект, Иероним Бербелек. – И это опять показалось ему тревожным признаком психического расстройства.

Он вновь разогрел шлак и запечатал письма.

Господин Бербелек и сам поддерживал переписку с родственниками и знакомыми в Вистулии; правда, предпочел бы не получать некоторые письма, совершенно позабыть о некоторых людях. Орланда писала ежемесячно, длинные бессвязные эпистолы, знаки ее нарастающего безумия. Получил он нынче и другое – короткое, как водится, но содержательное письмо от своей подчиненной времен больших войн и больших триумфов, Яны-из-Гнезна, гегемона вистульской армии. Ее желчные остроты всегда поднимали ему настроение.

Ну хоть не нассали на твою могилу. Еще бы знать, заключили мы хотя бы хреновый мир, или это просто замороженный фронт. Так ведь нет, Казимир и Токач, тот новый фельдмаршал, повторяют лишь: «держат позиции» и «не провоцировать дальнейших инцидентов». А в результате четырнадцатый год стоим на линии Вистулы, глядя, как Москва колонизирует восточные княжества, а Чернокнижник пускает корни в той земле и в тех людях. Вчера дошел слух о дезертирах из гарнизона крепости Лужица. Через Лужицу нынче проходит большая часть торговли дунайским зерном. И если уж такой тупой сапог, как я, в силах учуять это дрожание антосов, то для Святовиды такое должно быть поразительно очевидным. Пять – десять лет – как думаешь? К счастью, наверняка не доживу.

Но как ты? Заполучил какую-нибудь франконскую княжцу? Я рассказывала людям, что ты живешь там как король. Спасибо за шубу. Насвистываю им, что это от некоего нордлинского любовника, но, думаю, дураков верить мне нет. В последний раз смотрелась в зеркало, когда выковыривала себе глаз после Легницкой Резни. И не думаю, что седые волосы изрядно добавили мне очарования.

В левом ящичке секретера он держал связку документов, присланных Ньютэ, а верхним там лежало длинное письмо, начертанное на рисовой бумаге их человеком на другом конце света, Йидзэ Икитой, с подколотой к четвертой странице пометкой Кристоффа: *Едешь в ту проклятую Александрию!*

Письмо от князя дзайбацу было полуторамесячной давности, в том смысле, что тогда добралось в Воденбург, написали же его еще парой недель раньше. Кристофф решил показать его Иерониму именно сейчас, как очередной аргумент в делящейся вот уже несколько дней – со встречи на выгонах – кампании по уговорам Бербелека. Риттер склонял его к путешествию в Александрию – от чего господин Бербелек отделялся поверхностными, необязательными отговорками.

– А у тебя есть что-то более важное? – долбил Кристофф. – И что же? Какие-то планы, о которых я ничего не знаю, новая карьера, новый образ жизни, хоть что-то?

Не было у него ничего.

Кристофф загорелся идеей, как загорался любой из них, и все же необходимость поездки в Александрию возникала в их разговорах уже не раз. Иероним напомнил, как сильно желал отправиться туда Павел, – но оба знали, что молодой зять риттера в расчет не берется, Ньютэ отметал эту идею быстрым взмахом руки. И снова принимался убеждать:

– Во-первых, раньше или позже, нам придется договариваться с Африканской, подписывать условия. – (Представительство Африканской Компании находилось как раз в Александрии.) – Во-вторых, если бы нам удалось избавиться от посредников в доставке южных пряностей, мы начали бы всерьез зарабатывать на обратном карго. В-третьих, заказы Гипатии. В-четвертых, я ведь не говорю, чтобы ты сразу на ней женился, но, сам понимаешь, горячие ночи в Золотой Ауре рядом с племянницей министра торговли... это ведь большой капитал. В-пятых, сам почитай, что пишет Йидзэ. Нам нужно держать руку на пульсе. В конце концов, что оно такое – три-четыре месяца? Кристе, да я все оплачу из собственного кармана.

Икита-сан писал на классическом греческом, который отнюдь не грешил под его пером излишним чувством и напыщенностью. Сам господин Бербелек никогда его не видел лично. Зато Кристофф и Йидзэ встречались за Западным Океаном лет двадцать назад.

Тогда из иппонских колоний в западном Гердоне отправилась – частично оплаченная самим императором Айко – экспедиция для исследования географии и керографии Горла Евзумена, того самого узкого перешейка между Северным и Южным Гердоном. Именно тогда возник план выморфировать там межokeаносовый канал по примеру Канала Александра, соединяющего Средиземное и Эритрейское моря; господин Бербелек помнил, что писали о том «перерезании Горла» все европейские газеты. В экспедиции, от одного из заинтересованных в инвестициях дзайбацу, как раз и участвовал молодой Йидзэ Икита.

Начинание оказалось неудачным, экспедиция вошла прямо в обезумевшую Форму одного из туземных кратистосов, бегущих на юг под натиском распускающегося, точно холодный железный цветок, антоса Анаксегираса. Пришлось как можно быстрее возвращаться на землю ровного кероса, пока они сами себя не позабыли. Ближе всего члены экспедиции оказались от Гердон-Арагонии. Самых больных забрал на борт корабль, ведомый отцом Кристоффа Ньютэ. Кристофф был на нем вторым офицером. Выживавал Йидзэ, тот страдал от заражения крови и деформаций костей. Тогда они и подружились, смешали свои морфы. Когда через несколько лет Кристофф создавал Купеческий Дом Ньютэ, Икита финансировал его начинание не колеблясь; и не потерял на этом. Как активный дольщик, он до сих пор делился с Кристоффом важной информацией, добываемой неисчислимыми шпионами дзайбацу Икита, восьмой силы Божественной Империи.

«Течет там река, человек, перейдя ее, перестает быть человеком» – так говорят, такие рассказы нам повторяют. Сплетни о появлении новых кратистосов кружат каждую весну, будто проклевываясь из завихрений кероса вместе с ежегодным пробуждением природы. Мы проигнорировали их, как и сотни подобных ранее. И все-таки позже начали доходить сведения о растущей заинтересованности теми землями со стороны разнообразных европейских и азиатских Сил, направлялись туда с неясными целями посланники королей и кратистосов, возвращались, не возвращались, или следующие. Нынче даже неважно, что воистину является источником и причиной тех сплетен; теперь уже сам интерес относительно конкуренции достоин исследования. Именно так из случайного совпадения желаний рождается жизнь, нечто возникает из ничего.

Случайное совпадение желаний. Господин Бербелек размышлял над дорогами судьбы. Сложив письмо Икиты, он зажег махорник, дым поможет. Дорога первая: поеду в Александрию. И впрямь ли Шулима – крыса Чернокнижника? Там, в антосе Навуходносора, у него, по крайней мере, будет больше шансов. А если не крыса? Тем лучше. Дорога вторая: не поеду в Александрию. И впрямь ли Шулима – крыса Чернокнижника? Окажется подальше от меня, не буду мозолить ей глаза, счастливой дороги; сам тоже покину Воденбург, не поеду в Иберию, спрячусь где-нибудь еще. А если не крыса? К чему ведет меня мое вожделение?

Нужно взглянуть на себя глазами Авеля: что сделал бы на моем месте Иероним Бербелек? Сбежал бы? Скрылся бы и молил, дрожа, чтобы опасность миновала? Или же истинный Иероним Бербелек встал бы на ее пути с поднятой головой?

Лучшее время начать изображать именно такого Иеронима.

Он придвинул пепельницу. Прижатое ею, на углу стола лежало приглашение на ужин к князю, начертанное на официальном дворцовом пергаменте. Эстле Амитаке наверняка там будет. Проверил дату – сегодня. Господин Бербелек пойдет.

* * *

Влюбившись, Авель Лятек в тот же самый миг всей душой возненавидел объект своего чувства.

Звали ее Румия, была она внучкой князя Неургии. Юноша увидел ее и залился румянцем. Увидел ее и понял, что недостойн поднимать на нее глаз. Рожден и умрет ее рабом. Преклоняет колени, поскольку не может не преклонять.

Ужин подали в Зале Предков. Здесь, в воденбургском дворце, где Григорий Мрачный жил столетиями, его Форма отпечаталась глубже всего, и труднее всего было ей сопротивляться. Никто не улыбался. Разговоры стихали уже во внешнем холле. Алитэ неуверенно пробормотала еще что-то раз-другой, но после и она лишь поводила по сторонам подавленным взглядом. Пирокийная инсталляция пронизывала дворец густой сетью металлических жил, со всех сторон гостей окружали созвездия ярких светил – и все же царило ощущение тьмы, волгло мрака, осклизлой черноты, стекающей вниз по ступеням, стенам, панелям, древним камням, по коврам, драпировкам, гобеленам, серебру и золоту. Огни дрожали не от жара, дрожали от холода; по коже гостей ползли мурашки. В Зале Протокола в высоком камине ревел сильный огонь, однако отсветы его не простирались и на несколько шагов от очага – по крайней мере так казалось Авелю. Отец предупредил их, оделись тепло. Обязывала их сдержанная элегантность, гердонская простота. Ужин давали в честь вновь назначенного посла Колонии. Господин Бербелек регулярно получал приглашения на подобные приемы, поскольку был единственным жителем Воденбурга – кроме его владык и нескольких мастеров из местной академии, – о ком княжеские гости могли слышать ранее; кроме того, принадлежал к аристократии и не доставлял хлопот, редко высказывая собственные суждения, обычно же поддакивая более благородным собеседникам. Был замечательно предсказуем, мечта любого мастера протокола: человек, совершенно определяемый чужими Формами. Моментально ощущал любое изменение дворцового этикета. Двери только начинали отворяться – а он уже поворачивался к ним, колени сгибались, склонялась голова. Дело даже не в том, что он преклонял колени первым, – он преклонял их именно тогда, когда преклонять надлежало. Авель припоздал и продолжал стоять, когда они входили: князь, княжна, две дочки, внук и внучка. На миг перехватил ее взгляд. Румия, знал, что ее зовут Румия. Она усмехнулась ему уголками губ, не то вопросительно, не то поощряющее. Он пал на колени. Стиснутые кулаки ткнулись в холодный пол, кровь ревела в ушах. Что за унижение!

Ужин подали в Зале Предков, под внимательными взглядами пращуров князя, что следили за едящими из-под потолка, из галереи портретов, созданных величайшими демиургосами кисти и полотна. Авель поглядывал на картины с подозрением. Эти богато одетые мужчины и женщины с прекрасными, суровыми лицами, казалось, выглядывали из рам, поворачивались именно к нему. Он сосчитал портреты: семьдесят два. Как глубоко в прошлое погружена история рода Неурга? Сколько поколений аристократов стоит в тени позади белокожей Румии?

Приходилось слушать посла Колонии, эстлоса Каролю Ройку, который витийствовал над индюком в грибном соусе:

– До того они одичали, что, хм, утратили всякое чувство иерархии, не существует общественных структур, лишь, мхм, одна огромная орда, в которой голос каждого одинаково значим, и всё решают сообща, один, один и один, аморфная масса. Ни королей, ни невольников, нет ни верха, ни низа; хмм, забыли всё.

– Забыли? – отозвался Авель с другого конца стола и сразу же пожалел, что открыл рот, поскольку, хотя Румия из-за этого и глядела теперь на него, глядели на него и все остальные, и внезапно пришлось сражаться изо всех сил, чтобы, под тяжестью их холодных воденбургских взглядов, произнести еще хотя бы слово. – Забыли или та Форма никогда и не была им дана? Может, Анаксегирос там и вправду первый?

– А ты, мхм, юноша, никогда не слышал о «диких кратистосах» не только в Гердоне, но и в Африке, в Земле Гаудата на Антиподах? Порядок заложен в природе мира. Эти, хм, хаос и смешение в одинаковую, однородную массу ему противны и суть нечто воистину болезненное.

Только в глубочайшей дичи, за Мегоросами, в лесах ночи, под адскими деревьями, под, хмх, замечательно, замечательно, только там человек может настолько выродиться.

– А если он столь окончательно забывает свою Форму, – отозвалась княжна, – то и, тем самым, перестает быть человеком, верно, Иакса?

Иакса, придворная софистес, прежде чем ответить, вытерла платком узкие губы и положила столовые приборы симметрично по обе стороны тарелки.

– Сей порядок повсеместен, – сказала она, глядя на Авеля, – и одинаково касается как людей, так и зверей и растений; всего, что живет и что жить желает. Возьмем, к примеру, любых двух псов. При каких бы обстоятельствах ни встретились, они примутся облаивать и рвать друг друга, пока один не уступит другому, не признает его верховенства и своей подчиненности. А разве люди развились из зверей сразу как короли и кратистосы, слуги и рабы? Нет. Но всякий раз, когда встречаются двое незнакомцев, случается столкновение их воли, попытки подчинить другого в более или менее мягкой форме. Теперь, когда мы живем в цивилизации, это не всегда заметно на первый взгляд. Но ранее, в дикости, борьба была жесткой, ничем не ограниченной. Покорись или умри! Чем ты готов рискнуть ради своей свободы, независимости Формы? Ибо всегда в конце концов приходится играть по ставке наивысшей. Выберешь смерть или жизнь под чужой волей? И одни сгибались, более ценя спокойную, безопасную жизнь, и от них произошли рабы, холопы, люди послушные; но другие, каких меньше, не могут вынести и малейшего унижения, скорее сломаются, чем согнутся, их Форма слишком тверда – из них и произошли аристократы.

– Знаю, но... – заикнулся Апель.

– Но, – причмокнула эстле Амитае. – Но мы, высокой крови, можем, в кругу своих, признаться в наших истинных страхах. Эстлос Лятек прав, оспаривая тезис эстлоса Ройка. Ибо ежели эти древние гердонцы некогда жили в здоровом обществе, ежели были цивилизованы, а теперь – даже вождя орды не в силах указать... то не определено и наше будущее. Ни одна Форма не дается навечно. Тем, кто уже рожден наверху и не должен сражаться за свое место, – им труднее прочих рискнуть всем, когда возникнет некто, не желающий склонять выю, и бросит им вызов; ему терять будет нечего, им же – все богатства мира. Легче, безопасней, проще отдать ему часть тех богатств. И еще одну. И еще одну. Вспомните, какова судьба рода Александра.

– Каковая – предупреждение всем нам, – проворчал князь, бросив на Румию острый взгляд; Апель заметил его и с трудом сдержал усмешку, склонясь над тарелкой.

– Ммм, ведь, собственно, хмм, это их и постигло, мхмм, одичание, одичание.

– Ах, мой дорогой посол, – эстле Амитае потянулась к нему над столом, прикоснулась пальцами к предплечью, – мы знаем, что это правда. Но тем более следует публично опровергать ее. Зачем давать повод амбициозным мечтателям? Как говорил эстлос Лятек: «та Форма никогда не была им дана».

– Воистину, Одиссеев ум, – подвел итог князь, поднимая бокал в тосте к Шулиме.

После ужина, когда все разошлись по углам большого зала, чтобы вести в тени негромкие беседы (князь и посол попрощались первыми), Алитэ быстро исчезла куда-то с Иаксой, а отец удалился чуть позже, под ручку с эстле Амитае, – и Апель остался один. Он не знал, как собой распорядиться. Лакеи и стража в черно-красных одеждах стояли, как статуи, под стенами и подле дверей, будто бы никого не замечая, но он ощущал на себе их взгляды, такие же неприязненные, как и у предков Румии на портретах. Отодвигаясь от них как можно дальше, он оказался в конце концов возле окна, что выходило на главную площадь дворца. Тьма окутала город, тьма, густо инкрустированная огнями тысяч окон и фонарей. Некогда дворец стоял далеко за границами предместий Воденбурга, но за столетия город напозл на Гору Неурга, окружив со всех сторон княжескую парцеллу: сам дворец, лабиринт хозяйственных строений, конюшен и каретных сараев, его знаменитые Сады. Он не видел их отсюда и не видел, когда

въезжали в главные ворота. На самом ли деле тяжелый, словно надгробный камень, анто́с Григория Мрачного сморфировал там землю, сталь, растения и животных в одно огромное, полуживое, полумертвое, архитектурное чудовище? Авель прижал щеку к стеклу, но вид закрывало западное крыло дворца.

Только почувствовав ее запах и дыхание, он заметил ее присутствие. Отскочил. Княжна смотрела на него, чуть наклонив голову к плечу, с руками, скрещенными под грудью, закрытой шнурованным корсажем темно-гранатового платья. Волосы, знак Неурга, столь же огненно-красные, как и у брата, матери, тетки, бабушки и деда, окружали лицо пламенной аурой, он почти видел расходящиеся от нее волны деформации кероса. Это избалованная девчонка, подумал Авель, она не может быть намного старше меня, Юпитер, я ведь тоже благородной крови, отчего ж должен... нет, не поклонюсь, не склоню головы, не буду выглядеть глупцом. Улыбка, двусмысленные слова, ясный взгляд – вот мой путь.

Она медленно вытянула к нему руку.

Юноша пал на колени. Не глядя, протянул трясущуюся ладонь, с закрытыми глазами поцеловал ухоженные пальцы. Сердце стучало слишком быстро, чтобы считать удары, не сумел бы сосчитать и до трех, красный, потный, хватающий воздух ртом.

Румия подступила на полшага. Вдавливала его в пол. Запах цветочных духов лез ему в ноздри. Еще миг – и он потеряет сознание. Авель чуть не всхлипнул в отчаянии. Он жаждал свернуть ей шею, жаждал высосать дыхание меж ее губ, сияние из глаз, ах, заглянуть бы в них еще раз, в вечность в тех глазах.

Говорила ли она что-то? Он не слышал за хрипом собственного дыхания.

Задрожал, когда княжна возложила руку ему на голову. Погладила по волосам. Склонилась к нему, он чувствовал это, хотя и не смотрел.

– Встань.

Он должен встать, встанет, не будет смешон перед ней, она хочет, чтобы он встал.

Встал.

– Понимаешь ли теперь, каков порядок мира?

Кивнул.

Она неожиданно захихикала, хлопнула его ладошкой по плечу, он почти физически почувствовал изменение Формы – выдохнул, отступил на шаг, поднял веки.

Она усмехалась шаловливо, избалованная девчонка, не старше его самого.

– Хочешь увидеть Сады?

В ответ он лишь проказливо ощерился.

Господин Бербелек заметил их, выходящих в боковую дверь, его сын и внучка князя, и указал взглядом Шулиме. Та кивнула.

– Как мотылек к огню.

Они как раз говорили о политике, он старался перевести разговор на союз Иоанна Чернобородого с Семипалым, Чернокнижник обязательно возник бы в нем, раньше или позже. Когда так и случилось, она на миг удивила его нескрываемым ядом в словах; впрочем, он тотчас разъяснил это впечатление холодной мыслью: именно так она и должна маскироваться.

– Сын козла, – бранилась она. – Помет Шеола! Подумай, как выглядела бы Европа, если бы не это вонючее отродье. Не могу понять, отчего против него не объединятся, почему его наконец-то не изгонят! Но нет, всегда только ссоры, однодневные перемирия, бумаги, бумаги и бумаги, конечно, никто не встречается друг с другом лицом к лицу, не пожимает рук, не испробует искренности другого. Кратистосы – это понятно, не могут встретиться никогда; но короли, высокая аристократия, владыки Материи? У них есть сила, они могли бы это сделать. Но нет, подражают, идиоты, кратистосам, все по-старому: через посредников и посредников посредников – и потом все удивляются, отчего Чернокнижник снова победил, почему поймал в свою сеть еще одного.

Царь-кратистос Семипалый, владыка Вавилона и близлежащих стран, оставался едва ли не единственным воистину искренним союзником Чернокнижника – в отличие от неисчислимых орд тех, кто приносил Чернокнижнику клятвы, поскольку не мог их не принести. Семипалый стоял с ним плечом к плечу еще со времен Войн Кратистосов, соединил свою Форму с его при изгнании кратисты Иллеи. Союз Семипалого с Иоанном Чернобородым означал усиление политической связи между Малой Азией и Македонией. Почти полностью отрезал от непосредственной помощи с Востока независимые государства Западной Европы.

– Лицом к лицу... – пробормотал Бербелек. – Тогда бы покорялись ему еще быстрее.

– Ох, прости, что я разбередила эту рану, эстлос, – сказала Шулима, сжав его плечо, и, когда б не это пожатие, он был бы уверен, что она насмехается над ним; так же лишь нахмурил брови, смешавшись. Она опустила бокал на подставленный лакеем поднос и снова взяла Иеронима под руку. – Прошу простить, если... Я, конечно, прекрасно знала, кто ты, еще только увидев тебя впервые – тогда, на приеме у Лёка; ты меня не заметил, эстлос. Весь вечер ты напивался в углу, хотя и это – без убеждения, ушел трезвым. Печальный конец героев, подумалось мне. О ком читаешь в исторических трудах – того лучше не встречать воочию, всегда лишь разочарование. Но теперь я понимаю больше. Ты не сломлен, эстлос, тебя нельзя сломать. Ты лишь отступил внутрь крепости, сдал внешние шанцы. – Она сжала ему руку снова. – И я хотела бы увидеть, как ты снова поднимаешь знамя.

Они уже вышли на западную террасу. Хмурые стражники стояли здесь вдоль каменной балюстрады, в поднятых руках держали белые лампы.

Господин Бербелек старался искоса следить за Шулимой – не поворачиваясь к ней; тени от ламп обманывали – что означает эта легкая улыбка? иронию, милосердие, презрение? Во время оно по такой ломаной лирике из уст женщины господин Бербелек решил бы: она хочет оказаться покоренной, молит об этом. Теперь же только вспоминал свои давнишние впечатления.

Но, как видно, такова была ее Форма: вечерний придворный флирт. А может, и вправду, мысль о возрождении бывшего героя сыграла на амбициях эстле Амитаچه, ибо есть ли большее удовлетворение для женщины, чем разбудить мужчину в мужчине, может, она и вправду...

Он встряхнулся.

– У меня есть знакомые в Византионе, – сказал господин Бербелек сухо. – И мы обменялись письмами насчет тебя, эстле.

Она не разжала хватку. Отвернулась слегка, глядя на ночную панораму Воденбурга и моря. Он не отводил взгляда от лица Шулимы. Усмешка ее исчезла, но и только; не выдала себя. Может, он сделал ошибку, блефуя? Момент был подходящим.

Ждал, когда она скажет хоть что-то, бросит контробвинение, рассмеется, заплачет, станет нагло отрицать, хоть что-нибудь. Но нет, ничего. Он медленно высвободил руку, отступил. Вынул махорник. Лакей подал огонь. Господин Бербелек затянулся дымом. Шулима так и стояла, вглядываясь в Воденбург, постукивая ногтями в белых напальниках по шершавому камню балюстрады.

Когда она наконец двинулась, то поймала его врасплох. Прежде чем Бербелек успел сосредоточиться, женщина стояла перед ним, глаза в глаза, дыхание в дыхание – склонилась сквозь дым к Иерониму.

– Полетишь со мной в Александрию? – спросила тихо.

Он не отвел взгляда; может, это было ошибкой. («Значит, там ее и убьешь».)

– Да, – ответил он.

Она быстро поцеловала его в щеку.

– Спасибо.

И отошла, энергично стуча каблуками.

Он медленно докурив махорник.

* * *

Алитэ уснула уже в экипаже. Портэ отнес ее в кровать. В Авеле же слишком многое еще бурлило. Даже когда господин Бербелек заставил его усесться в одно из кресел библиотеки, юноша все продолжал потягиваться, хрустел пальцами, закидывал ногу за ногу, меняя их раз за разом, а то и забрасывал их на подлокотник, насвистывал под нос, а в перерывах бил себя ладонью по бедру – сам не отдавая себе в том отчета. Некоторое время Иеронима это забавляло, пока он не задумался над источником своей веселости и не вспомнил о вскрытых втайне письмах. Отведя взгляд, он сглотнул горькую слюну.

Тереза принесла черный чи, он поблагодарил и подал сыну горячую чашку.

– Ты ведь понимаешь, что у них таких игрушек – сотни? – проворчал господин Бербелек, не глядя на Авеля.

– У кого?

– У них. Придворных сирен.

– Как эстле Амитаचे? – парировал Авель.

– Да, – спокойно ответил господин Бербелек, садясь в кресло наискосок.

Они однажды уже разговаривали здесь. Из-за повторения места, времени и жестов они вернулись в ту же самую Форму, ночь соединялась с ночью, сказанное с несказанным. Изменилось ли что-то между ними? Что ж, Авель уже не обращался к нему на «вы».

– Да, эстле Амитаче, эстле Неург, они, – сказал господин Бербелек, пригубив соленый напиток. – Почему аристократия заключает браки лишь в своем кругу? Ибо невозможно равенство чувств между псом и его хозяином: псом овладели, хозяин – владеет. Конечно, зверя можно выдрессировать так, чтобы тот искренне его полюбил.

Авель покраснел. Долго вертел чашку, не поднимая взгляд.

– Знаю, – пробормотал он наконец. – Но я ведь тоже благородной крови.

– Потому она вообще захотела с тобой развлечься. Ибо раб не удовлетворил бы ее. Допускаю, что ты поддался слишком легко, и во второй раз она тобой уже не заинтересуется. В Бресте ты никогда не сталкивался с высокой аристократией?

– Нет. – Он отставил чашку, взглянул на отца. – Но ведь у тебя большой опыт, ты жил меж ними, был одним из них, верно?

Господин Бербелек покивал, игнорируя задиристый тон Авеля.

– Через некоторое время перестаешь верить в истинность других людей. Если в твоем присутствии они ведут себя как безвольные предметы – предметы они и есть. С предметами не разговариваешь, предметы не одаряешь чувствами, самое большее – коллекционируешь их. Ищешь общества других подобных тебе; с радостью приветствуешь всякого, кто хоть немного тебе противится. В эти короткие моменты ты не одинок. Румия – у нее еще есть надежда, прости ее.

– Он поэтому тебя пощадил? Потому что ты сопротивлялся?

– Кто? Ах, он.

– Поэтому?

Господин Бербелек глянул на часы. Скоро два. Тереза, выходя, прикрыла дверь библиотеки, заперла ночь снаружи. Все спят, мрак окутывает столицу, нас отделяет от него только мерцающее пламя пироккийных огней под матовыми абажурами, это подходящий момент. Господин Бербелек – чашка с недопитым чи в левой руке, правая на сердце – наклоняется к сыну и начинает говорить.

е. Как Черно книжник

Огнива перестали высекать искры, спички перестали гореть, из кераунетов и пиросидер не удавалось выстрелить – по этому мы узнали, что прибыл Черно книжник.

Первые самоубийства среди солдат случились уже на следующий вечер. Шел второй месяц осады, под моей властью оставалось человек семьсот, не считая шести тысяч жителей Коленицы, оставшихся в своих домах. Никто не вел счет самоубийствам горожан.

В то время я ходил в морфе великого стратегоса, войска присягали на верность, едва лишь меня увидев, битвы выигрывались, стоило мне лишь взглянуть на поле, приказы исполнялись еще до того, как я договаривал последние слова, я чувствовал, как керос прогибается под моими стопами, я был выше семи пусов ростом, в Коленице не нашлось настолько большого ложа, было мне двадцать четыре года, и никогда ранее я не проигрывал битвы, армии, замки, города, страны – все лежало предо мной, не осталось мечты достаточно великой. А затем прибыл Черно книжник.

Тебе б нужно знать, отчего я вообще уперся в Коленицу. Главнокомандующий армии Вистулии, фельдмаршал Славский, по поручению Казимира III, планировал контрнаступление вдоль Карпатского хребта, готы же должны были нажать с севера и оттеснить силы Черно книжника назад на линию Москвы. На картах это выглядело классической подковой: противник либо отступает, либо сражается на два фронта, где поражение на любом из них одинаково трагично, или же рискует атаковать мнимо неприкрытую середину, будучи уверен в ловушке, которая тотчас захлопнется в смертельный котел. Однако, чтобы провести это юго-восточное контрнаступление, Славскому нужны были сильные войска – состоящие из ветеранов, и он собрал их, двух— и трехкратно ослабляя отряды, находящиеся внутри «подковы». В Мартиусе у меня было три тысячи человек, в Априлисе – осталась неполная тысяча. Славский планировал грамотно: даже при таком ослаблении обороны стратегосы Черно книжника оказались бы совершенно безумны, чтобы ударить в центральную твердыню Вистулии. Мы надеялись, что они отступят. Как знаешь, не отступили.

Апрелиус мы продержались без особых проблем. Я ежедневно поднимался на вершину коленицкого минарета, с него открывался прекрасный вид на пригороды и поля, до самой пуши. Несколько недель я высылал еще и регулярную конную разведку, в ближних селениях в бассейне Вистулы на линии в тридцать стадиев стояли наши посты, поддерживалась и постоянная связь с Краковией. По сути, я отвечал за тысячестадиевую линию фронта, от Бротты до Церебужа, мне подчинялась и большая часть гарнизонов Мазовии. В теории, то есть согласно стратегии Славского, я должен был получать от них и из штаба ежедневные рапорты о продвижении войск Москвы и при первых же признаках отступления двинуть вслед за ними весь центральный фронт; получается, я был главнокомандующим Армии Запад, и именно так мое поражение и описано в книгах. Но рапорты изначально доходили редко и с опозданием, если вообще доходили, а свои посты и дозоры мне пришлось отозвать, когда враг подтянул крупные силы, однажды ночью сжег три села, это была граница разумного риска. Разъезды тоже возвращались потрепанными. Из допросов захваченных «языков» я знал, что на нас идет Трепей Солнышко, внук Ивана Карлика, с десятитысячной уральской ордой. Конечно, я сразу послал нарочного в Краковию, поскольку это была информация, позволявшая говорить, что они решились на фронтальный удар; я надеялся, что тотчас подойдут подкрепления. Подкрепления не подошли, мы остались отрезанными, Трепей вошел глубоко, захватил все мосты и броды перед нами и позади нас. Пришлось полагаться на голубей. Но это уже была лотерея. Москвияне привезли с собой искусно подморфированных ястребов, девять из десяти посылаемых птиц те перехватывали еще в небе над Коленицей, мы видели, как рвут их в пух и перья. Так или иначе, но Славский приказывал «удерживать город любой ценой», Коленица остава-

лась ключевым пунктом, наступающий не мог оставить ее в тылу, не мог и обойти – и именно поэтому ее поручили Иерониму Бербелеку.

Мы прекрасно подготовились к осаде. Я еще накануне стянул демиургосов ге для ремонта крепостных стен, устроил припасы, углубил колодцы. Также в Коленице издавна обитал полудикий текнитес сомы, до Мартиуса никто даже не заболел. Потом начались перестрелки, пиросидеры гремели днем и ночью, жертв было не избежать. Но я верил, что Трепей терял намного больше народу, со мной были хорошие солдаты, хорошие аресы, умелые пушкари, мы всегда доставали дальше, стреляли точнее, разбивали пиросидеры и пороховые склады москвлян. Те однажды попытались пойти на приступ, мы отбились практически без потерь. Боевой дух оставался на высоте, в моем войске боевой дух всегда оставался на высоте. Я провел две ночные вылазки, сжег им часть лагеря. Было лишь вопросом времени, когда к нам подтянется Славский – с подкреплениями, либо сомкнув окружение с юга. Правда, с противником пришел демиургос метео, с неделю не падало ни капли дождя, все высохло до звона. Они рассчитывали на пожары – но я замечательно вышколил горожан, разрушения оказались минимальны. Мы держались.

С началом Маюса подкрепления и вправду начали подходить – подкрепления к Трепею. Я смотрел с минарета, как разбивают лагерь на окружающей Коленицу равнине, ряды одинаковых одноцветных шатров на самом горизонте. Ничего хорошего не выходило из их подсчета, а сильнее того ужасали шеренги невидимые, скрытые за горизонтом. Эти новые привели с собой бегемотов и разнообразных уральских какоморфов, черное семя ферм Чернокнижника – явственный знак, что близится и сам Иван Карлик с основными силами. Гули, выроды, множоры, выморфированные из зверей в людей или – еще страшнее: из людей в зверей. Спускали их с цепей на закате, те подходили к стенам, подбирались к самым башням, некоторые умели говорить, шептали на темных языках из безлунной тьмы, солдаты нервничали, стреляли вслепую, пустая трата пироса. Выродов стали перебрасывать к нам за стену – катапультами, мертвых. Трепей хотел ударить по городу болезнями, которые те переносили в своих брюшных мешках, натянутых как кожа на барабанах. А мы, раз уж те спустили на нас какоморфов, поняли, что это будет долгая осада. Может, были среди них и безумные текнитесы, которые преднамеренно распространяли на Коленицу большие антосы, короны распада Формы; но сомневаюсь, для войска тянуть с собой кого-то такого всегда серьезный риск, безумцев невозможно контролировать по определению, первой рушится дисциплина. А может, наш текнитес тела жестко держал нас в своей ауре. В любом случае, эпидемия не началась.

У меня с самого начала был продуманный план бегства. Ударить в неожиданный момент, быстрый прорыв – и рысью на запад. Главной проблемой, конечно, оставались гражданские, их я бы так спасти не сумел. Мои сотники, впрочем, предоставляли аргументы чисто военные: здесь, сидя в окружении, я просто зря растрачиваю свою армию, в то время как одни боги знают, что происходит в большом мире, не пала ли Вистула под кнутом Карлика, Святовид под сном Чернокнижника, кто знает, могли бы перевесить нашу чашу весов, я бы мог.

В четвертую неделю Маюса прошел слух о поражении главных сил Славского, о том, что король Казимир сбежал из Краковии, а Святовид скрывается в западных пуцах. Этого невозможно было бы еще почувствовать, но люди так сильно поверили в слух, что получалось – все едино, правда или нет, боевой дух начал падать. Я произнес несколько речей; помогало лишь на время.

С началом Юниуса уже и сам я чувствовал, что близятся перемены. Это стало невозможно скрыть от людей, хватало бросить на землю горсть палочек, и половина всегда падала в каком-то геометрическом узоре, квадрат, октагон, пентаграмма, звезда, знаешь – печати Чернокнижника. Горсть палочек, песка, замутив воду, пустить дым... Он близился, к чему отрицать, должно быть, вышел с Урала в начале весны, наверняка миновал уже Москву, шел на запад, прямо к нам.

По крайней мере в его короне мне не грозили бунты и паника среди напуганных людей, с каждым днем росли дисциплина и послушание, вскоре коленичане падали предо мной ниц, чуть ли не сапоги лизали. Сперва я возмущался, но позже антос Чернокнижника вцепился и в меня, через неделю я приказал выпороть какого-то несчастного купца, когда тот не стал бить передо мной челом. Небо было ясным, горячая синева вистульского лета, но все знали, что это лишь подлая ложь Материи.

Лагерь Ивана Карлика разбухал вокруг города, точно язва вокруг открытой раны. Ночью – огни, музыка; праздновали. Они перестали нас обстреливать, и это беспокоило сильнее всего. Я подумывал об очередной вылазке, добыть языка, узнать, какие у них планы, что происходит. Последний голубь добрался до нас шесть недель назад, мы были отрезаны, мир вне окоема, открывающегося с башни, не существовал.

Потом огнива перестали высекать искры, спички перестали гореть, пирос не взрывался. Стражники на ночных дежурствах принялись спрыгивать со стен, прямо в лапы хихикающим гулям и выродам. Солнышко, то есть Карлик, отвел свои войска к самой границе пущи, теперь осада превратилась во что-то совершенно иное. В сумерках перед воротами встал герольд. «Сложите оружие и откройте ворота – и он дарует вам жизнь. Так или иначе, но вы падете к его стопам, живыми или мертвыми. Он прибыл. Он ждет. Отворите ворота. Один лишь порядок в мире, один владыка. Се – его тень. Отворите ворота. В Коленицу прибыл кратистос Максим Рог!» Я приказал арбалетчику застрелить герольда и расстреливать всех следующих, под какими бы цветами они ни пришли.

Максим Рог, Чернокнижник, Уральский Великан, Вечный Вдовец, кратистос-сюзерен Москвы, черная легенда Европы, герой сотен романтических драм, червь истории, тысячеименный непобедимый ужас – впервые я увидел его утром четвертого Квинтилиса. С минарета, сквозь подзорную трубу. Он одиноко ехал посредине ничейной земли между окопами Ивана Карлика и стенами Коленицы, объезжал город. Сидел верхом на каком-то рогатом зооморфе с черной как уголь шерстью и с высоким, выгнутым хребтом, тот происходил от верблюдов либо хумиев, и лишь через какое-то время до меня дошли истинные пропорции увиденного: чтобы сидеть на столь огромном звере, человек, которого я видел, и сам должен быть не меньше восьми пусов ростом. А к тому же он казался скорее крепким широкоплечим силачом, нежели костистым худышкой. Было жарко, одет он оставался лишь в белую рубаху и штаны. Я не видел лица, только гриву темных волос, черные заросли. Единожды он повернул ко мне голову, я уверен, что увидел меня, это невозможно, но я был уверен, чуть не выпустил подзорную трубу. Ты должен понимать: ему уже тогда хватило бы лишь взглянуть на меня. Сходя с башни, я считал ступени как минуты, оставшиеся до казни. Я знал – он выиграет. Знал, что у меня нет шансов. Следовало открыть ворота. Это был Чернокнижник.

Солдаты тоже его видели; ему это и нужно, осада превратилась в схватку по навязыванию воли, Форма против Формы. Я огласил очередную речь: «Не позволю распространяться страху, попытки бегства будут караться смертью. Они не войдут сюда, если только мы не впустим их сами. Ждать! Помощь в пути!»

Чернокнижник кружил вокруг города, как волк вокруг костра, день за днем, ночь за ночью, одинокая фигура на пустом поле, постоянный, будто черная звезда, солнечные часы поражения. С каждым часом мы все сильнее впадали в его антос. Не знаю, такова ли его корона или он просто выбрал для нас именно такую морфу, но то, к чему шел керос Коленицы, окончательная его Форма... Нас притягивала пустота, ничто, недвижность, омертвление, тишина и совершенный порядок смерти. Бывало ли у тебя такое чувство – вдруг понимаешь, сколь противоестественно, странно и пугающе то, что ты вообще живешь, что дышишь, дви- жешься, говоришь, ешь, испражняешься, что за абсурд, что за извращение, мерзость теплого тела, слюны, крови, желчи, это кружит внутри, обращается в мягких органах, но не имеет

права, не должно, приложи руку к груди, что там, что бьется, боги, этого же нельзя выдержать, трепет и отвращение, вырви, уничтожь, сдержи, верни земле.

Он пережевывал нас.

Я выходил на пустые улицы, уже как бы не у меня одного хватало сил, чтобы взбираться на башню, осматривать стены, проверять посты, сказать по правде, нечего было проверять, те, кто на них еще оставался, оставались не по обязанности или от страха передо мной, но поскольку это не требовало никаких усилий, решений, импульса воли; они уже почти не жили. Часто я не мог отличить мертвых от спящих, не ели, не пили, засыпали в моче и говне. Когда однажды вечером я вернулся в казармы, то застал моего заместителя и трех сотников спящими за штабным столом; затем понюхал их кубки: они не спали, выпили растворенный в вине миндальный яд.

Квинтилис перешел в Секстилис, я уже не мог ни во что одеться, всё оказывалось слишком большим, закатывал штанины, затягивал пояс, подрезал рукава, с какого-то трупа снял сапоги. С другими происходило то же самое, люди жаловались на это и раньше; и все же большинство вообще не обращало на такое внимания – ходили нагими, давно перестали надевать доспехи. Я пробовал сохранять дисциплину хотя бы среди офицеров. Никакие угрозы не действовали. Я взял за обычай ночные прогулки, не мог уснуть в той огромной кровати, ходил, подсматривая, подслушивая, что за настроения, о чем говорят – солдаты и коленичане. Но к тому времени уже нечего было подслушивать, свободная беседа стала настолько же редкой, как и смех, Формой Коленицы сделалось Молчание.

Я не мог понять, отчего они не атакуют, захватили бы стены первым же штурмом, никто бы не встал на защиту. Разве не знали, разве не знал Чернокнижник? Вместо штурма – дни, недели, месяцы в его короне, город и люди, убивал ли он нас, нет, убивали ли мы себя сами, нет, просто подобие смерти победило подобие жизни. Так же и с деревьями, травами, зверьем – скорчившимися, бледными, сухими, если и живыми, то – умирающими. Только кратистос сумел бы в такой ауре удерживать свою Форму.

Сказать правду, я даже не слишком-то помню то время, память будто выжгли. Конечно, и речи не было, чтобы не уступить, не верь книгам. Тогда уже не было речи ни о чем. Вероятно, если бы их кто-то поднял, приказал отворить ворота... Но уже ни у кого не осталось сил. Я считал удары своего сердца, чтобы убедиться: все еще существует какое-то «я» и какой-то Иероним Бербелек, хоть какой-то. После уже узнал, что в последние дни я оставался единственным живым человеком в Коленице, по крайней мере – единственным в сознании: представляешь, насколько я был в себе, если не помню о тех днях ничего. Единственное: призрачно огромное Солнце в ясной синеве небес.

Ну и, конечно, последние воспоминания, когда он уже вошел в город. Теперь я думаю, что он искал меня. Знал обо мне – ему сказали, кто здесь командует. Поскольку это – пойми – это единственная победа для кратистосов: не через уничтожение, измождение, бегство врага, но только через его добровольную клятву. Насколько вообще наши поступки в этом мире можно называть добровольными. Таков их триумф.

Он вошел один, это совпадает с легендой, он всегда входит первым, принимает под свою руку. Я не уверен, учуял ли я и выступил ли ему навстречу, или же это он нашел меня там, на улице. Полдень, жара, никакой тени. Я увидел его, выходящего из-за поворота, он был пешим, в левой руке нагайка, похлопывал ей ритмично по ноге. Шаг за шагом, медленно, это была прогулка виктора, и каждое место, которым он прошел, каждый дом, который миновал, каждая вещь, на которую взглянул – мне и вправду мнилось, что я вижу эту бегущую сквозь керос волну морфы, – каждая вещь отныне была более Чернокнижником. Он застал меня сидящим на земле, и, пока он ко мне приближался, я пытался подняться на ноги. Я давно уже ничего не ел, о еде было и не помыслить, скорее всего, так и остался бы на четвереньках, знал, что должен остаться на четвереньках, на коленях, головой в пыли, целовать ему ноги, когда приблизится,

так следовало поступить, все к тому шло – попытайся понять, хотя это лишь слова, – когда я поднял голову, он возвышался на половину неба, се великан, он перерос род людской, мы не доставали ему и до плеча, до груди, он – над, мы – под, земля, пыль, грязь, на коленях, на коленях – попытайся понять – ему ничего не нужно было говорить, он стоял надо мной, нагайка о ногу, тук-тук, я что-то бормотал, возможно, стонал мольбы, слюна на подбородке, голова свешивается, но продолжал вставать, нога, рука, опираясь и трясясь, он стоит, ждет, я чувствовал его запах, как миндаль на устах самоубийц, может, запах его короны – попытайся понять, сам я не понимаю, – я встал, поднял взгляд, полуослепший, взглянул ему в глаза – небесный цвет, смуглая кожа, он усмехнулся из-под усов, что должна была означать та усмешка, снится мне до сих пор, усмешка кратистоса-триумфатора. Понимаешь ли ты это? Он сказал бы слово, и я вырвал бы себе сердце, чтобы его удовлетворить.

Я плюнул ему в лицо.

Часть II

Z. Аэреус

22 Априлиса 1194 года господин Иероним Бербелек покинул княжеский город Воденбург на борту воздушной свиньи «Аль-Хавиджа», отправившись в путешествие в Александрию. Сопутствовали ему сын и дочь, а также двое слуг.

Заняли две двойные кабины Θ—I и K—Λ на верхнем уровне. «Аль-Хавиджа» взяла еще десятерых пассажиров. Нанял ее княжеский стекольный завод для прямого перелета до Александрии без промежуточных стыковок, и демиургос метео-аэростата извещал, что путь в 20 тысяч стадиев займет от трех до семи дней.

В ночь с 23 на 24 Априлиса, когда пролетали над долиной Родана – тени высоких Альп маячили на восточном небосклоне, желтое лицо Луны проглядывало меж тучами, – один из пассажиров оказался убит. Услышали только его короткий вскрик, когда несчастный падал в холодную тьму, сквозь десятки стадиев к невидимой земле.

Следует описать пространство убийства. «Аль-Хавиджа» принадлежала к свиньям среднего размера: от железной иглы клюва до кривых крыльев хвоста – без малого стадий. Оболочка, обтягивавшая аэровое брюхо свиньи, выкрашена в темную зелень, чтобы четко выделяться на фоне неба. На обоих бортах – герб манатского эмирата Кордовы: Михдам и Расуб, святые мечи из святилища в Кудайде (компания, построившая «Аль-Хавиджу», принадлежала семье эмира; до сих пор немногие могли позволить себе приобрести воздушную свинью).

Деревянное гнездо, выроставшее из подбрюшья свиньи, не имело в длину и полстадия, шириной же не превышало двадцати пусов. Нижний уровень полностью занимал грузовой трюм; под ним, на шпангоутах из ликотового дерева и на открытых стальных конструкциях, можно было подвешивать еще сотни литосов дополнительного груза. Кормовые кабестаны работали от цепей главного перпетуум мобиле аэростата. Верхний уровень предназначался под кабины экипажа и пассажиров, столовую, рулевую рубку, макинерию и носовую обсерваторию; перед макинерией находилась кухня, ванные комнаты и санитарии. Главный коридор разделял два ряда кабин, по семь в каждом; с обоих концов соединялся он с перпендикулярными коридорами, а те вели на шедшую вокруг всего верхнего уровня «обзорную площадку» – узкий балкон, с которого можно было заглядывать прямо в облачные бездны. Обзорную площадку защищала густая сетка из ликотовой плетенки, натянутая от края деревянного пола до зеленого подбрюшья свиньи – через ячейки размером с ладонь не выпал бы и ребенок.

На балкон можно было выйти и непосредственно из кабин, каждая обладала двумя дверьми, одна напротив другой: одна открывалась в центральный коридор, «позвоночник» свиньи, другая же – наружу. По обеим сторонам внешней двери находились узкие окошки, обычно запотевшие. Но в миг, когда случилось убийство, сквозь них и так никто не смотрел.

Господин Бербелек, вместе с Портэ и Антоном, занимал кабины θ—I, первые от носа по правому борту. Две следующие, K—Λ, заняли Алитэ и Авель. Эстле Амитаче со своей невольницей Завией расположились в кабинах A – B, по левому борту, напротив кабин Иеронима. Имхет Зайдар выбрал правую кормовую кабину E.

Следует представить и остальных пассажиров «Аль-Хавиджи». Господин Бербелек впервые встретил их на обеде 22 Априлиса. Был это как раз Dies Martis, и подали мясо с кровью, запах горячей свинины наполнил кормовую столовую. Капитан Азуз Вавзар поднял тост за счастливое путешествие.

– Благоприятных ветров! – ответил Вукатюш, готский купец (кабина E).

Демиургос метео, неразговорчивый юноша негрской морфы, лишь склонил голову. На почетном месте справа от капитана сидела эстле Амитаче. Это изначально не обсуждалось, хватило единственного движения ее веера, блеска изумрудного глазка змеиного браслета; теперь она лишь приподымала бровь, и Вавзар замолкал на полуслове. Господин Бербелек сидел от капитана по левую руку. Дальше усадили семью Треттов, Гайла и Анну с троицей детей (кабины Г—Д); по замечанию, что Гайл обронил над жарким, господин Бербелек сделал вывод, что они направляются в Александрию на свадьбу родственницы. Напротив Треттов, справа от Шулимы, посадили Алитэ и Авеля, как-никак аристократов.

В первый день «Аль-Хавиджа» часто меняла аллеи ветров, они поднимались и вновь снижались, пневматоры работали на полном пару, наполняя ликотовые крылья ветряков, а в дополнение ко всем прочим дурным ощущениям, через весь аэростат пробегала непрерывная легкая дрожь, то быстрее, то медленнее, волнами – и Алитэ укачало уже в первый час. На обед она пришла, но не ела ничего; Авель поддразнивал ее, с ухмылкой пожирая куски красного мяса. Алитэ, слегка побледневшая, обмахивалась веером столь интенсивно, что, казалось, вывихнет запястье. Чтобы хоть как-то отвлечься, она завязала оживленную беседу с соседом. Был это Забахай, один из трех вавилонян (кабины Z, H, N), молодых гвардейцев Семипалого, что возвращались домой через Эгипет. Двоих других звали Урч и Кистей или Гистей – этого последнего было непросто понять, он заикался и шепелявил, нервно притом трясясь. Друзья поясняли, что всё – из-за неудачного удара по голове, который юноша получил недавно, в кабацкой драке; морфа Навуходоносора должна была помочь ему оклематься. Тем временем уже проявились первые признаки утраты Формы: у Гистея начали расти волосы на веках и на ладонях, из хрящика левого уха торчал ноготь, а кожа на предплечьях сменила цвет, покрывшись фиолетовыми пятнами. Якобы он не мог спать иначе как стоя, а во сне грыз дерево, полки и кресла. Во время еды все посматривали на него с подозрением. Последним пассажиром (кабина М) была родовитая неургийка среднего возраста, регулярно, каждые несколько месяцев, путешествовавшая в Александрийскую Библиотеку от Воденбургской Академии (как сказал капитан). Одевалась она в мужские шальвары, руки же ее покрывали нордские татуировки. Во время первого обеда она быстро упиалась красным вином. Заснула, громко храпя. Шулима щелкнула веером, и Вавзар, дергая себя за бороду, вызвал двух дулосов, и те чуть ли не силой уволокли упирающуюся неургийку в ее кабину. Господин Бербелек в тот раз так и не узнал ее имени. – Напиваясь, – процитировал классика Ихмет Зайдар, когда за дулосами затворились двери, – человек добровольно идет в рабство. – А во-вот у меня все-всегда была кре-е-епкая го-голова, – сказал Кистей. – Разговаривали на окском и греческом. Господин Бербелек ел в молчании. Никто не обращал на него внимания.

Вечером он вышел с махорником на обзорную палубу. План наступления должно обдумывать спокойно, в минуты полной эмоциональной отстраненности, холодного равнодушия к врагу и родине. Точно так же и с планами злодеяния. Место. Время. Метод. Придется ли глядеть ей в лицо. (А вдруг она все же не от Чернокнижника?) Придется ли. Господин Бербелек глубоко затягивался теплым дымом. Придется.

Свинья колыхалась под ногами, как раз перескакивали со спины одного ветра на другой, он ухватился за ликотовую сетку. Наклонившись, заглянул вниз. Ветер свистел у него меж пальцами, развевал волосы, погасил махорник. Заходящее солнце растянуло по всем неровностям земли и арабескам пейзажа водянистые тени, «Аль-Хавиджа» летела над страной тысяч озер сумрака. Долины, ущелья, склоны – все залито тенью, с высоты не увидеть, движется ли в том потоке тьмы хоть что-то еще, всадник – едва видимая точка, речная лодка – белый парус, вынырнувший над поверхностью разлившихся теней. Но если всматриваться в единственный фрагмент, заякориться за него взглядом, тогда можно заметить его движение, медленное, всеобщее бегство.

Господин Бербелек услышал скрип двери.

– Как она себя чувствует? – спросил он.

– Заснула, уже не блюет, – ответил Авель. – Портэ напоил ее каким-то зельем. Невольница госпожи Амитаче принесла письмо для тебя. Насколько мы высоко? Если бы эта сетка лопнула...

– Не лопнет. – Господин Бербелек выбросил махорник, ветер сразу же подхватил его, они не увидели летящего к земле окурка. – В Александрии... я создам для вас рантьерский фонд, тебе дам исполнительные права, Алитэ получит управление своей частью, когда ей исполнится шестнадцать; будете обеспеченными.

– Вы с Зайдаром поедете на охоту? С тобой ничего не случится. Возьми и меня, я уже не ребенок, не нужно меня опекать. В чем вообще дело? Погибни ты – мы ведь и так наследуем тебе, верно?

– Не важно, не бери в голову.

– Капитан завтра обещал показать мне макинерию.

– Мило с его стороны.

Оба повернулись направо, где из кабины N вышел на обзорную палубу Гистей. Легко поклонился; они поклонились в ответ. Затем он начал что-то напевать под нос, ритмично покачиваясь на пятках. Отец с сыном вернулись внутрь.

Письмо эстле Амитаче не касалось того, на что Иероним надеялся. «*Может, смогу помочь твоей дочери. Приду после заката. Разрешишь? Пошли слугу*». Ну да, она ведь видела, как под конец обеда девушка позеленела и сбежала из-за стола; и видела ее после, в коридоре, согнувшуюся пополам. На ужин Алитэ уже не пришла, и Амитаче, должно быть, начала расспрашивать. Ей и вправду есть до этого дело или просто хочет втереться ко мне в доверие, замылить глаза? Он послал Антона.

Шулима появилась вместе со своей невольницей, черноволосой девушкой римской морфы, с длинными стройными конечностями и белоснежной улыбкой. Завия деликатно разбудила Алитэ. Господин Бербелек вопросительно глянул на Шулиму. Та указала на балконную дверь.

Уже было весьма холодно, женщины укутались в шали, Иероним набросил хумиевое пальто. На носу и корме горели масляные лампы, а сквозь узкие окошки изнутри падал свет из кабин – но едва Авель закрыл за собой дверь, объяла их густая ночь.

Ночь, но прожитая, однако, красно-золотым лунным сиянием. Луна была полной, тяжелый пирокийный фонарь, подвешенный посреди небосклона – если смотреть прямо на него, почти ослеплял. Гистея, видать, и вправду ослепил, вавилонянин стоял неподвижно, опершись спиной о стену, глаза широко открыты, по подбородку стекала слюна.

– Спит, – пробормотал Авель.

– Оставьте меня, – стонала не проснувшаяся еще Алитэ, – в чем дело, даже выспаться не дадут, Авель, ну скажи им —

– Ш-ш. – Шулима обняла Алитэ, склонилась к ней; второй рукой легонько взяла ее под подбородок, обернула ее лицо к луне. – Смотри, – шептала, – она не недвижна, она плывет, мы все плывем с ней вместе, волна на волне, на волне, ты не можешь сопротивляться, не можешь противиться, плывешь вместе с нею, плывешь вместе с нами. Возьми.

Завия, исчезнувшая на миг, появилась теперь с металлической миской, до половины наполненной водой. Подала ее Алитэ. Девушка, моргая, посмотрела на Авеля, на отца, на Шулиму, на миску, снова на Шулиму и не без колебания приняла посудину.

Эстле Амитаче отступила от Алитэ.

– Вытяти руки, – сказала она. – Отодвинься от стены, ты стоишь на своих ногах, ничто тебя не опрокинет. Погляди на ее отражение. Ты плывешь. Не отводи взгляд! Плывешь, не можешь опрокинуться. Она совсем не тяжела. Возносишься на чистых волнах. Покой. Тело знает. Смотри.

Господин Бербелек сложил руки на груди, стягивая полы пальто.

– Что это за гоития? – прошипел он Шулиме. – Чары хороши для простонародья, ты ведь не веришь в такие глупости.

– Ш-ш, – та даже не повернула головы. – Никаких чар. Только не говори, что не учил своих солдат каким-то простейшим способам обманывать жажду, игнорировать боль, противиться страху. Всегда найдутся приемы, позволяющие нам приноравливать свою форму под обстоятельства. Человек – оттого человек, что меняется согласно собственной воле, это правда, но не значит ведь, что все мы равны божественному представлению о нас. Это не так уж и просто. Нужно уметь обманывать себя, себе врать. Не мешай, эстлос.

Алитэ стояла, всматриваясь в отражение Луны в серебряной воде округлой миски, держала ту на высоте груди, длинные темные волосы ниспадали прямыми прядями – и впрямь ли не отводила взгляд от светлого отражения или уснула так, загипнотизированная, она – и как-морфный вавилонянин, только что она стояла сама, босыми стопами на деревянной палубе, ноги сгибались, прежде чем свинья заколешется, вперед, назад, в стороны, Луна не выплеснется из миски, не имеет права, они плывут на одной волне.

Авель кашлянул, господин Бербелек поднял глаза. В какой-то момент, пока они не смотрели, из своей кабины вышла библиотекарь академии. В неподвязанном гиматии, с надгрызенным яблоком в ладони, теперь она глубоко вдыхала свежий ночной воздух, опершись спиной о дверь. Гистей стоял от нее справа, рядом, но, конечно, она наблюдала не за ним, а за устроенной Амитаچه мистерией воды и Луны. Иероним на миг перехватил взор неургийки: трезвый, сосредоточенный взгляд.

– Х-х-холодно, помри оно все, – пробормотал Авель, стуча зубами, и скрылся в своей кабине.

– Долго ли еще? – спросил господин Бербелек.

Амитаче подняла руку, широкий рукав темного платья сполз вниз.

– Тише, прошу.

Может, сыграл свою роль этот претенциозный ритуал, и Алитэ сумела наложить на себя столь сильную морфу физиологии, а может, подействовали зелья Портэ – в любом случае, на завтра морская болезнь исчезла без следа. Обед девушка съела с изрядным аппетитом, выказывая искренний интерес к Забахаяу, усердная адептка искусства флирта и соблазнения. Шулима послала Иерониму понимающую улыбку; тот не ответил, как всегда сидел молча. Впрочем, и так сразу же возникла громкая ссора между Вукатюшем и Гайлом Треттом. Как можно было понять из проклятий этого последнего, он обвинял гота в гнусных намерениях относительно своей жены. Купец сперва реагировал смехом, что еще сильнее раздражало господина Третта; тот бросился на гота через стол. И снова капитану пришлось вызывать дулосов, те развели драчунов по их кабинам. Остальные пассажиры следили за инцидентом с едва скрытым весельем; даже сама госпожа Третт с трудом сдерживала смех.

После обеда Азуз Вавзар собрал желающих на короткую экскурсию по аэростату. Авель и дети Треттов постарались, конечно, сунуть нос в каждый закуток свиньи; Урчу и Иерониму хватило и визита в макинерию. Помещение было тесным, как и все на аэростате, и при этом почти полностью занятым сложным артефактом из металла, ликота и твердоморфированного стекла, непрестанно трясущимся – именно от него по аэростату растекалась эта раздражающая дрожь. Изнутри конструкции доносились шипение, бульканье, пiski и удары, будто в тех трубах, ящиках и ретортах носилось стадо разъяренных даймонов. Вошедшие – а Вавзару пришлось сперва отпереть полдюжины засовов и защелок – не стали закрывать за собой дверь, поскольку сразу же изошли потом, температура и влажность были достойны римских бань.

Капитану пришлось повысить голос, чтобы его слышали, южный акцент в его разбавленном греческим окском сделался еще более отчетлив. Слова свои он обращал к самым млад-

шим, объясняя все совершенно как детям, склонившись и чуть не на корточки присев перед маленькими сыновьями Треттов.

– Вся Материя состоит из четырех элементов: Огня – пироса, Воды – гидора, Воздуха – аэра, и Земли – ге. Для объектов земных – в отличие от тел небесных, о которых говорят, что те состоят из некоего пятого элемента, пемптон стойхейон: ураниоса, эфира – для объектов земных естественным состоянием является покой. Всякий предмет стремится занять соответствующее ему здесь место: катящийся камень, падающий дождь, возносящийся дым. Земля тяготеет к самому низу, над ней Вода, над ней Воздух, над ним Огонь. Вы наблюдаете это всякий день. Бросьте камень в озеро – и он погрузится на самое дно. В закрытом сосуде вода всегда опустится вниз, воздух соберется наверху. Огонь же стремится вверх, сквозь воздух. Это – естественное движение. Но бывает и движение неестественное, вынужденное, что продолжается лишь столько, сколько длится принуждение: движения людей и зверей, движимые ими предметы. Человек, как единственное существо, понимающее суть реальности и могущее гнуть ее по своему желанию, способен менять Форму не только себя самого, но и других объектов: ремесленник, превращающий кусок земли в кувшин, агроном, создающий новые виды растений. Их, обладающих исключительно одаренной волей, мы зовем демиургосами, керос гнется под их усилиями особенно легко. Тех, кто в силах навязать Материи окончательные Формы, к которым она с этого момента станет стремиться даже при отсутствии воздействия, навсегда пойманная в сети нового совершенства, – тех мы зовем текнитесами. Текнитес Воздуха изменил здесь морфу небольшого количества пойманного аэра таким образом, что теперь его естественным состоянием стало движение, как движение звезд и планет, и он отныне кружит бесконечно, надувая паруса ветряка. Ветряк же принуждает аэростат двигаться вперед, и, пока он крутится, «Аль-Хавиджа» в силах лететь даже против воздушных течений. Еще проще чем Воздуху, Форму эфирного движения можно навязать Огню, но пирос почти невозможно использовать в устройствах. Эфир же невозможно притянуть к Земле и включить в некую макину; правда, говорят, что его умеют использовать лунники. В четвертом веке Александрийской Эры Герон из Александрии сконструировал подобную паровую макину, но ее приходилось постоянно подогревать, кипятить воду и кормить огонь. А наш автоматон называется пневматоном, его изобрел великий воденбургский софистес Ирэ Гаук, вы, верно, о нем слышали. Говорят, в Гердоне пневматыны используются и для передвижения поверхностью Земли, хотя это наверняка не так выгодно и намного медленнее, чем путешествие на спине животного или в экипаже. Так и пневматоновые морские суда более медленны и менее надежны, чем суда, которые ведут демиургосы и текнитесы Воды и Воздуха. А значит, в конечном итоге именно Форма человека, антропоморфа, всегда побеждает.

Господин Бербелек без слова вышел. В коридоре-хребте разминулся с Завией: оглянувшись на него, рабыня скрылась в ванной комнате.

Алитэ не заинтересовалась секретами аэростата, ее пригласила к себе эстле Амитаче. Господин Бербелек дал согласие, когда дочь об этом спросила, поскольку не мог ей запретить, после вчерашней ночи Форма между ним и Шулимой совершенно исключала отказ. Позже расспросил Алитэ, что они делали. Дочь пожала плечами:

– Разговаривали, играли в шахматы, она позволила мне примерить свои украшения. Ничего такого.

Но господин Бербелек знал, что все именно так и начинается, наиболее безоружны мы в скудной повседневности.

Вечером его навестила неургийка. Звали ее Магдалена Леес. Якобы хотела извиниться за свое вчерашнее поведение, но Иероним ощущал за ее попытками втянуть его в откровенный разговор некое скрытое намерение, конкретную цель. Они не были знакомы, случайные попутчики, что же она имела в виду? Тот ночной ритуал? Он не позволил ей создать узы близости, сослался на необходимость поработать над корреспонденцией. Портэ все время стоял

в углу кабинета, смотрел, слушал, холодный контрапункт для беспомощных попыток женской сердечности.

Ужин прошел спокойно, все молчали, господин Бербелек не выделялся. Пожелав им доброй ночи, капитан объявил, что завтра они будут проходить мимо Короля Бурь, следует погасить все лишние лампы, спрятать масло, крепкий алкоголь, легковоспламеняющиеся субстанции, внимательней с махорниками.

Когда пассажиры возвращались в кабины, Амитаче ненадолго задержала Иеронима и Ихмета.

– Мы еще не решили насчет подробностей вашего быта в Александрии. Летиция наверняка пригласит вас в свой дворец; я приглашаю вас от ее имени. Ведь не откажете? Эстлос? Господин Зайдар?

Нимрод глянул на Бербелека, как бы спрашивая, но Иероним стоял достаточно близко, чтобы его объяла корона охотника, он сразу же понял контекст. Под одной крышей! Доступ днем и ночью! Впусти хищника в загон! Пригласи вампира! Жертве не отказывают.

– С радостью.

Раздеваясь ко сну, господин Бербелек задумался над мотивами перса. Тому, что Зайдар склонял его к быстрому нападению, убийству, что упреждало бы убийство, – удивляться не стоило, такова его природа, он был тем, кем был, нет нужды искать лишние мотивы для волка на охоте: он волк, охотится. Но. Но. Представим, что перс соврал, что не видел тогда Шулиму в свите Чернокнижника, что он вообще не был в Херсонесе, что это некая шутка, месть, заговор...

Иероним тут же поймал себя на мысли: не хочу ему верить, слишком глубоко я погрузился в антос Амитаче, еще немного – и не поверю ни в одну ее подлость, пусть бы даже увидел ту собственными глазами; то есть, конечно, поверю, но это не будет значить ничего, куда важнее окажется улыбка Шулимы, ее тихое удовлетворение, удовольствие от моего поведения, я прощу все.

Но кто же прав? На чьей стороне резоны? В столкновении Форм разум и логика ничто, здесь, от начал мира, лишь одна мера: сила. Между Зайдаром и Амитаче, как между молотом и молотом, – приму такую форму, как ударят. Правда, как господин Бербелек, вот стратегос Бербелек, тот бы сумел —

Крик, рев, предсмертный, получеловеческий, полужвериный, пронзил стены кабины и заставил Иеронима вскочить. Это снаружи, с балкона – он ринулся к дверям, прежде чем успел подумать – так кричат, когда шрапнель пронзает внутренности, пуля ломает кость. Был он бос, в одних штанах, открывая дверь, споткнулся о порог, выругался, потеряв равновесие, и проехался виском по косяку. Дезориентированный, выпал на обзорную площадку.

Холодный ветер моментально привел его в чувство. Господин Бербелек прищурился; выскочив со света во тьму, он видел все вокруг в двухмерных тенях. Палуба была пуста – оглядел ее от кормы до носа, а когда повернул голову снова, палуба уже не пустовала, из своей кабины, последней в ряду, Э, вышел Ихмет Зайдар. Одетый в разноцветную шелковую джибу, одной рукой он придерживал ее полы, вторую протянул внутрь за лампой, затем поднял ее. Свинья легонько покачивалась, тени танцевали, разогнанные желтым сиянием. Ихмет указал на сетку безопасности слева от себя. Приблизились, встретившись у кабины М. Ликотовое плетение было здесь разрезано, в сети зияла вертикальная дыра длиной в добрых четыре пуса, обрезанные края сплетений трепетали на ветру волокнистой бахромой.

Отворились еще двери, появились еще пассажиры: охающий Кистей, Авель и Алитэ в поспешно наброшенных пелеринах, Портэ и Антон, наконец, двое оставшихся вавилонян и Шулима. Только Вукатюш, Магдалена Леес и семейство Третт не заинтересовались причинами ночного переполоха.

В этой суматохе, где все проталкивались поближе к источнику замешательства, хватило бы одного резкого подскока аэростата, чтобы кто-нибудь выпал в разрез, самого Иеронима уже несколько раз толкали в ту сторону, балкон был узковат.

- Что случилось?
- Кто кричал?
- Вы не были бы столь любезны не топтаться мне по ногам?
- Кто-нибудь может мне сказать...
- Эстлос! С тобой ничего...
- Господин Зайдар, не можете ли вы...
- Кто-то разрезал, вы же видите.
- Он в крови.
- Д-д-думаю, что з-з-здесь...
- Но кто кричал?!

Шесть голосов, два языка, вся шкала эмоций, от истерики до иронии. Господин Бербелек ждал, когда появится капитан Вавзар и установит порядок, однако араб все не шел; появились только двое дулосов, остановились позади в замешательстве, не зная, что предпринять. Иероним, впрочем, оказался здесь чуть ли не самым низкорослым, не мог увидеть над головами собравшихся, кто там еще прибежал. Вцепившись одной рукой в сетку, второй оттолкнул склонившегося к разрезу Урча.

Перехватил короткий взгляд Портэ. Старый слуга указывал на его голову.

– Кровь, эстлос.

Господин Бербелек дотронулся до лба, в этот момент «Аль-Хавиджа» легонько наклонилась, вавилонский гвардеец обрушился на него всей тяжестью. Господин Бербелек оттолкнул его, ткнув локтем под ребра.

– Тихо! – рявкнул он. – Все! По своим каютам! Зайдар, останься. Вы! К капитану. Ну! В мгновение ока все выполнили его приказы.

Когда он остался на балконе с нимродом, то наклонил перед ним голову.

– Посвети. Рана, чувствую кровь. Погляди.

– У-у, довольно глубокий разрез, кажется, кость видна. Затупленным острием. Это он?

– Что? Кто?

– Когда убегал.

Оба взглянули на разрезанное плетиво. Господин Бербелек пропустил между пальцами одну из нитей.

– Ликот, – пробормотал задумчиво.

Ликотовые деревья, выморфированные из дуба и кедра в столетних садах славнейшего текнитеса флоры, Филиппы из Галлии, ценились из-за невероятной крепости и легкости их волокон. Ликот часто использовали вместо твердых металлов, когда важным критерием материала оказывался его вес, – чтобы не ходить далеко, гнездо на воздушной свинье на три четверти построено из ликота. Ликотовая сетка практически неразрезаема, нет ножей столь острых и людей столь сильных.

Господин Бербелек в раздумьях дотронулся до раны на голове, поднял глаза на нимрода.

Ихмет заморгал, дернул себя за бороду.

– Не я, – прошептал он. – Это не я.

Только это и успел, поскольку уже подбегал капитан Вавзар вместе с тремя дулосами и задыхающимся демиургосом метео.

– Прикажешь рабам проверить всех пассажиров и членов экипажа, – сказал арабу господин Бербелек, прежде чем тот успел открыть рот. – Пусть спрашивают, где те были, когда услышали крик, и кто это может подтвердить. Выдели людей, чтобы хоть как-то залатали эту

дыру, у нас дети на борту. И пришли мне в кабину чистые бинты, я пойду умоюсь. Дулосам доложить моему слуге. Ты спал?

– Да.

– Понимаю.

Господин Бербелек вернулся в свою кабину. Шипел на каждом шагу. Позже взглянул на ноготь большого пальца левой ноги. Тот был черным от выступившей крови. С обмытой и перевязанной головой, Иероним исследовал фрагмент косяка, о который стукнулся (на нем остался размазанный красный след). Никаких острых граней, щепок, торчащих гвоздей; ровно заглаженное дерево.

Портэ пересказал принесенную дулосами информацию. Господин Бербелек послал его за капитаном. Вместе они вошли в кабину М. Кровать расстелена, лампы горели, на столе лежали две книги, стоял кубок с вином, оно немного расплескалось. Проверили багаж. Не было штанов, в которых пассажирку видели днем; и наверняка одного из гиматиев или рубахи, но этого не скажешь наверняка.

– Ее точно нигде нет? – спросил Иероним.

Измаилит покачал головой:

– Обыскали каждый закуток «Аль-Хавиджы», эстлос.

Зачем кому-то убивать Магдалену Леес, библиотекаря воденбургской академии? Ради денег? Ха! Теоретически она могла выпрыгнуть сама, но это делало бы ее самоубийцей, а такого изъяна Формы он в ней не заметил. Значит, кто-то ее убил, разрезал ликотовую сеть и вытолкнул Магдалену из аэростата. Знала ли она раньше кого-нибудь из пассажиров «Аль-Хавиджы»? Даже если и так, то оба отлично это скрывали. Но зачем бы случайному попутчику ее убивать? Причине, стало быть, пришлось бы появиться за полтора дня с начала путешествия. А приняв во внимание, что в первый день женщина напилась... Сегодня пришла ко мне, хотела что-то узнать, хотела создать между нами Искренность; я вбил ей ту Форму в глотку. И теперь она мертва. Библиотекарь.

Иероним снова вышел на балкон. Они летели за ветром, воздух оставался почти спокоен, из-за туч вышла Луна. Раб трудился над поврежденной сетью, связывал ее ликотовыми нитями. Увидев Иеронима, преклонил колено, низко опустив голову.

Господин Бербелек взглянул вдоль ряда закрытых дверей; везде еще горел свет, мутные проблески сочилось сквозь узкие оконца.

– Почти посредине, не смог бы сбегать вокруг, в коридор, носовой или кормовой; у него оставалось не больше двух-трех секунд, прежде чем я вышел. Я увидел бы его – или хотя бы услышал.

– Ты прав, эстлос, это должен быть кто-то из этих кабин, – сказал Вавзар. – Кто здесь, м-м, господин Зайдар, господин Гистей, мхм, твои дети, эстлос, и, мхм, твои слуги.

– Глупишь. Где бы он мог укрыться проще всего? Где ближайшее укрытие? – Господин Бербелек указал на двери, перед которыми они стояли. – Он прекрасно знал, что кабина Леес пуста.

– Ах. Верно. А после он мог пройти срединным коридором в свою кабину и выйти из нее как ни в чем не бывало.

Господин Бербелек покачал головой.

– Не думаю. Завтра нужно будет опросить пассажиров. Если кто-то видел его выходящим из кабины жертвы... Он или перебежал сразу же – и ему повезло, или же ждал. Некоторые не показались вообще.

– Господин Третт и господин Вукатюш —

Господин Бербелек поднял руку.

– Нет, и ничего подобного ты не будешь рассказывать. – Он повернулся к рабу. – Ты! Ведь выпорю.

Дулос заткнул уши и закрыл глаза.

– Ничего не слышал, ничего, ничего, – повторял он, склонившись.

Господин Бербелек кивнул капитану.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи, эстлос.

Иероним вернулся в кабину Магдалены Леес. Что она делала в тот момент? Вышла на балкон вдохнуть ночного воздуха или, например, поговорить с убийцей? Он, должно быть, пришел, постучал, нельзя ли на пару слов, вы ведь еще не легли, не займу много времени, может, здесь, не стану входить в кабину одинокой женщины, – и когда она отвернулась...

За чем убийца ее застал? Она налила себе вина. Господин Бербелек понюхал. Дешевое розовое. Любит вино, мы все это знаем. Любила. В любом случае, этого не успела выпить. Книжки. Открыл первую. «Пятая война кратистосов» пера Орикса Брита. Полистал. Никаких закладок, пометок. Судя по виду, читали ее нечасто. Раскрыл вторую. Не узнал алфавит, предэллинская пиктография, немного символов, упрощенных почти до букв, но также и вдосталь более сложных образов, голова, рога, конь, повозка, корабль, река, крыло, волна. Кто печатает такие вещи? Это ведь не окупается. Полистал, задерживаясь на гравюрах. Фронтон дворца. Какая-то треугольная площадь. Женщины в кафторских платьях, по крайней мере – с открытой грудью и тонкими талиями (гравюры были наилучшего качества). Мужчина с головой льва, мужчина с головой птицы. Топор с двойным острием. Танцующие люди, нагие. Бык. Воитель в набедренной повязке, с копьем и овальным щитом. Земледелец в поле, склоненный над плугом. Женщина с —

Господин Бербелек придвинул книгу ближе к лампе.

Женщина с миской на вытянутых руках, нагая, над ней полная Луна, рядом вторая женщина, в кафторском платье, голубь над ее головой, змея под ногами.

Господин Бербелек выпил вино и украл книгу.

* * *

Король Бурь был одним из многих кратистосов, проигравших во Второй Войне, в 320 году После Упадка Рима. На самом деле звался Юлием Кадецием, сыном Юлия, но об этом знали разве что историки. Когда он пришел в мир, над Иберийским полуостровом разразилась семидневная буря, от молний и вихрей которой пострадали почти все города и селения полуострова. Антос Короля Бурь всегда сильнее всего отражался в Огне и Воздухе. И все же не был настолько силен, чтобы противостоять натиску кратистосов, с аурами коих он соседствовал: К'Азуры, окончательно принявшего под свое крыло всю Иберию, Меузулека Черного и Иосифа Справедливого из Северной Африки, Сикста из Рима, Белли Афродиты-из-под-Альп. Он пробовал сбежать на Корсу, а потом на другие острова Средиземного моря, но территории оказались уже поделены, керос застывал. Король Бурь не хотел очередной войны. Потому добровольно удалился в изгнание, забрав с собой и свой город, Ороней. Ороней построили на высоких прибрежных скалах, омываемых с юга теплыми волнами Средиземного моря. Сперва александрийская твердыня, позже арабский город, один из торговых центров манатских измаилитов, ни разу не осажденная, ни разу не разрушенная, она сохраняла свою смешанную эллино-ориентальную архитектуру и абрисы куполов с мягкими формами, с каменной цитаделью с белыми стенами и крепкими башнями посредине, на самой вершине, и с низкой садовой застройкой на склонах; еще ниже разрастались «торговые села»-спутники, за коими тянулись террасные поля и виноградники. Король Бурь все это забрал с собой. Начал с морфинга на стадий в глубь скалы, на плитах каковой покоилось все плоскогорье. Он не обладал хорошим чувством ге, но ведь речь не шла о том, чтобы сделать Землю еще больше Землею; напротив. Поскольку, по требованию К'Азуры, Король Бурь подписал Письмо Смирения, ему дали

время. Через тридцать три года скалы Ороinei, чья Форма стала уже по большей мере Формой Огня и Воздуха, начали перемещаться к новому естественному месту своего пребывания: на небе, в двадцати стадиях над сверкающей синевой Средиземного моря, на стыке антосов К'Азуры, Белли, Сикста и Иосифа Справедливого. В погожие безоблачные дни мореходы могли увидеть Оронею, малый эллипс тени под Солнцем; с берегов она оставалась невидима. Чаще всего, впрочем, заметить ее считалось дурным знамением, многих отговаривали плавать теми путями: оронейцы свой мусор и нечистоты сбрасывали прямо в море, и в портах Европы и Африки ходили легенды о кораблях, уничтоженных «плевком Короля Бурь», утопленных людях, утраченных грузах. Да и погода здесь всегда бывала капризна, антос Короля Бурь, усиливая Формы пироса и аэра, то и дело создавал ураганы, штормы, торнадо. Впрочем, отчасти это оставалось сознательной морфой Юлия, которому как-то приходилось обеспечивать Оронею постоянным притоком свежей воды. Но со времени, когда сделались популярны воздушные свиньи, Оронея вышла из изоляции, открыла торговлю, весьма востребованным строительным материалом стал камень с Формой, измененной в короне Короля Бурь, так называемый оронейгес. Якобы в Александрии уже строили из него целые «воздушные дворцы», аэргароны, воплощали сны безумных архитекторов. По крайней мере так рассказывала Иерониму эстле Амитаче.

Капитан Вавзар поднял «Аль-Хавиджу» на высоту верхних облаков, чтобы пассажиры могли получше рассмотреть город Короля Бурь. Они огибали его с востока, на расстоянии в несколько стадиев (Вавзар слегка накиннул крюк). Все пассажиры сгруппировались на правой обзорной площадке. Было раннее утро, Солнце висело по другую сторону аэростата, они же, укрывшись в тени, смотрели на купающиеся в чистом, теплом сверканье сады, поля и предместья небесного града, зубчатые стены и крепкие башни цитадели Короля Бурь. Красно-желтые стяги длиной в несколько десятков пусов развевались на тех башнях в потоках сильного ветра, огненные змеи. Они видели движение на полях и улицах, повозки, лошадей и мелкие фигурки людей, но подробностей рассмотреть не могли. Сильней всего, конечно, всех заинтересовали вихреросты, растения, умело выморфированные из съедобных лиан оронейскими текнитесами флоры. Они свисали далеко за край земли и тяжелыми толстыми сплетеньями длиной в несколько стадиев колыхались с достоинством на ветру – зеленые щупальца каменной медузы. Азуз Вавзар рассказывал, как поздней осенью, когда начинался сбор урожая вихрероста, можно увидеть спускающихся вдоль стеблей оронейцев, затянутых в кожаную упряжь, с кривыми мечами-серпами на спине, тянущих за собою пучки веревок с крючками и петлями. Это бывали дни самой спокойной погоды.

«Аль-Хавиджа» вознеслась над высочайшими из туч, сверху осталось лишь небо, внизу – горы и плоскогорья медовых облаков. На этой высоте было жарко вне зависимости от времени дня и года. Пассажиры стояли в тени, но уже через несколько минут изошли потом. Шулима предусмотрительно выбрала легкое кафторское платье, без корсажа и воротника, и господин Бербелек, сколько бы раз ни глядел на Амитаче, не мог справиться с дурными предчувствиями.

Рабы разносили напитки. Иероним подал Шулиме холодный стакан.

– Спасибо. – Та на миг отвела взгляд от плывущей над облаками Ороinei. Позади Иеронима, там, где стояли трое солдат, узор ликотовой плетенки был явственно нарушен рядом грубых стежков и узлов. Женщина указала на них кивком: – И кто ее убил?

– Не знаю.

– Это ведь по твоему требованию нас опрашивали, верно, эстлос? Что-то ты да узнал.

– Все оставались в своих кабинах. Одни либо со слугами, либо семьей. Кроме господина Урча, игравшего в кости с господином Забахаем у этого последнего. Кто-то врет. Кто? Никто не видел убийцу, выходящего из кабины Леес.

– Ах, значит, он был у нее в кабине.

– Может, именно поэтому она и погибла. Имела некий компрометирующий убийцу предмет, информацию.

– Хм. – Амитаче медленно попивала разведенное вино, глядя на сияющую Оронейю. Перебросив косу через левое плечо, схватила правой рукой за сетку, «Аль-Хавиджа» легонько колыхалась. – Кто-то, кто сумеет это разрезать...

– Ты все еще хочешь взять с собой на охоту Ихмета Зайдара, эстле?

Она усмехнулась уголками губ.

– Ты ведь не прикажешь капитану его арестовать? А? А едва он поставит ногу на землю Гипатии...

– Эмир Кордовы не имеет никакой власти в Александрии.

– Именно.

– На будущее мне придется куда внимательней следить, с кем я всхожу на борт корабля или свиньи.

– Тебе, эстлос? – засмеялась Шулима. – Я ведь видела тебя ночью. Отдал бы приказ и —

– Прошу прощения. Нужно сделать перевязку.

Он скрылся в своей кабине. Было трудно избавиться от ощущения. Она знает, что я знаю. И знает, что я отдаю себе в этом отчет. Это не форма флирта – Шулима специально дразнила хищника, гладила льва окровавленной рукой.

Иероним глянул в зеркало. Льва! Ну уж да уж! Если бы се был Иероним Бербелек до Коленицы... Он сжал кулаки, упершись в столешницу. Шулима пала бы в испуге к моим ногам! Призналась бы во всем по одному моему слову. По крайней мере не потешалась бы прямо в глаза.

Сел, налил себе вина. Спокойствие. Думай как стратегос. (Что сделал бы на твоём месте Иероним Бербелек?) Обстоятельства, причины, возможности, мотивы, факты. Она не сумела бы убить Леес. На борту «Аль-Хавиджи» это и впрямь мог сделать только Зайдар; она это знает, я это знаю. Но у нимрода не было мотива, мотив – какие-то тайны, связанные со знаниями из старой книги, – имела Шулима. Убил бы для нее? Но ведь именно он убеждает меня в необходимости ее смерти! Во имя всех богов!..

Ради чего я лечу в эту проклятую Александрию?

* * *

Хуже всего было то, что он не мог уже отмалчиваться во время оставшихся обедов и ужинов. Конечно, его спрашивали о смерти Магдалены Леес; внезапно оказалось, что он кто-то вроде военного командира аэростата, гегемона без войска. Но ведь он сам себя им сделал – они лишь приспособились к наложенной им форме.

Кроме как на обеды и ужины, из кабины он не выходил. Но и это было не решение. К нему присылали рабов с приглашениями «на кахву», «на шахматы», «на гашиш». Он отказывал. Не мог отказать Авелю и Алитэ. Ночь и день сын и дочка спорили о сценарии преступления. Алитэ ставила на Гистея, Авель колебался между Вукатюшем и капитаном Вавзаром. Господин Бербелек терпеливо выслушивал фантастические теории. Алитэ в этой своей детской запальчивости была, по крайней мере, забавной, но Авель – Авель считал неудачи следствия личным поражением стратегоса Бербелека и постоянно, более или менее завуалированно, упрекал Иеронима, что тот «позволяет убийце уйти от наказания». Авель прекрасно знал, какой у него отец, знал лучше самого господина Бербелека, и тот отец Авеля никогда бы не спустил подобный афронт. Убийство под дверьми его спальни!

– Что же они о тебе подумают, если ты не поставишь убийцу на колени? Особенно после того, как ты сам публично принял на себя ответственность!

Господин Бербелек пожал плечами.

– Да, это была ошибка; такого больше не повторится.

А во время еды приходилось глядеть на Шулиму, что безжалостно флиртowała с капитаном, накладывая свою власть на всех мужчин на борту, а затем и на женщин. Веер, усмешка, округлая грудь, теплый голос с аристократическим акцентом, ослепительные благодарности за любую мелкую услугу, ухоженная ладонь, на краткий миг садящаяся на твое плечо, шею, щеку, как летняя бабочка, утренний зефир, цветочные духи бьют в головы, невысказанные обещания смущают мысли. Именно так она обвела вокруг пальца министра Брюге и Неургов – а кто такие по сравнению с ними эти Вавзар или Вукатюш, чтобы противостоять ее морфе? Даже Ихмет Зайдар поддался чарам Шулимы, по крайней мере, делал именно такой вид – может, чтобы не выделяться, – а может, играл раньше, когда вливал в уши Иеронима те ядовитые обвинения? Господин Бербелек уже не понимал ничего.

Вечером 25 Априлиса, в *Dies Veneris*, они увидели над южным горизонтом светлый проблеск, искру холодного огня – свет огромного маяка на Фаросе. «Аль-Хавиджа» снижалась к Александрии.

Н. Под солнцем Навуходоносора

Поскольку якорня воздушных свиней находилась над Гаванью Евноста, у Врат Луны, а дворец эстле Летиции Лотте п. Загис – на другой стороне города, над Мареотийским озером, им пришлось ехать через центр так называемой Старой Александрии, сиречь кварталами, заключенными в древнейшие защитные стены – те, что стояли с 25 года Александрийской эры, со времен, когда велением Александра Великого здесь, на месте селения Ракотида, вознеслись первые дома из кирпича и камня. Эстле Амитаче указывала сложенным веером стороны света, темные силуэты застройки очерчены огнистым пурпуром закатного неба, после неба воденбургского – безбрежного, разноцветного, сочного, будто перезрелый плод. Шулима ехала в первой виктике, вместе с Иеронимом и Алитэ, Ихмет Зайдар с Авелем – во второй, а дальше тянулась змея из шестнадцати виктик, груженных дорожными кофрами, и многие из тех кофров, как полагал Бербелек, перегруженные с «Окусты» на «Аль-Хавиджу», а с нее теперь – на двуколки, ни разу не открывались с месяц, не меньше. Слуги Иеронима и невольница Амитаче ехали в последней виктике. Кроме того, Шулима наняла в порту банду нагих парней и девиц, орду замарашек человек в сорок, чтобы те сопровождали их в поездке через город: бежали рядом с повозками и отгоняли нищих, воров, самозванных проводников, нахальных уличных торговцев, жрецов и сводников. При случае выяснилось, что эстле свободно говорит на пахлави. Хотя от жителей Александрии и можно ожидать знания греческого, большая часть туземной бедноты, особенно той, из восточных канобских районов, знает не больше пары вежливых греческих обращений, предупредила Шулима. Теперь она рассказывала о минувших достопримечательностях на мягком, придворном греческом.

Ехали с запада на восток, навстречу раскрывающемуся над городом ночному звездосклону, с последним проблеском умирающего Солнца за спиной. Канобский тракт бежал прямо, как стрела, до самых Ворот Солнца, и дальше, к западному устью Нила, вдоль Старого Канала, минуя Каноб, Меноут и Гераклея – некогда отдельные города, нынче же без остатка поглощенные Александрией. Если не принимать во внимание невообразимые азиатские тропици Чжунго, Александрия была самым большим городом мира. Согласно переписи, проведенной во времена Гипатии XII, в пределах столицы Эгипта – считая городки и селения-спутники – жило более пяти миллионов человек. С момента основания Александрия неустанно росла и крепла в своей силе и значимости – но чего же еще можно ожидать от города Первого Кратистоса? И пусть историки твердят, что это неправда, но кратистос, нынче пребывающий в Александрии, Навуходоносор Золотой, тщательно поддерживал легенду, делавшую его правнуком Великого Александра; эта неразрывная связь лишь помогала городу. Эстле Амитаче указывала на дома, насчитывавшие пятьсот, тысячу, две тысячи лет. Первоначальный проект разрабатывал Динократ, приняв за образец планы Гипподама из Милета. Именно оттуда взялась крестообразная система двух главных улиц, Тракта Канобского и Тракта Пелусийского. Они пересекаются в сердце Старой Александрии; тот перекресток поэты окрестили Рынком Мира. Когда Амитаче указывала в его сторону, муниципальные невольники зажгли первые пирокийные фонари. Теперь цепочка виктик змеилась меж двумя параллельными рядами желтых светил. Фонари были очень высокими, выше пальм.

Когда Канобский Тракт проскочил первый канал, Шулима указала направо, на юг, веер был направлен над линией огней, над плоскими крышами. Виднелись лишь темные силуэты высочайших строений.

– Святыня Исиды, святыня Сераписа, святыня Манат, святыня Аказы, святыня Ахурмазды, святыня Крестоса, святыня Посейдона, святыня Осириса. Многократно перестроенные, но большинство – еще из Александрийской Эры. Если боги существуют, то именно сюда направляют свой взгляд всякое утро по пробуждении.

Они добрались до Рынка Мира. Посредине перекрестка возносился на полстадия каменный шпиль, увенчанный золотой статуей мужчины. Статуя, по всему, тоже огромного размера, поскольку господин Бербелек без труда рассмотрел жест золотого мужчины: правая рука возносит в небо меч, левая выглаживает керос. Был это, конечно, Александр Македонский. Змея виكتик окрутилась вокруг шпиля. Когда его миновали, веер Шулимы снова указал на юг.

– Библиотека. Все, когда-либо написанное человеком.

Покинув Старую Александрию через Ворота Солнца, они проехали над вторым каналом и углубились в еврейский квартал. Евреев здесь нынче обитало немного, но название сохранилось; в этом городе названия живут долго, Материя уступает времени, но Форма сохраняется. Амитаче указала налево, на гигантские колонны, образующие фронтон эллинистического дворца, между каменными столпами лежала глубокая тень.

– Престол Престолов; здесь, в день своего сорокалетия, Александр возложил на себя корону Царя Мира.

Повернули направо. Мимо проехал отряд гвардейцев на единорогах. Черные нагрудники на белых гиматиях, белые труфы обернуты вокруг голов, бороды острижены на измаилитский манер, на спинах двойные кераунеты с четырехпусовыми стволами и прикладами, украшенными цветными узорами, у пояса лунные мечи. Единороги выморфированы из зебр, их вычищенная черно-белая шерсть лоснилась в медовом свечении пирокийных ламп будто намавленная. Господин Бербелек прикрыл глаза. Хотел почуять, как пахнет этот город, втянуть в легкие его вкус, знак морфы, – но единственное, что чувствовал, был аромат парфюма Шулимы. Где-то над Средиземным морем она перешла от египетских духов на более легкие, цветочные запахи – жасмин? квитра? фуль? Сидела она слева от Иеронима, соприкасались бедрами и лядвиями, он чувствовал сквозь одежду жар ее тела; когда она поворачивалась, чтобы показать веером что-то над ним, а делала это часто, ее грудь легко надавливала на плечо господина Бербелека. Еще на борту аэростата она оделась согласно александрийской моде, то есть моде Навуходносора: длинная, до земли, белая юбка, подпоясанная высоко в талии, широкая шелковая шаль, свободно наброшенная на плечи (когда Шулима развернула ее, чтобы показать Алитэ, в лучах заходящего Солнца загорелся вышитый золотой нитью феникс) и белая полотняная шапочка с плоским верхом. На предплечьях остались змеиные браслеты. Прежде чем смежить веки, господин Бербелек заметил, как командир гвардейцев поклонился в седле Амитаче, едва та бросила на него мимолетный взгляд. Усмешку и движение веера Шулимы он уже не видел; в этом и не было нужды, он знал эту Форму наизусть. Кинжал, это должен быть кинжал, думал он, пока они ехали на юг, через все более тихие кварталы, все быстрее, сквозь редющую толпу. Кинжал, и не отвернусь. Если не устою лицом к лицу, если не смогу поднять руку, значит, я и вправду не достоин жить, пусть Чернокнижник возьмет свое. Но – он считал удары сердца, семнадцать, восемнадцать, хорошо, – но слов Ихмета мало, даже если она убила Леес, этого мало, даже если она обманывает меня и сама хочет моей гибели в этой проклятой Александрии, зачем я сюда приехал – этого мало, этого мало, мне нужны доказательства. Она слишком красива. Он открыл глаза.

– Парсеиды, дворцовые холмы, – говорила она, а веер легкими полукружьями обрисовывал высокие тени, – то есть не холмы, но все это побережье Мареотиды сильно преморфировали во время Пятой Войны Кратистов, когда Навуходносор вытеснял Химеройса Скарабея; теперь здесь стоят городские резиденции аристократии. Конечно, та много времени проводит в сельских поместьях в верховьях Нила, насколько я знаю, Летиция теперь именно там и пребывает, – но кто б в своем уме добровольно отказался от благ антоса Навуходносора? Не говоря уже о том, что не слишком-то умно удаляться надолго от двора Гипатии. Летиция, правда, ее родственница по бабке со стороны отца, но... А вот и ее дворец.

Двуколка на миг остановилась перед воротами, пара запыхавшихся виكتикариев тяжело оперлась о поперечину. Эстле Амитаче перегнулась к одному из стражников ворот, подошед-

шему к экипажу. Что-то шепнула ему на ухо, взмахнула веером. Он склонился в глубоком поклоне, затем крикнул, чтобы отворяли ворота. Прибежали невольники с лампами. Банда портовой босоты закружилась вокруг стражника, тот оделил каждого монетой. Тем временем ворота отворились, они въехали меж пальм и гевей. Из-за поворота аллеи медленно приближались огни дворца, невольники перекрикивались во тьме на трех языках, скрипели колеса старой викики, холодный ветер нес с невидимого озера экзотические запахи, птицы ночи кричали в кронах, через аллею перемахнул тропард, сверкнули во мраке ночи зеленые глазищи. Алитэ стиснула правую руку господина Бербелека.

– Спасибо, спасибо, папа.

Он заморгал. Сопротивлялся, но безрезультатно; его объяла морфа ее счастья. Улыбка как немой крик победы, улыбка как бокал теплого света. Он без слов склонился и поцеловал ее в лоб.

* * *

Анеис Панатакис был неисправимым налоговым мошенником. Уже троекратно отрезали ему правый большой палец за преступления против Казны. Его имя сделалось для египетских таможенников синонимом неучливости. Работало на него семеро бухгалтеров; седьмой занимался исключительно ведением реестра взяток. У Панатакиса было две жены, шестеро сыновей, восемь дочек. Трое сыновей и одна дочка умерли. Старший сын помогал отцу вести дела; самый младший сбежал в Гердон; Исман, любимец Анеиса, нынче ожидал в александрийской тюрьме казни за пиратство. Из дочек же – две вышли за таможенников, две работали как гетеры. Было у Панатакиса также и шестнадцать внуков. В правом кармане джубаба он носил листок с их словесными портретами и именами – как утверждал, не мог запомнить подробностей. То же самое он объяснял и во время процесса над двумя наемниками, которые пытались его убить, напад ночью, – не смог вспомнить их лиц. Неделей позже из Нила выловили их одежды, разодранные крокодилами. Анеис Панатакис был александрийским комиссионером компании «Ньютэ, Икита тэ Бербелек».

Господин Бербелек отыскал его на задворках складов. Панатакис угостил его какхой, пикваями, дактилями, троекратно пригласил в дом, шестикратно покаялся за дурные условия, в которых ему приходится принимать столь важного гостя, и многожды проклял свою бедность, жадных таможенников, Гипатию и Навуходносора, воззвал к помощи всех богов (даже здесь у него стояли алтарики Манат, Кростоса и Меркурия), повздыхал по старым добрым временам, накричал на невольника, не ко времени заявившегося с какой-то вестью, – и лишь тогда позволил господину Бербелеку представить свое дело.

– Хм-м-м, – задумчиво посасывал позже мундштук трубки, – значит, ты хочешь, эстлос, просто узнать о ней все, что можно.

– Да.

– И, насколько я понимаю, это не просьба эстлоса Ньютэ.

– Я передал тебе письма от него.

– Да-а. Высокая аристократия. У кузины Гипатии. Хм-м-м. Еще каквы?

– Нет, спасибо.

– В любом случае, пришлю к тебе человека по делу переговоров с Африканской, эстлос.

На улицах царил жар, солнце выжигало последние пятна тени из щелей между камнями мостовой, из-под навесов домов и забегаловок. У викики господина Бербелека ждал Фарад, сын сенешаля дома эстле Лотте, служащий Иерониму проводником по городу. Увидев господина Бербелека, он прервал громкий спор с каким-то торговцем, поклонился и помог эстлосу взойти в экипаж; только после этого уселся сам, сохраняя должную дистанцию. На Фараде была

лишь короткая юбка и сандалии, и Иероним, который, выйдя из тени, тотчас облился пбтом, окинул его свирепым взглядом.

– Куда теперь, эстлос? – спросил юноша.

– Портной, хороший и быстрый.

– О, это не проблема, эстле Лотте пользуется услугами лучшего, и, кажется, тот еще сегодня должен прийти во дворец, снять мерку с эстле Лятек.

– С кого?

– С эстле Алитэ.

– Ах. Ну да. И далеко до его мастерской? До полудня еще много времени. Нужно переодеться во что-то, хм, неводенбургское.

Кожа Фарада, как и у всех александрийцев, – цвета темной меди. Однако для этого достаточно было пожить продолжительное время в короне Навуходоносора.

Портной, старый мидиец, снял мерку лично, отослав помощников взмахом руки. Господин Бербелек заказал несколько комплектов одежды и купил один готовый, пошитый для кого-то другого, но:

– Он может подождать, – решил мидиец, сложив губы трубочкой. Белое на белом: свободные хлопковые шальвары, широкая кируфа из хлопка и шелка, с голубым узором по рукавам. Кируфа оказалась изысканной версией бурнуса, с полами до земли и глубоким капюшоном. Ее можно было застегивать, хотя днем обычно ходили в распахнутой. В комплект входили сандалии, но Иероним остался в неургийских юграх с высоким голенищем. Мидиец пообещал остальную одежду уже на этой неделе. Проводил господина Бербелека до ворот, непрерывно сгибаясь в поклонах, но тот не сомневался: на самом деле портной кланялся эстле Лотте.

Садясь в виктику, Иероним скрыл лицо в тени капюшона.

Ихмет Зайдар ждал, как и обещал, под памятником Александра на Рынке Мира; несмотря на толпу, нашли его быстро. Бросив на Фарада короткий взгляд, перс сразу начал на окском:

– Три вещи. Во-первых, эта охота. Воистину интересное дело, покажу тебе, что они привозят с юга. Пожалуй, я и вправду не потрачу времени зря, раньше или позже наверняка бы поехал и сам. Я слышал, что в городе Даниэль из Орма и старая Люцинда; не знаю, только направляются туда или уже вернулись. Во-вторых, хороший совет для эстлоса Ньютэ: пажуба. Новое зелье. В Золотых Королевствах уже вытесняет гашиш. Идет на север с караванами специй, скоро доберется из Европы в Гердон. В-третьих, она. Мы должны решить: здесь или случайность на охоте.

Зайдар тоже сменил европейское платье. В закрывавшем его от стоп до головы черном джультябе, с бамбуковой тростью в руках, он выглядел как один из Пилигримов к Камню. Впрочем, возможно, и правда собирался посетить Аль-Кабу. Ведь он ни разу не объявлял в открытую о своем участии в охоте с эстле Амитаче.

Перс вскочил в экипаж и, усевшись слева от господина Бербелека, хлопнул виктикариев бамбуком по спинам. Что-то крикнул на пахлави. Те двинулись, поворачивая на Пелусийский Тракт, к югу. Солнце брызнуло им в глаза. Иероним поглубже натянул капюшон.

– Как я слышал, – продолжил он на окском, – теперь уже оно крутится само по себе. Прибывают нимроды, всё славнейшие, искушенные сплетнями об охоте на тварей, о которых мир не слыхивал, едут на юг, к ним присоединяются пресыщенные аристократы, платя щедро, поскольку где ж наилучшая охота, как не в антосе столь великих охотников? Ну и всякий сезон отправляются поход за походом, джурджи, как ее здесь называют, уже нельзя хоть раз не принять в ней участие, дружеская форма охватила город, страну, возникают первые песни и пьесы. Все знают, что это – лишь форма, но хотят ей поддаться. Поедешь? Только заяви, что едешь, – и сразу получишь предложения от желающих.

– А ты, эстлос? Не собираешься? А-а, ну да, если достанешь ее здесь...

Так ли он говорит о своих жертвах? – подумал Иероним. Стоя с дымящимся кераунетом над окровавленным трупом. «Достал ее».

– Почему ты сам этого не сделаешь, – пробормотал, – если это так важно для тебя?

Нимрод уставился голубыми глазами на господина Бербелека. Видит ли он лицо собеседника в тени капюшона? Бамбук постукивал по борту виктики.

– А ты хочешь этого, эстлос?

Господин Бербелек не отвел взгляд, и перс, в конце концов, опустил глаза.

– Она моя, – сказал господин Бербелек.

– Небо слышало, земля слышала, – покорно согласился нимрод.

Господин Бербелек считал удары сердца. Двадцать четыре, двадцать пять, хорошо. Раз уж единожды сел мне на руку – отчего бы и не приручить этого ястреба?

– Теперь скажи, чего не сказал.

Ихмет глядел на кончик посоха, подскакивавший в ритме оборотов высоких колес виктики.

– Арджер, восемьдесят первый, Рука Тора. У тебя была лишь сотня. Я не видел их вот уже много лет, но это не значит, что мне не важна их судьба, ты должен это понять, эстлос. Брат, вся его семья. Не уцелели бы. Ты вывел всех, до последнего жителя; а не обязан был, корабли потонули, Балтика была у Тора. Ты спас всех. И если теперь Чернокнижник тянется к тебе... Как же я могу остаться в бездействии? Эстлос.

Невероятно, удивился Иероним, макиналино оправляя полы кируфы. На те тысячи смертельных врагов, которых создает себе человек, сжигая города и вырезая армии, на десятки тысяч их – на самом деле он получает при случае одного-двух друзей!..

Тем временем виктика выехала на Пелусийский мост, наискось пересекающий Мареотийское озеро. Здесь раскинулся Внутренний порт, перестроенный во времена предыдущей Гипатии, когда в очередной раз расширили и углубили каналы, соединяющие озеро с Нилом и Средиземным морем. Мареотида всегда была соленым озером, но теперь стала еще одним морским заливом. Александрия разрасталась вокруг нее, на ней и над ней. С моста они видели первые аэргароны, дворцы, висевшие над водами Мареотиды, выстроенные на восточном берегу, у которого, согласно закону, могли плавать только ладьи аристократов. Фарад тотчас объяснил, какой аэргарон кому принадлежит, и кто нынче проигрывает в этом архитектурном состязании. Справа же тянулась ломаная линия каменной торговой набережной, здесь причаливали фелуки и галеры, корабли морские и трансокеаники, настоящий лес мачт, подъемников, такелажа. Фарад указал Иерониму склады Африканской Компании, гигантские бункеры и пакгаузы.

С моста съехали на улицы Верхней Александрии. Здесь уже и речи не было о старых зданиях, тысячелетних святынях и стенах, помнящих времена Первого Кратистоса. Жилые дома поднимались на семь, десять, пятнадцать этажей, нередко соединяясь друг с другом над улицами, что, с одной стороны, гарантировало пешеходам благословенную тень, с другой же – создавало иллюзию, что въезжаешь в одно огромное здание, в грязный лабиринт гигантских коридоров, в коем можно лишь потеряться. В этом без малого замкнутом пространстве какофония человеческих и звериных голосов, экзотической музыки и столь же экзотического пения почти оглушала. Господин Бербелек поднял голову. Небо мелькало над ними в немногочисленных просветах между лестницами, соединявшими террасы. Там, на верхних уровнях и на плоских крышах домов, там, под солнцем Навуходоносора, шла другая, параллельная жизнь: пешеходы, виктики, верблюды, зебры, хумии, кони, мулы, козы, ларьки и лавочки, магазинчики и мастерские. Только вот мухи, москиты и заржи клубились одинаково и в тени, и на солнце. Господин Бербелек нетерпеливыми движениями отгонял от лица наглых насекомых; те тотчас возвращались.

С невидимого минарета муэдзин завел азан на дневную молитву.

Поворачивали столько раз, что, когда наконец остановились, Иероним не мог разобраться даже со сторонами света. Зайдар соскочил первым, без стука отворил дверь и вошел внутрь. Виктика стояла в темном, слепом проулке, дом – с решетками на окнах, на стенах свежая побелка. Господин Бербелек втянул воздух носом и сразу пожалел: воняло ошеломляюще. Над дверью была вывеска, но без надписи по-гречески.

– Демиургос Харшин, сын Зебедея, сына Ходжи, таксидермист, – прочитал Фарад. Титул демиургоса на вывеске не означал ничего: всякий второй ремесленник провозглашал себя без малого текнитесом.

Они вошли внутрь.

– Боги, – вздохнул Фарад, осматриваясь в комнате и зажимая нос.

Несмотря на многочисленные окна, большую часть света давали поднятые высоко под потолок лампы; окна заслонены грудями звериных останков, выделанных и невыделанных шкур, скелетов и разрозненных костей, прозрачных и непрозрачных сосудов с законсервированными фрагментами тел, еще более загадочными ящичками и закрытыми сундучками. Все это слоями громоздилось под каждой стеной, некогда, верно, стояло на полках; может, на этих стеллажах и крылся некий порядок, и все же глаза замечали лишь хаос.

Господин Бербелек вышел на середину зала, где на параллельно стоящих столах представлены были во всей мерзостной своей славе не завершенные еще творения мастера-таксидермиста. Дальше, в проходах во внутренние комнаты, стояли творения готовые. В сумме в сей миг на Иеронима тарачилось с сотню мертвых гляделок – а что с теми зверьми, которые глаз пока не имели, что тарачились сухими глазницами?.. Господин Бербелек осторожно прикоснулся к раскрытой пасти приготовившегося к прыжку хищника.

– Это кто? Гиена?

– А-а-а, нет, нет, эстлос. – Горбатый старичок полунегрской морфы пришаркал к господину Бербелеку, прервав негромкий разговор с Зайдаром. – Это специальный заказ, вызов для демиургоса. – Усмехаясь, он похлопал хищника по голому, то есть лишенному кожи хребту. – Таких существ нет, я их создаю, складываю из мертвых частей.

Откинув белый капюшон, господин Бербелек осмотрел зал.

– А как тогда узнать, какие из зверей настоящие? Я не знаток местной фауны. Это, например, – это будет птица, верно?

– О, эстлос, в том-то и вопрос, в том-то и вопрос! – Харшин принялся энергично кивать лысой головой, дергая при этом себя за реденькую седую бороденку. Иероним только сейчас понял, что у таксидермиста левый глаз закрыт бельмом, а тело его искривлено не только из-за горба: частичный паралич поразил его левую руку, вздергивая локоть под неестественным углом. И какова природа безумия этого человека? Если, даже живя в калокагатической короне Навуходоносора, он подвержен таким деформациям... По крайней мере его греческий остается кристально чист.

– Вопрос, над которым я раздумывал долгие годы, прежде чем вообще попытался достичь совершенства в моей текне. Какие звери выглядят «истинными», в каких мы в состоянии поверить, а какие существовать никогда не могли бы? За простотой всякой красоты сокрыта великая философия, к которой нужно дойти, как доходили софистесы, с усилием, по трупам мыслей. Ведь именно здесь, в Александрии, проведены первые секции и вивисекции человека; традиция длинна и богата. Полагаешь, эстлос, что таксидермия суть примитивная текне прихорашивания трупов? Ха!

Харшин быстро проковылял в угол, где выгреб из-под завалов мусора опривленную в кожу книгу. Господин Бербелек использовал возникшую паузу, чтобы вопросительно взглянуть на Ихмета. Перс пожал плечами.

Горбун сунул книгу под нос Иерониму. «Περὶ φύσεως», «Καθαρμοί», прочитал господин Бербелек.

– Эмпедокл из Акраганта! – выкрикнул таксидермист, будто священник, начинающий инвокацию. – Не Александр, но он был первым истинным кратистосом! Воскрешал мертвых, управлял ветрами, его аура выжигала болезни из целых стран, никто не мог не поддаться убеждению, когда внимал его словам. Воистину, Эмпедокл пребывал меж ними яко бессмертный бог, а не яко смертный человек. Называли его чернокнижником. Ха! Он сошел в вулкан, но пирос оказался слабее его морфы, пламя не сумело уничтожить его тело. Эмпедокл из Акраганта за век до Аристотеля познал законы природы, четыре элемента, четыре корня, ризомата, и филия, и нейкос, непрестанно соединяющие ее и разделяющие, вечный балаган и перетекание из формы в форму, от соединения к соединению, едино, что между мертвым, что между живым. И вот что он говорил: в начале не было Формы и Цели, но лишь смешение всего со всем, свободный хаос: только головы, только руки, только рога, только пальцы, только волосы, только копыта. После из них возникли все возможные и невозможные комбинации: медведь с крыльями стрекозы, три головы – и никакого туловища, нога и ухо, рогатые змеи, ладони с жабрами, птицы с тигриными башками, мышцы без желудков, мышцы без вен, мышцы без костей, тела без конца и начала. Но большинство этих созданий не могло выжить или могло, но другие справлялись лучше и истребляли первых. Так что остались лишь самые отважные или те, кто обладал органами наиболее приспособленными. Размножаясь, они передавали свою Форму потомкам. И что же должно делать таксидермисту, стоящему над этим холодным хаосом тел и выбирающему, яко Бог, образ нового, неизвестного дотоле идеала? Я должен узреть в своей голове всю предысторию сего зверя, увидеть, как он живет, как охотится, какие у него враги, как он размножается, и, коли смогу со всем этим совладать – будет се знак, что все получилось достаточно правдиво. Даже наихудшему текнитесу флоры или фауны не приходится сего делать, когда он придумывает новый вид, изменяет потенцию нерожденных, неразвитых растений и зверей согласно своей Форме, растворяет их своей аурой, притягивает их к себе – потихоньку, поколение за поколением – он знает: то, что родится, будет более совершенным, но он не в силах выморфировать невозможное. Я, я – с величайшим трудом отыскиваю возможное в потоке невозможного. Это требует особого способа мышления; мысль тоже может обезуметь. Но спроси любого в Александрии: нет никого лучше Харшина, сына Зебедея! – Старик оскалил на господина Бербелека остатки кривых зубов. Здоровой рукой он все похлопывал по спине искусственного зверя. – Ты ведь поверил в него, верно, эслос? Он настолько же истинен, как гиена. Называю его ройпусом.

– Мхм, верно, я подумал, что это некий неизвестный мне зверь. Господин Зайдар —
– Ах, да-да, уже веду!

Старик бросил книгу под стену и кивнул гостям, чтобы шли за ним. Не оглядываясь, он ковлял тесным, погруженным в полумрак коридором в задней части мастерской. И не переставал говорить:

– И вот я оказался перед такой же проблемой, токмо теперь решение – не в моих руках, не я здесь решаю, привозят сие ко мне и жаждают обессмертить в форме самой истинной, так, как оно жило, но я не могу себе представить, как оно могло жить, какова была его истинная форма, как возможна его жизнь, пытаюсь мысленно увидеть его предков, историю, но это невозможно, невозможно, такой формы нет, она распадается – как говорит Эмпедокл: головы без тел, глаза без голов, зрачки без глаз. Может, и правда, что они изменяются во время пути на север до неузнаваемости, что их не должно ввозить в сердце антоса Навуходоносора, но ведь, скорее, он бы их исправил, оздоровил посмертно, хотя даже это не имеет смысла, антос ни одного кратистоса не бывает столь силен, не в этом здесь дело, я не знаю, в чем дело, не могу, это невозможно.

Бормоча так, горбун отворил боковую дверь, и они вошли во вторую мастерскую. На трех отдельных столах стояли, объятые проволочными каркасами, три звериных чучела в разной стадии завершенности.

Так, взглянув на них сперва, подумал господин Бербелек, поскольку был уже наперед сориентирован словами Зайдара и Харшина на звериные формы; но после третьего удара сердца пришло понимание: какие же это звери, они не являются и не были зверьми. Господин Бербелек не знал, чем это могло быть.

Слева стоял темный куст спутанных вен и сухожилий, без крови, без костей, хаос вывернутых на желтый свет внутренних органов – но что это были за органы, в какое тело упакованы, в каком облике? Ни верха, ни низа, ни хребта, ни боков, ни головы, ни хвоста – только тесное сплетение темных вен и сухожилий, что не соединяются вместе ни в какой из частей организма, кончающихся и начинающихся в пустоте.

На столе прямо перед господином Бербелеком висел между проволоками красный, будто младенческая кровь, скелет гигантской бабочки. Конечно же, у бабочек нет костей. Но глаз видит, разум называет. Будь бы еще у этой «бабочки» голова – но ее не было, с обеих сторон ее туловище венчали прозрачные баллоны тугой оболочки, наполовину наполненные некой маслянистой жидкостью. Левое крыло «бабочки», вернее, кости левого крыла – двукратно больше костей крыла правого.

На столе справа проволока скрепляла конечности большой обезьяны, конечности и башку. Без туловища.

– Говорят, что именно так она выглядела, – ответил таксидермист на вопросительный взгляд господина Бербелека. – Что внутри был лишь зеленый туман. И из этого тумана – лапы, ноги... И якобы, пока возвращались в Александрию, туман осел и испарился. И что мне с этим делать? – развел беспомощно руками демиургос, а левый локоть подскочил выше плеча.

Ихмет Зайдар подошел к небабочке, медленно провел ногтем по баллонам осклизлой оболочки.

– Что ж, пули их берут, – проворчал перс.

После чего криво усмехнулся господину Бербелеку, будто уже полностью освободившись из-под его Формы.

– Ну и как? Не поохотишься, эстлос?

* * *

Назавтра, в Dies Lunae, 28 Апрелиса, господин Бербелек навестил Александрийскую Библиотеку. Фарада отпустил еще с утра. Никто не видел, как Иероним вынимает из-под двойного дна своего дорожного кофра потрепанную книжку в черной обложке и прячет в глубоком кармане кируфы.

Мусейон, основанный Александром в шестидесятый день рождения по образу афинского Ликей его учителя и второго отца, Аристотеля, первоначально состоял из алтарей, посвященных Музам (со временем превращенных в святыни самых разных богов), садов, где под открытым небом проводили занятия (со временем поглощенных Садами Парефены), бестиария (также поглощенного Садами) и основанной самим Аристотелем библиотеки. Библиотека, финансируемая и правительственной казной, не скупилась на физические исследования и поиски софии, а еще оказалась чрезвычайно полезна бюрократическому центру Александрийской Империи, каковым быстро сделался город. Вскоре же она стала независимой, разросшись куда сильнее намерений ее создателя. Нынче, спустя почти две тысячи лет непрерывного собирательства, копирования, переводов и архивации книг и любых других материальных носителей человеческой мысли, Великая Библиотека в одной только Александрии занимала более двадцати строений, где размещалось несколько сотен миллионов томов; а ведь существовали и филиалы Библиотеки в странах бывшей Империи. Лишь Пергамская Библиотека времен подъема Селевкидиков могла с ней сравниться.

Для человека с улицы, захотевшего бы воспользоваться этой сокровищницей знания, подходящим путем был путь через Серапеум. Святыня Сераписа стала первой из аннексированных растущей Библиотекой. Она все еще оставалась местом культа бога плодородия и смерти – хотя первенство здесь удерживала канобская святыня, славящаяся многочисленными исцелениями, – но прежде всего исполняла роль публичного входа в Библиотеку. Библиотекари и жрецы за века выработали кодекс мирного сосуществования, коим обе стороны оставались довольны.

Виктика господина Бербелека переехала мост над Мареотийским озером, свернула с Пелусийского тракта налево и, погрузившись в уличную толчею, застряла посреди юго-западного квартала Старой Александрии. Иероним заплатил виكتикарию, после чего, набросив на голову капюшон, нырнул в толпу пешеходов. По примеру Зайдара он приобрел бамбуковую трость, так называемую рикту – та служила главным образом, чтобы тыкать прочих прохожих в ребра, бить по икрам и защищаться от чужих рикт. Аристократы по определению не перемещались по городу пешком и без сопровождения слуг.

К Серапеуму он не мог не попасть, тот был виден издалека. Дело даже не в том, что само здание было огромным – а было, – но стояло оно на огромной платформе, вознесенной над городом. Господин Бербелек, взбираясь, считал ступени лестницы. Сто шестьдесят три. В центре платформы возвышалось святилище, окруженное мраморной колоннадой. Не было ни дверей, ни стражи, по крайней мере, Иероним ее не заметил; войти мог всякий. За колоннадой, в тенистом преддверье с искрящейся потолочной мозаикой, изображавшей Солнце, открывался Большой Зал святыни, со статуей Сераписа в центре. Не первая статуя работы Бриаксиса, выполненная по личному заказу Александра, – ту уничтожили во время Второго Пифагорийского Восстания. Ее заменили фигурой, перенесенной из канобского Серапеума. Бородатый бог сидел, раскинув руки – под одной присел двуглавый пес, вторая опиралась на массивный скептрон, – и был столь велик, что руки его дотягивались до противоположных стен. Стены же покрывал орнамент из золота, серебра и бронзы; сам бог был изготовлен из золота, серебра, олова, рубии и меди, сапфиров, гематитов, изумрудов и топазов. Высоко на одной из стен было маленькое оконце, отворяемое в день восхваления, когда в святилище вносилось Живое Солнце; через оконце тогда падал узкий солнечный луч и светлым поцелуем ложился на уста бога. Само Живое Солнце возносилось на высоту его губ и там повисало в воздухе, между раскрытыми ладонями бога. Когда вчера проезжали мимо святыни, Фарад услужливо объяснил господину Бербелеку, что в руки Сераписа встроены мощные магниты. Иероним жалел, что не узрит уже восхваления в невежестве – как и должно бы чтить богов.

За статуей, по обеим сторонам, отворялись двери, ведущие в боковые нефы и дальше, в подземелья, непрерывно растущим лабиринтом хранилищ, доходящих до главного здания Библиотеки. Под правым предплечьем Сераписа находился стол пожертвований для святыни, под левым – стол пожертвований для Библиотеки. Дары, конечно же, были добровольными, и размеры их – любыми, но Фарад в своем неудержимом словотоке успел объяснить господину Бербелеку и эту традицию.

Иероним повернул направо, сунул руку во внутренний карман кируфы и положил на стол пять зерновых талантов. Служитель Библиотеки поднял взгляд от книги пожертвований.

Господин Бербелек оперся о край стола рукой с родовым перстнем на безымянном пальце.

– Эстлос Иероним Бербелек из Острога ищет мудрости в пристанище Муз, – сказал он по-гречески.

Служитель кивнул одному из нагих невольников, сидевших на корточках у стены. Раб подскочил к нему; служитель что-то прошептал тому на ухо. Дулос быстрым шагом удалился в глубь бокового нефа.

– Можешь отдохнуть, эстлос.

Господин Бербелек уселся на мраморную скамью за спиной Сераписа. Руки положил на рикту, уперев ее в пол между стопами. Лицо его скрывал белый капюшон; железный перстень с Саранчой был единственным видимым знаком, его удостоверяющим.

– Эстлос?

Он поднял голову. Призванная библиотекарь без сомнения была родовитой александрийской – если судить по ее медной коже, груди классической формы, черным волосам и прямому узкому носу. Длинная юбка высоко на талии сколото пряжкой с геммой Библиотеки.

Женщина провела его в восточный неф, где они уселись за один из низких мраморных столов, заваленный кипами книг. Два библиотекаря работали в глубине помещения, тихо переговариваясь над разложенными бумагами. Было это святилище тени, прохлады и тишины; лампы давали лишь столько света, сколько хватало для чтения.

Библиотекарь угостила Иеронима мёдоринном из наполненной фруктами миски. Он поблагодарил.

– Береника, – представилась она. – Чем могу вам помочь?

Он вынул книгу. Береника протянула руки. С чуть заметным колебанием он отдал ей том.

Она раскрыла его, перелистнула несколько страниц и вопросительно взглянула на господина Бербелека.

– Греческий, окский, гэльский, вистульский, готский, московский или латинский перевод. Есть у вас какой-нибудь из них? Ведь точно есть.

Береника в задумчивости положила закрытую книгу себе на колени – грязная чернота на мягкой белизне – сплела поверху ладони – теперь он заметил, что на больших пальцах она носит одинаковые кольца, – и чуть склонила голову. Оба прятали лица: она – за завесой волос, он – в тени капюшона.

– Я хотела бы узнать, как ты ею завладел, эстлос.

– У вас есть ее перевод или нет?

– Ох, полагаю, есть.

– И?

– Как? – повторила. – Эстлос?

– А в чем дело? Это какой-то редкий экземпляр?

– И впрямь не знаешь —

– Разве я пришел бы сюда и спрашивал бы —

– Ну да. Да. – Некоторое время она молчала. – Собственно, мне нужно сообщить об этом главным.

– О чем, во имя богов? По крайней мере скажите мне, что это за книга! Что это за язык! Что в ней описано! Ведь ты знаешь.

– Знаю, знаю, нам известны такие книги.

То, как она это произнесла – интонация, с которой покинуло ее губы слово «такие», – открыло в сознании Иеронима цепочку быстрых ассоциаций. Александрийская Библиотека – заведение теоретически независимое, но оно находится в землях Гипатии, в антосе Навуходносора. Береника, будучи родовитой александрийской, носит в себе все блага и проклятия этой Формы.

Господин Бербелек отбросил капюшон. Глядя на женщину, легко сжал ее плечо. Она вздрогнула.

– Можешь мне ответить, – сказал. – Должна.

Та механически кивнула.

– «Свет госпожи нашей», скорее всего первопечать, – быстро начала библиотекарь. – Язык Лабиринта, одного из храмовых алфавитов Кафтора, который не используют вот уже тысячи лет. Когда после Пятой Войны Кратистосов и Изгнания Иллеи Коллотропийской появились лунные культы, они восприняли ту традицию и стали использовать этот заново вос-

созданный язык в качестве своеобразного шифра. Письма и книги начали кружить по всей Европе и Александрийской Африке. Сразу по Изгнании кратистосы оставались исключительно чутки, давили на владык, всех схваченных последователей Госпожи приговаривали к смерти. Минуло уже несколько сотен лет, а обладание подобной книжкой все еще рассматривается как отягчающее обстоятельство под антосом большинства кратистосов. Тут, под антосом Навуходоносора, – тоже; особенно тут. Ты должен знать, эстлос: Потния некогда владела этими землями: от Пиренеев до Садары и Аксума. У нас, в Библиотеке, есть эти книги, поскольку у нас есть все, но мы не изучаем их, и никто извне не обладает к ним доступом.

Проклятая Магдалена Леес, подумал господин Бербелек. Только этого не хватало. Если Шулима тоже в этом замешана...

Он сжал руку Береники; раз уже поддалась, не откажет и сейчас.

– Отдай.

Но она вскочила, освободилась от захвата, отступила от стола. Книгу прижала к груди (грязно-черное на светлой бронзе).

– Думаю... думаю, что теперь ты уйдешь, эстлос.

Вот и все тебе возвращение великого стратегоса, – мысленно вздохнул Иероним, снова натягивая на голову капюшон. Если уж библиотекарь – даже напуганная, так легко сбегает из-под моей руки. Другое дело, воистину ли я бросил на весы морфу стратегоса, ведь я не перерезал бы ей горла, это не был приказ, она никогда не приносила мне присягу. Ты не кратистос, Иероним, не король, не аристократ чистой Формы. Детская фантазия Авеля легла на твое сознание. Черно книжник съел твое сердце, забудь о той жизни.

Он вышел из Серапеума на залитую солнцем площадь. С высоты ста шестидесяти трех ступеней он видел всю Старую Александрию, до самой святыни Исиды и Великого Маяка на острове Фарос. Небо безоблачно, безупречная синь, с которой льется очищающее сияние. В несколько ударов сердца у Иеронима совершенно изменилось настроение. И все же, подумал он, вдыхая морской бриз, и все же, Ихмет был прав: долгие дни, теплые ночи, сияние разлито в воздухе, люди красивее, здоровее, специи пикантней, вина горьче; так можно вговорить в себя жизнь и радость к жизни, это благородная форма. Тысяча благословений Золотому Навуходоносору! Не поддамся. Всегда могу, по крайней мере, плюнуть ей в лицо, верно?

Сходя с платформы святилища, господин Бербелек смеялся во весь голос.

* * *

Разделились они под Фонтаном Гесиода. Алитэ была уверена, что он намеревается посетить римский бордель, хорошо прочла его настроение, но Авеля объяло несколько иное желание. Вчера, после ужина, он разговорился с Зеноном, сыном эстле Лотте от первого брака. Рабыни все подливали вино, разговор прихотливо блуждал, куда вели его первые же ассоциации – цирк Аберрато К'Ире, черные олимпиады, римские гладиаторы – и тогда Зенон рассказал об этом месте и показал свой шрам, скрываемый и от матери, и от родового текнитеса тела: узкий бледный шрам на бедре.

– У всякого юноши из хорошего дома есть хотя бы один, – убеждал Зенон. – Это теперь модно. Ходят все. Нельзя избежать. Сады Парефены, конечно же, в Dies Martis, час после заката, но нужно прийти раньше. Сад Двадцать Второй. За поручительство. Один шрам – одно поручительство. Хочешь?

Что за вопрос! Форма не допускала отказа, только трус отказался бы – ничего странного, что «ходят все». Но он и вправду хотел. Впрочем, возможно, именно Форма устроила, чтобы – хотел. Из салона в салон, из квартала в квартал, где-нибудь, где встречаются двое или больше благороднорожденных юношей, достаточно одному сознательно наложить ее – и она победит, невозможно отказаться, понесут ее дальше... Когда он думал об этом теперь, входя в Сады и

всего раз обернувшись на вечерний город, Александрию от горизонта до горизонта, от неба до неба, – то к нему на ум пришел образ невидимого кулака, сжимающего столицу Эгипта и выдавливающего из нее свежайшие, живейшие соки прямо на плодородную землю Садов Парефены, каждую неделю, в День Марса, через час после заката. Если какие-то боги и существуют, тогда они именно таковы, сказал себе Авель. И только так мы и приносим им жертвы: искренно, по собственному, непринуждаемому желанию. Ибо я знаю, что это Форма, но желаю ей подчиниться. Не приди я сюда, не сумел бы взглянуть им в лица: Зенону, остальным, кто знал бы, что я отказался. Над стыдом разум не властен. Стыд рождается из непрестанного сравнения с образом того человека, каким мы хотели бы стать. Точно так же и отцу должно было наказать убийцу на «Аль-Хавидже»; стыдно, что он позволил тому избежать кары. Знаю, что не могу поступить иначе. Авель все время бессознательно оглаживал рукоять готского канджара, укрытого под кируфой.

Святые Сады Парефены заложили еще под аурой кратисты Иллей, до Войн Кратистосов. Говорят, что наилучшие текнитесы ге и флоры суть женщины, что именно их творения входят в историю. Создательницей Садов была Мария Анатолийка, Черная Голубка, та, которая выкормила молочную пальму и песчаную пшеницу, серб и зербиго. Преморфировала этот кусок эгипетской земли таким образом, чтобы каждое растение с этой поры могло навязать ему свою Форму – самые экзотические экземпляры с самых дальних уголков Земли росли здесь в условиях, приближенных к естественным для их родных краев. (Уже во времена Навуходонора часть Садов огородили панелями из воденбургского стекла, чтобы обеспечить дополнительную изоляцию.) Софистесы донныне спорят, в чем именно состояла морфа Черной Голубки, что такого сотворила она со здешним керосом.

Сады Парефены были доступны для гостей круглосуточно, плата составляла двадцать драхм. Авель заплатил и вошел. От стоящего у входа алтаря Парефены аллея разделялась, ответвления разбегались в противоположных направлениях, по окружности. Внутри этого круга находились закрытые сады, обычно пребывавшие под патронатом святыни или одного из Высоких Домов; снаружи – сады открытые, под патронатом Гипатии. Сад Двадцать Второй был садом внутренним, записанным за Птолемеями.

Сгущались сумерки, рабы зажигали лампы. Освещалась лишь обводная аллея, внутренние сады быстро погружались в полумрак, сплетенный из миллионов подвижных теней. Проходя мимо алтаря, Авель взглянул над железной оградой – от северных садов превосходно видны море, Большая Гавань и Фарос, отраженный свет маяка прорывался сквозь сплетения ветвей даже сюда. Авель, однако, повернул на юг.

В эту пору Сады посещали по преимуществу любовники, ищущие уединения; вход был двадцатидрахмовым – еще и затем, чтобы отбить охоту пользоваться садом уличным шлюхам. Сад Индусский, Сад Хатата, Сад Антиподов – эти пользовались наибольшей популярностью. Лишь немногие посещали Сад Ледяной и Сад Садары.

Авель миновал первый поворот. При каждом ответвлении стояла маленькая статуэтка Парефены, по атрибутам в ее руках можно было распознать характер данного сада. Зенон сказал Авелю, чтобы тот повернул у Парефены со змеей у стоп.

Но не сказал, что это – уже второй сад южной аллеи, и Авель, захваченный врасплох, остановился, заметив каменную фигуру женщины и твари. Ладонь стискивала мокрую от пота рукоять канджара. Он облизнул губы, осмотрелся – как раз никого не было, впрочем, какая разница, увидит ли кто-нибудь, о том ведь и речь, пусть все видят, как Авель Лятек, Авель Бербелек этим вот канджаром —

Со мной ведь могло что-то случиться, я мог заблудиться, отец мог поймать меня и запретить, я вообще не должен туда идти, как-то уж отговорюсь, поверят – знал, что не поверят, – а вдруг камень под ногой, вдруг споткнусь в дурной миг, случай, укол меж ребер, врач не справится, так бывает, Зенон говорил, что бывало, – но случай не влияет на Форму, мог ли Алек-

сандр Великий погибнуть, свалившись с коня? – если теперь вернусь, а никто меня не видел, то никто и не будет знать, что я —

Он оставил статуэтку далеко позади, был уже у дверей сада, стальной герб Птолемея – орел на молнии – взблескивал в полумраке. Отворили прежде, чем он постучал. Зенон ждал подле привратника, готовый поручиться.

– Входи, входи, начали раньше!

Угостил его махорником. Авель глубоко затынулся. Держал махорник в левой руке; взглянул – не дрожала. Он усмехнулся криво.

– Ладно; я надеялся, что не придется ждать.

Земли Драконов, Южный Гердон, покрыты, как говорили, гигантскими деревьями со стволами, будто башни, их высокие кроны полностью заслоняли темнеющее небо. Дорогу указывали бумажные лампионы и эхо групповых вскриков. Шли за невольником, что нес на плече большую амфору. Зенон подгонял Авеля, опередил дулоса.

– Пойдем же, хотя бы увижу, чем закончится! – С ветвей гигантских деревьев свисали гирлянды темно-фиолетовых лиан со слабо фосфоресцирующими красными цветами. Входя на поляну, Зенон бросил окурочек внутрь одной из цветочных чашечек. Цветок тотчас сжался в пурпурный кулак.

На поляне собралось под сотню людей, парни и девушки, наверняка никого старше двадцати пяти; в единоморфной красоте своих тел, к тому же идеализированных щедро оплаченными текнитесами, подобные друг другу, будто братья и сестры, все аристократы или потомки родов, к аристократии себя возводящих, будущая элита Александрии, Дети Навуходносора. Они смеялись, скандировали проклятия, прозвища и поощрения, пили из хрустальных бокалов темное вино, курили из персидских трубок сладкий гашиш. Часть сидела в траве, среди раскидистых корней драконьих деревьев, несколько пар, погруженные в ласки, перестали даже обращать внимание на окружающих, – но большая часть стояла в широком кругу в центре поляны, где один обнаженный с ножом в горсти гонял другого обнаженного с ножом. Кольцо красных лампионов висело над их головами.

Зенон с Авелем протолкались в первый ряд, Зенон выхватил по дороге у проходившего дулоса кубок с вином.

– Ха! Я знал! Мышиное сердце! – Сплюнув с отвращением, он вытянул в сторону убегающего поножовщика руку с выставленными в жесте Отвернутых Рогов пальцами.

Авель увидел, что и остальные повторяют тот же жест. Голоса проклинали трусость Гая и подгоняли Аксиндера, чтобы добрался, наконец, до соперника. Авель отчаянно затынулся табачным дымом, но это уже не помогало.

Противники носились по кругу, как видно, так продолжалось уже долго, они скорее плелись, чем бежали, Аксиндер орал на Гая, размахивал ножом, красный с лица, Гай оглядывался через плечо. Ни один, ни второй даже не поцарапаны.

И тут Гай споткнулся и упал на одного из зрителей; тот оттолкнул его, и Гай опрокинулся на спину. Аксиндер подскочил – сейчас он его убьет, подумал Авель, – Гай отшвырнул нож в сторону, и Аксиндер поставил ногу ему на грудь. Оба тяжело дышали.

Толпа начала скандировать одно слово:

– Клятва! Клятва! Клятва! – Форма ситуации была столь сильна, что Авель и оглянуться не успел, как сам уже принялся выкрикивать это желание, все должно исполниться, такова очевидность: – Клятва! Клятва!

Аксиндер придвинул грязную ногу к губам побежденного. Гай не мог уже даже колебаться. С закрытыми глазами приподнял голову и поцеловал стопу победителя.

– Аксиндер! Аксиндер! Аксиндер! – скандировала толпа, Авель с ней вместе.

К Аксиндеру подбежали две девушки, начались обжимания и поцелуйчики, Аксиндер, лучащийся триумфом, возносил вверх чистый клинок будто некий трофей; кто-то вручил ему бокал вина, он вылил его себе на голову. Все смеялись.

Гай отполз за круг света от красных лампионов.

– Ну ладно, – пробормотал Зенон и отдал Авелю пустой кубок. – Герман здесь. Пока не разошлись.

И прежде чем Авель уразумел значение его слов, сын эстле Летиции Лотте выступил на середину поляны и трижды хлопнул в ладоши.

– А сейчас! – закричал он. – Дамы и господа! Сейчас! Ибо вечер едва начался! Не расходите! Сейчас! Слава эстлосу Герману из Меретепов! Сыну Адмоса! Крови тысячелетней! Правнуку Родосского Разрушителя! Девятнадцать лет! Третий вызов! Четыре шрама! Слава! Сейчас! – Герман выступил из круга на середину поляны, из всей одежды на нем были лишь белые шальвары, он быстро их снял; кто-то бросил ему нож, Герман поймал его в воздухе. Зенон обратился к Авелю: – Сейчас! Сейчас! Слава эстлосу Авелю из Бербелеков! Сыну Иеронима! Иеронима Бербелека! Да! Стратегоса Европы! Умитского Победителя! Финаского Победителя! Покорителя Псового Города! Молнии Вистулии! Позора Чернокнижника! Да! Сыну Иеронима Бербелека! Шестнадцать лет! Первый вызов! Слава! Сейчас! Здесь! Сейчас!

С каждой выкрикиваемой почестью отца Авель все уверенней ощущал, что проиграет, должен проиграть, победа невозможна. Медленно и спокойно, будто в трансе – уверенность была столь велика – он снял кируфу и шальвары, расстегнул сандалии, вынул из ножен готский канджар. На миг засмотрелся на черное, искривленное острие из пуринической стали. Рукоять-кобра была мокрой от пота, юноша отер ладонь о бедро.

Зенон, возвращаясь в ряды зрителей, хлопнул Авеля по спине. Авель поднял голову. Ничего не слышал, они уже что-то скандировали, но он ничего не слышал, красный свет отобрал у него слух. Герман шел к нему, выше на полпуса, с ножом, сжимаемым странным хватом на высоте груди. Он тренировался, подумал Авель, он уже дрался, он умеет. Я же кинжалом только играл. Не имею права выиграть. Должен бросить оружие, пасть на землю, поцеловать его стопу. Иначе он меня порежет. Ссволоччь!

Он вообразил это: как падает на колени и целует стопу. Кровь ударила в голову. Он ощерился. Почтение для эстлоса Авеля Бербелека! Сына Иеронима! Прыгнул на Германа. Тот заморгал, поднял нож, в последний момент опустил его, отступил и побежал. Авель всегда был быстр, в гимнасии обгонял всех ровесников. В десять прыжков он настиг Германа, рубанул его через спину, через ногу, через плечо, через спину; схватил за волосы и дернул, останавливая, после чего вогнал канджар ему в правую ягодицу.

Герман упал. Задышающегося Авеля оттащил Зенон. Над побежденным склонились уже лекари, демиургосы крови и костей. Авель отвел удивленный взгляд.

Высокая аристократка с бриллиантовыми перстнями и цветным татуажом, оплетавшим шею, подала Авелю большой кубок, полный вина. Широко усмехнулась. Авель, движением столь естественным, будто стирал пот со лба, притянул ее к себе и поцеловал, судорожно выпивая дыхание меж ее губ.

Зенон дернул его за плечо и вознес над головой его правую руку, все еще стиснутую в кулак. Уже все скандировали, такова была очевидность:

– Авель! Авель! Авель! Авель! Авель!

* * *

Первым, что сделала эстле Летиция Лотте, вернувшись в Александрию, – организовала поздравительный прием. Поздравляла она, однако, не эстле Амитаچه; речь шла о том, чтобы александрийская аристократия могла поприветствовать Летицию. Прием, по словам Лотте,

задумывался «довольно скромным». Она пригласила на него чуть больше сотни гостей. Вечером третьего Маяуса, в час Проскинезы Солнца – когда край солнечного диска касается золотого памятника Александра, – ворота дворца отворились.

Гостеприимство эстле Лотте, сколь бы ни было велико, имело свои пределы, да, впрочем, и не существовало никогда обычая возмещать гостям их траты, и господину Бербелеку пришлось оплатить одежду для себя и детей из собственного кармана. Он разве что приподнял бровь, когда увидел счет, предоставленный мидийским портным и вавилонским ювелиром Лотте: девяносто процентов суммы – было платой за одежды Алитэ. Конечно, он заплатил не споря; но все же при первой же оказии расспросил Портэ и Антона о кружащих меж слугами и невольниками сплетнях (самый надежный источник информации в каждом доме), и тогда всплыло то, чего Иероним и ожидал: Алитэ большую часть времени проводила с эстле Амитаче, во дворце либо в городе, в банях для избранных и в сомеях текнитесов тела, даже покупки она делала в обществе Шулимы. Она морфирует дочь у меня на глазах, злился про себя господин Бербелек. Сейчас, когда Алитэ наиболее податлива, Амитаче формирует ее будущее. И как я могу это предотвратить? Не могу; пришлось бы сломать Форму собственной дочери, пришлось бы связать ее волю. Когда это началось, на «Аль-Хавидже»? Или уже во время встречи в цирке? Воистину, родители никогда не становятся ближайшими друзьями своих детей; роль эту всегда играют чужаки: дети ищут способ вырваться из-под формы отца, матери – и вслепую попадают под формы противоположные. Только вот в случае Авеля тот чужак – это я. Алитэ же – Алитэ нашла для себя Старшую Сестру.

Когда, впрочем, он увидел ее в тот вечер в большом атриуме дворца, рядом с кухней Гипатии, приветствующую вновь прибывших гостей, в одном из тех одеяний, за которые он выложил небольшое состояние, – вся злость его испарилась, и он лишь спокойно признал, что проиграл Шулиме и даже не злится за это. Ибо увидел прекрасную женщину, гордую аристократку. За эти несколько дней Амитаче почти сумела превратить Алитэ в александрийку, даже кожа той каким-то чудом начала насыщаться здешним медным оттенком, цветом «золота Навуходоносора». Черные локоны спадали на спину старательно завитыми волнами, до самого – тоже черного – широкого пояса, прошитого серебряными нитями, из-под него стекал белоснежный шелк длинной юбки, справа расходящейся до колена, в разрезе мелькали золотые ремешки высоких сандалий, в несколько витков охватывавших стройную лодыжку; нога чуть на виду. Алитэ стояла ровно, с головой, откинутой назад, с приподнятым подбородком, отведенными назад плечами, с грудью – правда, еще далекой от навуходоносоровой морфы – поданной вперед, серебряное ожерелье спускалось в ложбинку сосулькой холодного металла, полускрытое за горизонтом Солнце заискрилось на украшении резкими всполохами, когда Алитэ приподняла правую руку, выворачивая ладонь, чтобы приветствующие ее аристократы могли с поклоном поцеловать ее внутрь запястья, и высокие аристократы Эгипта и вправду склонялись, совершали формальный поцелуй, а она вознаграждала их кивком головы и движением черного веера из крыла василиска (держала тот в правой руке), с легкостью и доверительностью, достойными эстле Амитаче, раскрыть, сложить, раскрыть, взмахнуть, сложить, дотронуться до плеча гостя – даже когда те отходили затем, смешавшись с другими, они продолжали оглядываться на Алитэ, обмениваться негромкими замечаниями, пробовали поймать ее взгляд. Девушка делала вид, что не замечает того.

По правую руку от эстле Лотте стояли ее сыновья, эстле Амитаче, да еще эстлос Камаль, единокровный брат Летиции. Это место должен был занимать эстлос Бербелек, но он отговорился делами. Что хуже, отговорка была правдивой: согласно информации, полученной от Анеиса Панатакиса, приглашение принял и появился во дворце эстле Лотте эстлос Кетар Ануджабар, один из двух главных пайщиков Африканской Компании. Не дожидаясь формального представления, он подошел к Иерониму и завел разговор. Конечно, он был намного выше господина Бербелека; из-под расстегнутой картибы виднелся черный мускулистый торс (Ануджа-

бар большую часть года обитал в антосе Меузулека, в крепости Сала на западном побережье Африки), лицо обрамляла остриженная квадратом борода, толстые губы постоянно кривила нахально искренняя ухмылка. Несмотря на молчаливость Бербелека, Ануджабар легко навязал форму беседы. Рюмкой абсента указывал на очередных гостей и вполголоса пересказывал Иерониму самые забавные сплетни о них; порой сплетни эти оказывались иносказательными комментариями к содержавшимся в письмах Кристоффа Ньютэ торговым предложениям. Господин Бербелек слушал с интересом. Эстле Лотте, похоже, знала всякого, кого стоило знать в Александрии.

– Эстле Марта Одиджя, Вторая Наперсница Гемм, на самом деле контролирует канцелярию Гипатии, делила с Гипатией двух последних любовников; однажды впала в безумие и задушила нескольких своих рабынь. О, а это Исидор Вол, улыбнись ему, эстлос, эти двое – его охрана, бывшие солдаты Хоррора, странно, что он вообще пришел, если б ты видел, в какой крепости он живет; когда-то владел почти полной монополией на торговлю с Золотыми Королевствами, в последнее время все пошло наперекосяк, жесткая конкуренция, уже три покушения, может, и больше. Упрак Индус, не тот, левее, рядом с римлянкой с рубином в соске, Упрак унаследовал безумие Химеройса, продвигает проект дамбы на Ниле, утопил в этом уже половину состояния, Гипатия и Навуходоносор, конечно, никогда не выразят согласия, но, Криста ради, не говори ему об этом, хе-хе! О, появился наш косоглазый дипломат, Узо, человек иппонского императора, редко посещает город, держится на границах короны Золотого. Весьма популярен при дворе, дает сумасшедшие взятки. Еще б понимал – для чего. За цветами яприса, под зонтом – сестры Ичепэ из Птолемеев. Ази и Трез, но не отличишь, какая из них кто: живут вместе, вышли за одного мужчину, текнитес убирает любую разницу в их телах, пожалуй, друг друга не отличат, единая морфа. О, тот юноша, что все не оторвется от руки твоей дочери, – эстлос Давид Моншеб, из Вторых Моншебов, внук заместника Верхнего Эгипта, арес. Хотел сбежать в Хоррор, отец держал его под стражей полгода. Как видно, согнул; а может, Давид принес какую-то клятву. Те, что как раз входят, Глакки. У них в семье был демократ, подозрительная морфа, лучше держаться подальше. Та красотка, что здорова-ется с Летицией, – эстле Игнация из Ашаканидов, происходят из Инда, но два поколения как живут в короне Золотого, Игнация якобы даже лично встречалась с кратистосом. С другой стороны бассейна, перед флейтистом, – эстлос Гейне Оникос, едва-едва вернулся из джурджи. Собственно, ты ведь тоже собираешься на джурджу, верно, эстлос?

– Меня пригласили.

– Так как, едешь, не едешь? Поговори с ним.

Эстлос Ануджабар легко уговорил сенешаля, чтобы на ужине их посадили за один стол. Эстлоса Оникоса и вправду сразу же принялись расспрашивать о его недавнем охотничьем походе.

– Этого не пересказать, – сказал тот наконец, пробормотав невнятно и подергав себя за бороду. – Когда теперь вспоминаю... Это все было не так. То есть мы привезли, конечно, всяких трофеев, но они уже тоже изменили вид, совершенно иная форма, ей не удержаться в короне Навуходоносора; так же и с воспоминаниями. Что я могу вам рассказать? Что чудовища? Ну, чудовища. Нужно самому поехать и увидеть.

– И как далеко вы зашли? – допытывался Кетар.

– Не так уж и далеко. Две десятых второго круга. Северный берег Черепашьей. Люцинда хотела идти дальше, но нимроды всегда хотят. Ксевры и хумии переставали нас слушаться, еда сделалась мерзка на вкус, ночью камни вползали зверям под кожу, один из невольников начал срать ртом —

– Э-э, не за едой! – скривилась эстле Игнация Ашаканидийка.

– Прошу прощения. Во всяком случае, мы решили, что время возвращаться.

Господин Бербелек слушал в молчании.

– Говорят, помогает, если напоить их пажубой, – отозвался эстлос Давид Моншеб, также сидевший за этим столом. Большую часть времени он крутился на стуле, чтобы взглянуть на Алитэ, сидевшую за столом Лотте, и не обращал внимания на дискуссию. Иероним подумал, знает ли вообще молодой арес, что сей вот эстлос Бербелек – отец девушки; может, ее представляли только как Алитэ Лятек.

Эстлос Оникос вопросительно хмыкнул.

– Отвар из пажубы, – пояснил Моншеб. – Добавлять в воду для зверей. Охотней пойдут. Слышал, что дикие так делают. Шаманы дают пажубу воинам, которые идут за Сухую Реку.

– Есть такое безумие, известное древним, – вмешался Кетар, отерев рот. – Тело тогда отваливается кусками, кожа, мышцы, до кости —

– Лепра, – бросила молодая негрийка.

– Ну не за едой, не за едой же!

– Просим прощения, – Ануджабар склонился над столом. Тем не менее сразу же и продолжил: – Так вот, до меня дошел слух, что пажуба в больших дозах вызывает лепру.

– В больших дозах даже калокагатия вредна, – подвела итог Игнация, после чего все вежливо засмеялись; такие шутки могут себе позволить лишь бесспорные красавицы. И едва ли не один Бербелек заметил, что на самом деле это была шутка политическая: когда она говорила, то глядела на иппонца Узо, сидящего за соседним столом.

После ужина, когда гости разделились, и часть из них удалилась в зал танцев, а часть – смотреть представления оплаченных Летицией актеров, акробатов и магои, часть разбрелась по дворцу, а часть вышла в сад – эстлос Ануджабар пригласил господина Бербелека на трубку под Луной. Луна была в полутени, разрезанная светом и тьмой как раз между морями, и отбрасывала на сады розовый блеск, в котором все становилось более мягким, сглаженным и скользким. Они сели на одну из каменных лавок, окружавших площадь с фигурными фонтанами. Статуи мужчин, женщин и фантастических какоморфов, из коих под разными углами била вода, были выполнены согласно канонам Навуходоносорова искусства – эллинский натурализм, четкие пропорции, египетский идеал прекрасного – в то время как сам дворец выстроили еще во времена Химеройса, а позже лишь подновляли и приспособливали к новым обычаям. Отсюда, между прочим, происходил и открытый к переднему двору атриум, и раздражающая асимметрия постройки. Бербелек и Ануджабар уселись с левой стороны площади. Перед ними, за завесой серебристых капель, виднелся расцвеченный тысячами ламп и факелов профиль дома; за спиной – шелест невидимых пальм и акаций и шум близкого Мареотийского озера, над головами – безоблачное небо, столь густо инкрустированное звездами, что почти ослепляло даже без полумесяца. Аллеями лениво прохаживалась пара тропардов.

Дулос принес длинные трубки из дерева горус, с каменными чубуками. Кетар набрал из шкатулки травяную смесь, одна четверть гашиша. Раскурили. В сад выходили другие гости, обычно задерживаясь у комплекса фигурных фонтанов. Господин Бербелек заметил Авеля в окружении нескольких молодых гостей. Уже раньше в глаза ему бросилось изменение, трудноуловимый в единичном образе сдвиг центра тяжести Формы юноши. Например, сейчас: все встали вокруг него так, чтобы видеть его лицо, замолкают, когда он говорит, не прерывают того, на кого он в этот миг смотрит, – все старше Авеля, более благородные по рождению, мужчины и женщины. Он оглядывается на проходящего невольника – не успел даже протянуть руку, кто-то другой подает ему кубок с подноса. Смеются, когда он смеется. Что-то за этим крылось, что-то произошло – но в какой форме господин Бербелек мог бы открыто спросить об этом? И существует ли подобная форма вообще?

– «По крику узнаем врага, по молчанию – друга», – процитировал эстлос Ануджабар.

– «Величайшая лож произносится в тиши», – ответил цитатой же господин Бербелек.

Они сидели, повернувшись в одну сторону – ноги вытянуты на коротко подстриженной траве, трубки оперты на грудь, – не смотрели друг на друга, ночь посредничала в диалоге.

– «Люди сильные – суть люди правые и правду говорящие, поскольку всякая ложь требует отречения от своей морфы, и лучшие из лжецов вскоре забывают, кто они».

– «Когда встречаются двое лжецов, то чья морфа побеждает – лучшего или худшего лжеца?»

– Захватив город, Ксеркс приказал казнить всех уцелевших его жителей, поскольку те закрыли перед ним врата и сопротивлялись ему, хотя раньше поклялись в верности. Тогда начали выходить вперед новые и новые из побежденных, клянясь, что они жаждали сдержать присягу, но не сумели пойти против большинства. Ксеркс тогда спросил у тех, кто молчал, правда ли это. Те отрицали. Приказал он тогда казнить всех. Когда спросили его, откуда он знал, кто ему лгал, ответил: «Поскольку я их победил».

– «Не верь человеку, ни разу в жизни не солгавшему».

– «Единственная польза от лжецов: когда говорят правду, никто им не верит».

– «Оскорбляет богов тот, кто обманывает ребенка».

– «В семье лжецов родилось правдивое дитя. Как это возможно? Ведь лжецами были и мать, и отец».

– «Если бы все дети наследовали Форму своих родителей, не оставалось бы надежды для рода человеческого».

– «Кто пожелает зла собственному ребенку? Все бы мы хотели увидеть их лучшими, нежели теми, кем сами обладали волей сделаться, и так же и воспитываем их, а они – своих детей. Таким вот образом, через конечное число поколений будет достигнуто совершенство».

– Есть у тебя дети?

– Семеро.

– А у меня лишь двое.

– Унаследовали ясную и сильную морфу. Ты же это видишь, верно?

– Да. Да.

– И се тот миг, когда впервые понимаешь, что работаешь не для себя, не ради собственных амбиций, но с мыслью о том, что наступит после твоей смерти.

– Да, наверное, так. Но в последнее время у меня не было больших амбиций.

– Но у тебя все же есть некое представление о будущем, в котором... Нет? Ну, по крайней мере, об их будущем.

– А зачем бы мне желать обеспечить их богатством? Если они окажутся достаточно сильны, добудут его сами, верно? А если слабы – и так его утратят.

– Тогда зачем нам вообще тратить время на переживания о бурях, морских тварях, мелях, пиратах, коварной конкуренции, капризах рынка, изменениях цен, нечестных товарищах, лживых партнерах – и сражаться за все большее богатство?

Господин Бербелек пожал плечами и медленно выпустил изо рта сладковатый дым.

– А зачем?

– Поскольку это в нашей природе. – Кетар Ануджабар встал, отложил трубку, огладил картиб. – Послезавтра в бюро Компании, в полдень. Я представлю контрпредложение, принеси соответствующие документы, у тебя есть полномочия, и, если согласишься, подпишем сразу в присутствии свидетеля Гипатии. Эстлос? – Господин Бербелек встал, они пожали друг другу предплечья. – Ты оказал мне честь.

Сказав так, Ануджабар кивнул и ушел.

Иероним окинул взглядом площадь с фигурными фонтанами. Авель куда-то исчез вместе с компанией. А в одну из аллеек сада свернул Исидор Вол с некоей аристократкой под ручку, два стражника двигались за ним как тени. На ступенях сада на миг появилась Алитэ в обществе Давида Моншеба; господин Бербелек двинулся к ним, но, пока обогнул фонтаны, они снова скрылись во дворце. Он же наткнулся на как раз вышедшую Шулиму. Оглядываясь через плечо, та отпустила взмахом руки дулоса и, скорее всего, не заметила Иеронима.

– Ох, это ты, эстлос! – Прежде чем он успел извиниться, миновать ее и поспешить за Алитэ, эстле Амитаче взяла его под руку и потянула на ближайшую тропинку сада. – Нам ведь не предоставлялось случая спокойно поговорить, – начала она, спрятав веер под корсаж; легкий ветерок от озера был приятно холоден и влажен. Серебряный персний Шулимы сверкал в лунном сиянии, будто —

– Убийство! Стража! – закричал бегущий через площадь мужчина. – Они гонятся за мной!

Господин Бербелек выдернул руку из ладони Шулимы. Мужчина добрался до первого скульптурного фонтана; был это Исидор Вол. Господин Бербелек подбежал к нему.

– Стража! – тяжело дышал Исидор. – Стража!

На ступенях дворца появился раб, тотчас отступил назад и побежал за помощью. Господин Бербелек оглянулся на аллею, куда недавно вошел Исидор. Из полумрака проявились три пригнувшиеся к земле фигуры.

– А твои люди? – спросил Иероним.

– И выстрелить не успели.

Фигуры медленно вышли в лунный блеск. Голова и когти тропарда, остальное – человека. Из тени вынырнул четвертый антропард, и они начали огибать фонтаны и стоящих подле него мужчин.

– Если побежим ко дворцу, они вцепятся нам в глотки, – пробормотал господин Бербелек. Сквозь завесу падающих капель он видел эстле Амитаче, спокойно стоявшую на границе мрака и лунных отблесков. Она перехватила взгляд Иеронима и покачала головой. Движение светлых волос привлекло внимание одного из антропардов, он сразу же направился к Шулиме.

Господин Бербелек, не поворачивая головы, косился на дворец. Где эти проклятые стражники? Даже наилучший стратегос ничего не сумеет без войска. Прижавшись к камню статуи, Исидор молился вслух.

Антропард тронулся рысцей к Шулиме. Та сделала шаг вперед, персний блеснул лунной искрой. Протянутой правой рукой указала на землю у своих ног. Антропард остановился, поднял голову, ощерил клыки, а после лег на траву перед Амитаче. Откуда-то она вынула маленький кривой нож.

– Ш-ш-ш-ш-ш, – прошептала, склоняясь над сигеморфом. Он опустил башку. Она перерезала ему горло.

Оставшиеся три антропарда, услышав писк умирающего собрата, остановились и обратили холодные звериные взгляды к выпрямляющейся Шулиме. Господин Бербелек еще успел заметить, сколь смолисто-черной кажется при блеске Луны разлитая по синему платью Амитаче кровь. Кто-то выбежал из дворца. Антропарды снова повернули морды. Отчего они до сих пор не атакуют? Женщина на бегу сдернула с себя юбку, чтобы та не мешала движениям. В руке она держала обломок лампионовой стойки. Бести прыгнули на нее с трех сторон. Завия выполнила три быстрых укола – каждый смертельный. Отскочила, чтобы трупы, падая, не зацепили ее. Господин Бербелек подтянул левый рукав, сжал правую руку в кулак, стукнул по предплечью. Стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть. Синяк появился сразу, абсурдно большой, темный, кровь начала выступать в порах. Значит, Ихмет Зайдар – невиновен. Вот кто убил Магдалену Леес. На площадь выбежали мамлюки с кераунетами на изготовку. Господин Бербелек сел на мокрый мрамор фонтана и снова опустил рукав, скрыв кровавый стигмат. Отбросив импровизированное оружие, Завия подошла к своей госпоже. Шулима отвесила ей две пощечины. Завия встала на колени рядом с трупом четвертого антропарда и поцеловала руку Амитаче, ревностно повторяя:

– Деспойна, деспойна, деспойна. – Господин Бербелек никогда не слышал об аресе-рабе: это ведь противоречие само по себе, как холодный огонь или царь без власти. Даже у кратистосов, даже у Чернокнижника аресы – свободные солдаты. У Завии в глазах стояли слезы.

Эстле Шулима Амитаке повернулась и двинулась к ступеням, ветер прижимал светло-золотые волосы к загорелой спине. Никогда еще она не казалась Иерониму такой красивой. Он сжал кулаки. Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, сорок; хорошо.

Θ. Кинжал

Анеис Панатакис обнажил кинжал.

– Кхтонитарксот, Йахве, Эвламо, теперь он обладает душой. Касайся лишь рукояти, клинок убивает. Мне пришлось найти воистину безумного демиургоса, кузнеца воды, последние дни разложения, тело расплескивается во все стороны черным поветрием; только он сумел вморфировать яд в металл. Ирга, из жала мантикоры, убивает все живое – прикоснись – обуглит кожу, оцарапай – и яд попадает в кровь, всади глубже – и даже кратистос не совладеет. Береги его от воды и ржавчины, эстлос. Держи в холоде и темноте.

Кинжал с халдейским клинком – узкий язык светлого металла, волнистый, будто лист гевеи, будто пламень, змея нападающая, – что одновременно указывало и на его предназначение: это было оружие против Формы, не Материи. Господин Бербелек, конечно, не верил в эти магические бредни, с трудом сохранял равнодушное лицо, когда Панатакис несколько минут бормотал бессмысленные ономата барбарика, – но должен был признать, что получилось прекрасное оружие. Когда господин Бербелек взвесил его в ладони, по спине пробежала дрожь, холодная элегантность вписанной в предмет смерти превращала кинжал в истинное произведение искусства. Демиургос не стал использовать драгоценных металлов, благородных камней, не увлекался резами или орнаментом: гладкая сталь, тонкая гарда, простая рукоять, округлое навершие. Ножны из шкуры крокодила. Прилагались также три ремня с пристяжными пряжками; протянув ремни сквозь симметричные отверстия ножен, можно было привязать кинжал к поясу, к руке, к ноге. Четвертый ремень удерживал сам кинжал, случайно вынь его и дотронься до кожи – и это вызовет как минимум воспаление.

Господин Бербелек, конечно же, не сказал Панатакису, для чего ему необходимо столь смертоносное оружие. Впрочем, и не нужно было: он явился к купцу (на этот раз к нему домой) на следующий день после приема у эстле Лотте – а вся Александрия уже только и говорила, что о покушении на Исидора Вола.

– Тихо, говорю, тихо и без свидетелей! – качал головой Анеис, доливая Иерониму травяного вина, оптовым экспортом которого в Гердон он старался заинтересовать совладельца НИБ. Они сидели на покрытом в несколько слоев коврами полу широкого балкона, пять этажей над главной улицей Картака, нового индийского квартала. – Вот как убивают. А здесь? Это халтура, портачество и оскорбление богов! Тьфу!

– Вол теперь из дома ни на шаг; им пришлось бы его штурмовать.

– Ха! И вот вопрос: откуда они знали, что он придет к эстле Лотте? И ведь – знали с таким упреждением, что успели организовать антропардов! Не хотел бы я нынче оказаться в шкуре домашних Вола, он ведь уже не удовольствуется просто клятвами.

– Верно, ты ведь вел с ним дела.

– С десяток лет, да. Даже надеялся, что он женится на Майе. Может, и к лучшему, что ничего из этого не получилось...

– Однако это был умный ход, – сказал господин Бербелек, – с антропардами: только они могли пробраться на землю Лотте, не растревожив ее тропардов. У Летиции их несколько дюжин, уникальная родовая морфа, ощущают любого чужака. Это было славно спланированное покушение, и оно должно было удалиться.

– С другой стороны, сколько в Эгипте текнитесов фауны, способных сотворить подобных сигеморфов человека и зверя? Трое? Четверо? А Гипатия никогда не простит нападения на дом своей родственницы.

– Даже если кто-то из текнитесов признается, то что? Выращивать можно без проблем. А вот кто у него покупал? Посредник посредника посредника. И кто-то из них, полагаю, уже оказался в брюхе крокодила – и след оборван. Будь у Исидора один враг, дело оказалось бы

очевидным. Но я слышал, их у него столько, что они могут обмениваться взаимными обвинениями до бесконечности.

– Святая правда, святая правда, сам бы не сумел перечислить всех, кто готов убить за свободный доступ в Кривые Земли; все надеются на высокие доходы, хоть, сказать по правде, я и не пойму, с чего бы так. И будут еще убийства, это наверняка. Но так всегда бывает, когда появляется новый рынок, новый товар. Кстати, эстлос, как вам на вкус?

– Хм, конечно, можно и привыкнуть. Анеис, полагаю, мне необходимо разжиться оружием.

– Кераунетом?

– Нет, чем-то небольшим, на всякий случай, но чтобы от одного удара погиб даже бегемот. Кинжал, пусть будет кинжал.

– Понимаю, понимаю, – кивал Панатакис.

Через неделю он вручил кинжал Иерониму на том самом балконе. Условия, подписанные с Африканской Компанией, обещали Панатакису доходы настолько высокие, что безопасность господина Бербелека внезапно сделалась для старого комиссионера делом более важным, чем безопасность внуков: человек глядит человеку в лицо, человек жмет человеку руку, в то время как Купеческий Дом не обладает ни волей, ни честью, ни морфой, и после смерти господина Бербелека придется начинать переговоры с эстлосом Ануджабаром сызнова.

А вот дело с первой просьбой Иеронима продвигалась куда медленнее. Панатакис посылал господину Бербелеку через своих людей письма с кусочками найденной информации; и их было не слишком много.

«Жила в Александрии в годах 1174–76, 1178–1181, 1184 и, с перерывами, после 1187. У эстле Летиции Лотте, у эстлоса Дамиена Шарда, какового считали ее любовником (погиб на океаносе в 1186), и в нанимаемом ею дворце на Старой Канобской. Якобы проишляя Гипатия принимала ее в частном порядке. Кредитные письма на крупные суммы из банков в Византионе и Земли Гаудата».

«Участвовала как минимум в трех джурджах, в 1192 и 1193».

«В 1176, когда были раскопаны катакомбы Пифагорейских Повстанцев, выкупила, опередив Библиотеку, три лучшие всего сохранившихся свитка».

«Видели ее в Гердоне».

«Несколько лет тому кружил слух, что она участвовала в черной олимпиаде; но оказалось, что рисунок, на который ссылались, представлял триумфаторов XXV черной олимпиады, года 964 ПУР».

Господин Бербелек послал письменный запрос, в какой дисциплине принимала участие двойник эстле Амитаче.

«В Ста Тварях».

«Якобы совершила Паломничество к Камню».

«Неизвестен никто из ее родственников. Вспоминала о матери, которая «правит на востоке». Ничего не известно о мужьях или детях».

«Скупала работы Ваика Аксумейца; была публично обвинена в намерениях отстроить его автоматон и вызвала обвинявшего ее на поединок. Неясные показания свидетелей. Вызванный (низкий аристократ из Второго Васета) погиб на месте».

Кинжал был легок, холоден на ощупь, смертельно прекрасен. Иероним привязал его себе под левым предплечьем, ближе к локтю, рукав кируфы скрывал оружие без следа. Ночью, во тьме и тиши своей спальни дворца Лотте, господин Бербелек тренировал движения правой руки – раз, ладонь в рукаве, два, большой палец под ремешок, три, сжать рукоять, четыре, плавно вытащить, пять, ткнуть без замаха, шесть, конец – лишь бы помнило тело, даже если уступит разум.

* * *

Следовало соблюсти четко очерченные обстоятельства места и времени. Никаких свидетелей – значит, только они двое в четырех стенах или в абсолютно пустынной местности. Не дать ей времени на сопротивление – значит, без долгих приготовлений, не вступая в разговоры, иначе она все поймет. И самому уйти живым – а значит, ударить лишь при стопроцентной уверенности, что нигде поблизости нет Завии.

Это третье условие оказалось сложнее всего исполнить. Завия и так редко отходила от своей госпожи дальше, чем на несколько шагов, в соседнюю комнату; а теперь, после покушения на Исидора Вола, разделить их было почти невозможно. Господин Бербелек начал подумывать, не напасть ли сперва на невольницу-ареса или даже не воспользоваться ли помощью Зайдара, нимрода как-никак. Инстинкт стратегоса, впрочем, подсказывал ему не усложнять планы.

Тем временем приближался египетский Новый год, в простонародных ритуалах и древних культах чтимый, несмотря на более чем тысячелетнюю власть римского календаря. Астрологи из Мемфиса предсказывали начало разлива Нила на третью неделю Юниуса. Рождение Исиды выпадало на девятое Юниуса. Был это день начала новой жизни, новой любви, день чудесных исцелений и неожиданных оплодотворений. На рассвете в святилище Исиды в Менотисе воскрешение Озириса, в полдень на Рынке Мира – ежегодный Брак Гипатии, во втором часу покажется в окне своей башни в Менотисе Навуходносор Золотой, вечером жрицы и жрецы Исиды подерутся на улицах с жрицами и жрецами Манат, а в сумерках на Ниле, на каналах, озерах и заливах зароятся десятки тысяч «колыбелей Озириса»: стройных лодочек с зелеными лампами, вывешенными на носу.

Господин Бербелек проснулся задолго до рассвета, дворец Лотте наполняли отголоски хлопот, чрезвычайно энергичных для дня, когда Летиция не устраивает никаких приемов. В воздухе носились запахи мирры и фуля. Кто-то пел под окнами спальни Иеронима. Господин Бербелек выглянул. Нубийская невольница, кормившая тропардов, напевала утреннюю молитву к Богине Трона, слова с забытым значением:

– Нехес, нехес, нехес, нехес эм хотеп, нехес эн неферу, небет хотепет! Вебен эм хотеп, вебен эм неферу, нутжерт эм Анкх, нефер эм Пет! Пет эм хотеп, та эм хотеп, нутжерт сат Нут, сат Геб, мерит Осер, нутжерт асхарену! Анекх храк, анекх храк, туа ату, туа ату, небет асет! – Господин Бербелек щурил глаза в утреннем сиянии. Видел дулосов, расставляющих горшки с цветками амаранта и лилии, дулосов, несущих к озеру стройные лодки из ликота, украшенные эротическими рисунками, видел двоих слуг, целующихся в тени гевей – и внезапно настолько же четко узрел идеальный план убийства эстле Шулимы Амитаचे.

Сегодня ночью.

Он не желал раньше времени показываться ей на глаза. Через Портэ расспросил о подробностях обычаев дома Лотте: в каком часу отплывают лодки, должен ли он нанять собственную и уславливаются ли о знаках или времени и месте. Согласно традиции со времен Александрийской эры, встречи должны оставаться случайными, но, конечно же, таковыми не были, пары заранее сговаривались, темнота же и ритуал позволяли смелость поступков, немыслимую ни в какой другой форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.